

В номере:

Наука и жизнь

- Владимир Анисимов. **Маэстро, я теперь стою на этой сцене!** 3
Вячеслав Овчаренко. **Пропозиция** 7

Интервью в номер

- Виктор Камеристый. **Герои писателя Леонида Словина** 8

Проза

- Владимир Шатров. **Личное дело сержанта Бессарабова** 11
Наталья Гармс. **Сколько нужно мужчин, чтобы...** 22

Гость номера

- Сергей Ракитянский. **Летучий Голландец** 40

Короткая проза

- Виктор Камеристый. **Суд** 45

Очерк

- Виктор Панько. **Алё! Почём сегодня таланты?** 56
Валерий Реницэ. **Взятка Богу** 59

Драматургия

- Сергей Рязанов. **Люций** 64

Поэзия

- Алексей Борычев 75
Александр Петруша 77
Роза Абрамян 79
Светлана Супрунова 81
Алла Ступина 83

Литература для детей

- Галина Зеленкина. **Буквоеды** 85

Дневник путешественника

- Борис Куделин. **Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари** 95

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко, Ольга Бедная,
Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Иван Дуб,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Борис Куделин, Анна Малдофа, Надежда Дёмина,
Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Бережинская

Вёрстка

Дмитрий МАЗЕПА

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Визитная карточка редакции.

Печатать, значит, уже представлять авторов, но некоторым авторам редакция предлагает и свою визитную карточку. Для чего? Прежде всего, дополнительно обратить внимание читателя.

В настоящем номере на суд наших читателей предлагаются произведения Вячеслава Овчаренко и Владимира Анисимова. Оба автора – представители советского всеобуча, получившие образование в середине прошлого века. Что это было за образование? Выпускник институтского курса – это был специалист высшего звена. Полученная система знаний позволяла ему разбираться или в короткое время вникнуть в суть любой отрасли народного хозяйства нашей необъятной страны. Специалисты с высшим образованием того времени и по сей день являются примером всесторонней подготовки. Не случайно тогда считалось – если хочешь стать писателем, получи приличное образование – биолога, агрария, химика, физика, архитектора, врача, в общем, профессию, которая позволит будущему писателю познавать мир, жизнь человека, общества в целом. Представленные авторы именно таковыми и являются. Владимир Анисимов – доктор технических наук, изобретатель, я бы добавил – философ. Редакция подготовила серию статей Владимира Анисимова. Та лёгкость и простота, с которой автору удалось изложить сложнейший научный материал, станет привлекательным не только для людей среднего возраста, но и для молодёжи.

Произведения Вячеслава Овчаренко другого характера. Это философский взгляд чиновника высшего эшелона власти. Вячеслав Михайлович дослужился до заместителя министра. Его короткие строчки больше похожи на щекотливые иголки – могут защекотать, уколоть, заставить задуматься, усыпить, рассмешить.

Творчество обоих авторов заслуживает внимания и удовлетворит интерес пытливого, думающего читателя. И всё-таки судить вам, наши читатели.

Владимир АНИСИМОВ, доктор технических наук

Холодный ядерный синтез: «Маэстро, я теперь стою на этой сцене!»

Если бы автора спросили, что самое сложное в изобретательстве, то он бы ответил, что это не создание самих изобретений, а их внедрение. Поясним на конкретном примере (еще Ньютон говорил, что примеры полезнее правил).

Представьте себе, что кто-то изобрел маленькую мощную электростанцию, которая вырабатывает фантастически дешёвую электроэнергию. И начал внедрять свое изобретение. В нашей стране около миллиона семей. Каждая семья за год платит за электроэнергию несколько тысяч леев. Умножаем и получаем рынок в несколько миллиардов леев. Такой большой рынок без боя не отдадут: там работает много людей, которые кормят свои семьи.

Правильно: тут необходимо государственное регулирование. Например, внедрение биотоплива идет по плану постепенного увеличения его доли в общем балансе жидкого топлива. Процесс растягивается на много лет, а хорошо жить хочется прямо сейчас.

Получается, нужен специальный закон, по которому тот, кто начинает вытеснять с рынка его старых владельцев, должен отдавать им часть своей прибыли, чтобы они могли перестроиться на другую работу. Причем к владельцам рынка в данном случае относятся и работники соответствую-

ющих наук, которые теряют область своих интересов. Именно поэтому чем проще изобретение, тем труднее его внедрить, потому что старые специалисты будут категорически против: то, над чем они работали столько лет и добились таких успехов, теперь стало никому не нужным. (Поэтому в науке есть шутка о том, что новые теории побеждают после того, как вымирают представители старой науки). Есть примеры, когда и этот процесс растягивается на неопределенное время. Сколько лет назад в СССР был изобретен редуктор, у которого шестерни имеют зубья полукруглой формы, теперь уже сказать трудно: 50 лет назад скандал с его внедрением рассматривался уже в Совете Министров СССР. Такие зубья позволяют передавать механическую энергию не по линии контакта, как у шестеренок со сложными профилями зубьев, а по площади, что значительно снижает требования к прочности материала. Редукторы вместо стальных можно делать пластмассовыми. Показали их на выставках, и на том все и закончилось.

Если бы автора спросили, если бы такой закон был, то над чем сейчас надо работать изобретателям, чтобы быстро поднять уровень жизни в нашей стране, то он бы ответил: «Над различными устройствами, использующими энергию холодного ядерного синтеза». И далее рассказал бы следующее.

Для тех, кто не помнит из давно пройденного курса физики тему калорийности топлива, автор напоминаем следующее. Топливо (например, водород) можно просто сжечь и получить соответствующее его калорийности количество тепла. Но это по калорийности водорода при химической реакции его сгорания. Если же такое же количество водорода заставить вступить в реакцию ядерного синтеза, при которой из него получится гелий, то энергии получим в несколько миллионов раз больше. Как видите, другой реакции соответствует другая калорийность топлива, и разница между ними значительная. Водорода на земле много (он входит в состав воды), поэтому овладеть реакцией ядерного синтеза очень заманчиво. Современная наука считает, что именно эта реакция является источником энергии солнца.

Именно по этой причине государства выделяют большие деньги на решение данной задачи для мирных целей. И сначала путь решения этой задачи представлялся только один – через создание плазмы, подобной той, которая есть на солнце. С аналогичными большими температурами и давлениями. Поэтому и строили такие большие и дорогостоящие установки.

Но вот в 1989 г. в США два специалиста (Понс и Флейшманн) объявили миру о том, что возможен и другой путь решения задачи ядерного синтеза – путем накопления изотопа водорода (дейтерия) в металле палладии, который очень хорошо растворяет водород. Опыты были на лабораторном столе в обыкновенной банке из-под консервов. Причем практически при комнатной температуре и нормальном давлении. Из-за этого его назвали холодным ядерным синтезом. Попытки других специалистов повторить полученные ими результаты успеха не имели, пошли слухи, что и у них результаты не всегда повторяются, и вскоре вокруг холодного синтеза разгорелись горячие страсти. Результатом было объявление этого направления работ ошибочным. (Это направление стало «гадким утенком» в ядерной физике – его гнали отовсюду). При этом полностью был проигнорирован успех специалистов из Японии, о котором в советской газете было сказано следующее: «Эксперимент проводился в условиях, близких к тем, которые указаны в работах Понса и Флейшманна. После получения тепла от происходившей в нем реакции для выяснения, от какой именно реакции было получено это тепло, сравнивали количество гелия в рабочей среде до и после эксперимента. Разница составила несколько миллионов раз».

Казалось бы, что еще нужно? Однако единственным последствием этого успеха оказалось только увеличение цены на палладий в несколько раз.

Прошло более 10 лет, и в Интернете стали появляться сообщения о том, что специалисты не выбросили из головы идею получить реакцию ядерного синтеза на простой технике. Пошли сообщения об успешных испытаниях самых разных лабораторных макетов, работающих с разряженными газами, с жидкостями, с твердыми телами. Все чаще стало появляться мнение, что классический путь осуществления реакции ядерного синтеза через создание плазмы в вакууме – самый неудачный.

И вот недавно, в 2011 г., появилось сообщение о возможности приобретения установок, производящих тепло в виде горячей воды, работающих на энергии холодного ядерного синтеза. За что создателям их хочется сказать большое спасибо – они доказали, что путь, указанный много лет назад, все-таки правильный; как сказал Жванецкий, «Как бы это ни было противно окружающим». Эта установка работает на топливе, состоящем из смеси водорода и порошка металла, которые загружаются один раз в полгода. Принцип работы установки практически такой же, который недавно был опубликован в журнале «В мире науки» – реакция распада ядер, запускаемая реакцией их синтеза, с той разницей, что там происходит еще и реакция аннигиляции электронов и позитронов. То есть используются все три возможных варианта получения энергии из массы вещества: синтез ядер, распад ядер и аннигиляция. Стоимость установки мощностью в 1 Мвт – два миллиона долларов. Зная, что поверить в это трудно, фирма приводит фотографии оборудования, его вес, размеры, потребляемую электроэнергию... Последняя оказывается всего в 6 раз меньше, чем вырабатываемая тепловая энергия. Конечно, для первой в мире такой установки это тоже успех. Но прежде чем кто-то примет решение отдать за нее два миллиона долларов, хотелось бы, чтобы этот человек знал о том, что у нас тоже есть талантливые изобретатели. Которые умеют делать необычные вещи с использованием удивительно простого и дешевого оборудования. Например, автор берет использованный одноразовый пластиковый стакан, наливает в него горячей и очень соленой воды, опускает в нее два гвоздя на небольшом расстоянии друг от друга («ноу-хау» здесь в том, что один из гвоздей – алюминиевый), подает на них небольшое (меньше, чем от батарейки) напряжение постоянного тока и получает водород – из воды. (Автор предупреждает тех, кто не помнит из курса школы: водород горит втрое более жарким огнем, чем природный газ, и огонь горящего водорода отличается от привычного нам огня тем, что его практически не видно, поэтому, если не хотите пожара, не вздумайте

получать водород в домашних условиях!). Тепловая энергия этого водорода в те же самые 6 раз больше затраченной электроэнергии, как и в вышеописанном зарубежном чуде техники. Только не за счет ядерных реакций, а за счет использования суммарной энергии – химической, тепловой и электрической.

Аналогичных изобретений – целый список.

А теперь представьте себе, что можно сделать на два миллиона долларов.

Разработать новый вариант источника тепла на энергии ядерного синтеза – раз. Построить на этой энергии электростанцию – два. Создать двигатель для транспортных средств – три. А если строить только маломощные опытные образцы, то от этих денег еще останется «маленький» остаток в 1,9 млн. долларов.

Представляете, какой спрос будет на технику, использующую такие двигатели (установки для полива, тракторы, автомашины и т. д.)?

А пока идет автор по улице со своим семилетним сыном, и тот уже правильно называет иностранные марки автомашин: «Мицубиси», «Тойота»... И спрашивает – а какой автомобиль сделали у нас? И пока приходится ему отвечать так: «Учись хорошо и ты построишь наш автомобиль!»

Для такого оптимизма есть следующие основания.

Первое: автор прошел все уровни учебы: школу, техникум, институт и аспирантуру. И всегда занимался самообразованием, осваивая новые науки. А самые крупные изобретения – это те, которые находятся на стыках разных наук.

Второе: освоил и далее сам развивал науку о создании изобретений, а также разработал методику развития сообразительности. На данный момент только официально признанных изобретений у него около ста.

Третье: за сорок лет изобретательской деятельности многократно получал рецензии специалистов, что предложенное им техническое решение не будет работать. (И продолжает получать такие же рецензии, то есть уровень изобретений не стал меньше.) Делал макеты (чаще всего – за свой счет, поэтому научился работать очень экономно) и показывал, что работает. Справедливости ради надо отметить, что неизвестность рецензента для автора была задумана как возможность дать рецензенту объективную оценку предложения автора. Но эта неизвестность – палка с двумя концами: можно безнаказанно давить конкурента, охраняя свое монопольное положение в данной области.

Поэтому в автомобильной фирме Форда специалисты отвечали за свои рецензии. Был случай,

когда в эту фирму обратился изобретатель с предложением по улучшению двигателя. Форд поручил своим специалистам рассмотреть вопрос о целесообразности использования этого изобретения. Среди специалистов мнения разделились на противоположные, и кончилось тем, что вопрос поставили на поименное голосование. Большинство голосов предложение было отклонено. Изобретатель уехал в Японию, где нашел фирму, которая применила его изобретение. Когда Форд узнал об этом, он лично разобрался в этой технической новинке, а затем поднял протокол поименного голосования и уволил тех, кто проголосовал против, сказав им на прощание: «Мне все равно – не компетентны вы или не порядочны».

В биографии автора был случай, когда он начал работать в области, где на 15 лет впереди были специалисты США. Когда он подал первую заявку на изобретение, ему сказали, что это бесполезное дело: специалистами США уже все запатентовано, и нам их никогда не догнать.

Прошло время, автор сделал в этой области много изобретений, и специалисты США использовали эти достижения с комментариями, что предложенный им способ решения сложной задачи является простым и эффективным. В Москве на защите автором диссертации было отмечено, что специалисты США неохотно признают, что кто-то обогнал их в области, где они были мировыми лидерами.

Четвертое: автор 20 лет ездил по предприятиям военно-промышленного комплекса и видел технику, которая мало уступает фантастике. Поэтому он считает, что если кто-то утверждает, мы что-то не можем сделать, то это в принципе неправильно: этот человек должен был сказать: «Я не могу сделать».

И последнее – пятое: человек давно сталкивается с непонятно откуда идущей избыточной энергией. Эти результаты скрывали, списывали на погрешности измерений и т.д. То есть все, что угодно, только не холодный ядерный синтез.

И только теперь стало понятно, что в очень многих таких случаях именно он и был источником этой дополнительной энергии. Знаете, когда уже было известно о дополнительной энергии? Еще Жюль Верн в книге «Таинственный остров» написал, что инженер, планируя взрыв гранитной скалы, при закладке взрывчатки поясняет: «Взрыв будет усилен, так как гранит очень тверд и окажет большое сопротивление».

Более того – в эпоху распада СССР началось проникновение в средства массовой информации сведений о бывших секретных исследовани-

ях, экспериментальных установках и результатах экспериментов. И выяснилось, что в природе есть простой процесс превращения одних химических элементов в другие. Соответственно и вещества можно получать те, какие нужно, из того, что есть под рукой, в том числе и дорогие металлы из дешевых. (Много лет назад один знакомый автора так назвал органическую химию: «Это наука о том, как переставить местами атомы в молекуле навоза, чтобы получилась молекула сахара»). Нас учили, что атомы всех химических элементов состоят только из трех составляющих – протонов, нейтронов и электронов. При этом было упущено, что нейтрон можно собрать из протона и электрона. То есть первичным строительным материалом может быть обыкновенная вода, в которой атом водорода как раз и состоит из протона и электрона. Еще в СССР эксперименты показали, что из воды можно получить, например, смесь металлов, из которых можно делать детали очень высокой прочности. И процессы эти сопровождаются выделением энергии – в несколько раз больше той, которая затрачивается, – за счет энергии холодного ядерного синтеза. (Думаете, это бросились внедрять? Ничего подобного. Изобретателя довели сначала до инфаркта, а затем и до смерти. Конечно, сейчас пытаются возродить это направление работ).

В журнале «Изобретатель и рационализатор» была опубликована статья, из которой следовало, что то, что показали Понс и Флейшман в 1989 г., было предложено в СССР еще в 1957 (!) году. Но – в другом варианте реализации, хотя тоже с использованием растворения дейтерия в палладии. Далее такие установки, работающие на ядерном синтезе дейтерия в гелий, были созданы в СССР. Они были дешевыми, компактными и прекрасно работали. Если бы дали развиваться этому направлению, то Чернобыльской аварии могло бы и не быть. Кто же затормозил развитие этого направления в угоду огромным атомным электростанциям типа Чернобыльской? Правильно – те самые неизвестные рецензенты. Как жаль, что они работали не в фирме Форда!

Интересно, что об этих установках знал Понс, так как в 1970 г. еще жил в СССР и до этого был экспертом по ядерным установкам такого типа. Почему его эксперименты не были успешными, объясняет следующий старый анекдот. Западному разведчику удастся достать чертежи советской сверхсекретной подводной лодки. По ним срочно на лучшем заводе изготавливают эту лодку, а получается... обыкновенный паровоз. Разведчика обвиняют в измене, хотя на чертежах – название этой лодки. Возвращается он обратно в СССР, находит любителя выпить, работающего на механическом заводе, и после совместной выпивки спрашивает: может ли такое быть, чтобы по чертежам подводной лодки получался паровоз? Тот отвечает, что это не МОЖЕТ БЫТЬ, а так и ДОЛЖНО БЫТЬ. Потому что ко всем чертежам идет множество извещений на изменения в них, причем эти извещения идут отдельно, да еще в разное время, кроме того, в чертежах и извещениях столько ошибок, что все равно детали приходится дорабатывать напильником. Возвращаясь к Понсу, напомним, что эксперты работают не с установками, а с документацией. А вот где и как на самом деле делают военную технику, рассказал однажды по телевидению глава МЧС России С. Шойгу в виде такого анекдота. Работает мужик на детской кроватной фабрике. И таскает домой по одной детали, чтобы собрать дома кроватку своему малышу. Но как ни собирает эти детали вместе, так все равно получается автомат Калашникова.

В заключение можно сказать следующее. Самая большая заслуга создателей тепловых установок на энергии холодного ядерного синтеза заключается в том, что они доказали – устройства на этой энергии могут быть простыми и дешевыми и объем финансирования для их создания доступен не только для маленьких государств, но и для частных лиц. Автор берется доказать, что и в этом случае слова «Не оскудеет рука дающего!» будут правильными. Если мы прямо сейчас возьмемся за создание на этой энергии новых двигателей и электростанций, то у нас еще есть шанс быть первыми.

Вячеслав Овчаренко

Родился в 1941 году в г. Единцы. Окончил Ленинградский институт культуры и заочно юридический факультет Харьковского института. Работал в различных отраслях народного хозяйства и культуры Республики Молдова.

Пропозиция

1. Зря не назвали Молдовой, однако, – это чудесное царство – Монако?
2. В огороде зеленеет красный помидор: уходит вся Молдова сквозь Еврокоридор.
3. – С каким свободная Молдова живёт багажом? – Сдавать молдаван на прокат за рубежом!
4. **Ты нам и мы тебе!**
Родина-мать на примете
иного не пожелать тебе:
«Раньше думай о своих детях,
а потом о важной себе!»
5. **Гастарбайтер**
Где больше вам платят,
там больше и тратят.
Руки рабочие проданы,
а сердце сына – для родины.
6. **Псалом от Мирчи Снегура**
Молдаване послали богу
письмо с хвалой благодарственной,
что дал три языка в подмогу:
молдавский, румынский и государственный.
7. **Любимая**
Любимая ты, моя родина.
Сколько бы ни было пройдено,
вторая жизнь тебе была б отдана.
8. Солнце ты зря не вини,
только мама греет и в тени.
9. Мудрец учится владеть собой,
глупец стремится править толпой.
10. Жизнь сама для здоровья вредна!
11. Зависть – это когда тебе плохо,
если другим хорошо, до последнего вздоха!
12. С точки зрения верблюда:
он родня простого люда.
13. Целебная штука от нервов –
эта целая штука евро.
14. Товар тоже почувствовал праздник
и подскочил с ценой вверх, проказник.
15. Ходит песенка по кругу,
а подарки – по друг другу.
16. **Басовитый тенор**
(Эпиграмма на Николая Баскова).
В пении Басков как тенор – ласков,
но славы массу требует басом!
17. **Защитодень**
Всемирный день защиты родителей
от взрослых детей и прочих вредителей!
Думаю, что народ не забудет учредителей?
18. Демократия не будет играть роль притворщика,
если дочь президента выйдет замуж за уборщика.
19. В президентуре шёл бой
за овладение «каменной» спиной.
20. Чем выше задираешь нос, тем хуже видишь
свой хвост.
21. **Маугли**
Голодные волки так и не смогли
нам вырастить второго Маугли.
И даже люди им не помогли.
22. Любовник – это любовь к искусству,
а супруг – это жизнь, чтоб ей было пусто!
23. Весь мир красавицу может любить,
но кто-то иногда должен её кормить.
24. Выпил я два литра самогона
и вижу, что кругом меня не все дома...

Виктор Камеристый

Герои писателя Леонида Словина

Леонид Семенович Словин – один из самых признанных авторов современного детективного романа. Родился 2 ноября 1930 года в городе Черкассы, Украина. Двадцать пять лет проработал в уголовном розыске. Член Союза писателей с 1977 года. Автор более тридцати детективных романов, вышедших общим тиражом около четырнадцати миллионов экземпляров. Лауреат премий Союза писателей и МВД РФ. Наиболее известные романы – «Бронированные жилеты», «Астраханский вокзал», «Транспортный вариант». Роман «На темной стороне Луны» (в соавторстве с Георгием Вайнером)

переведен на французский язык и включен в знаменитую «Черную серию» издательства «Галимар» в Париже, что и послужило литературной основой для одноименного телесериала.

В чем главный успех детективного жанра?

– Что касается причин успеха жанра, то, на общий взгляд, детектив всегда связан с преступлением, почти всегда с убийством. Именно эти тайны наиболее притягивает читателя, сколько бы мы себя ни уверяли в обратном. Кроме того, и детектив, и милицкий роман – это сегодняшний городской роман. В нем все близко, до боли узнаваемо.

Детектив без убийства? Как это понимать?

– Мы часто причисляем к «детективам» и так называемые «полицейские романы». Есть разница. Проще говоря, Агата Кристи – это детектив, Жорж Сименон – «полицейский роман». Говоря о «не настоящей крови», я имел в виду именно детективы. И только. В детективе главное – тайна. Это, по сути, игра, в которую автор играет с читателем. Преступление в нем некая условность. Настоящая кровь будет отвлекать от игры. В полицейском романе этой игры нет. Тайна убийства в них не является смыслом произведений. Убийца может быть даже известен с самого начала. Все настоящее, и кровь – тоже. Малейшая неточность выглядит оскорбительно ложной. Авторами романов чаще являются люди, хорошо знающие эту работу.

Зачастую детективщиков и журналистов обвиняют в том, что они учат, как правильно совершать преступления. Вы до сих пор считаете, что это не совсем так?

– Жанр не виновен в возникновении преступности. Ученые называют множество различных причин, в том числе социальных, биологических и прочее. Криминологические исследования, проведенные еще в советское время, указали на значительно сниженный уровень образования людей, совершивших уголовные преступления. Грубо говоря, преступники не только не читают детективы, а вообще ничего не читают. Другое дело, что кто-то из преступников может использовать при совершении преступления что-то, что он почерпнул из книг. Это может быть детектив, наставление по криминалистике, учебник химии... Что из того? Теперь не писать, не читать? Спрятать столовые ножи и вилки – преступник ведь и их может превратить в орудия преступления!

Вы более двадцати лет отдали уголовному розыску. В фильме «Дополнительный прибывает на второй путь», например, у сыщиков всего сутки на раскрытие...

– Я начинал на «земле» – в Костроме. Может, поэтому мое сердце отдано уголовному розыску территориальной милиции. Когда я перешел в транспортную – на столичный железнодорожный вокзал – я не думал, что задержусь там на двадцать лет. Я был начальником костромского уголовного розыска и пришел на вокзал опером. Тем не менее по причинам, от меня не зависевшим, я застрял на вокзале, о чем, кстати, сегодня не жалею. Я обслуживал непосредственно вокзал вместе с очень талантливым сыщиком, который стал героем нескольких моих повестей – Виктором Акимовым, недавно ушедшим из жизни.

В наше время многие сыщики, разочаровавшись в системе, мечтают уйти на покой. Но не у всех получается. Вы стали консультантом частного сыска в Москве – в чем состоит работа?

– В то время в Москве и по всей России, как грибы после дождя, росли частные сыские агентства, бюро с самыми экзотическими названиями. Было очень интересно. Я пришел в частную охранно-сыска-

ную ассоциацию в качестве советника президента, который вскоре стал моим другом. Мы вместе были на семинаре «Защити свой бизнес» в Лондоне, налаживали связи со знаменитыми частными агентствами Англии. Президент Ассоциации стал членом трех самых престижных международных организаций профессиональных сыщиков. Используя доступные мне сведения, я написал несколько детективных повестей, в том числе «Отстрел», «Пауки», «Война крыш», «Агентство «Лайнс».

Глава детективного агентства, советником которого вы являлись, признался, что ваша книга «Бронированные жилеты» перевернула ему жизнь и заставила вернуться к брошенной профессии сыщика. Чем его поразила именно эта книга? Расскажите о ней немного подробнее.

– Повесть «Бронированные жилеты» – о розыске таксистов-убийц, увозивших из аэропорта в подмосковные леса женщин, прибывавших ночными рейсами и решавших воспользоваться их услугами. Эта повесть, в которой смог впервые открыто рассказать о том, о чем мы, опера, все знали и молчали. О том, как на словах ратую за полную регистрацию всех заявлений о преступлениях, начальство, когда ему приносили заявление о нераскрытом грабеже или краже, вело себя так, словно ему предлагали выпить стакан с ядом. «Бронированные жилеты», изданные общим тиражом более миллиона экземпляров, долгое время были и моей любимой книгой. Честный сотрудник милиции и сегодня нередко ведет борьбу на нескольких фронтах – с преступностью, с оскорбительным предубеждением окружающих, которым он посылно служит, и с делающим карьеру собственным начальством. Именно карьерное начальство обычно и толкает сотрудника на нарушение закона во имя показухи, статистики и прочего. Наше поколение было чище, мудрей, милосердней. Посмотрите статистику, сколько ментов гибнет ежегодно. Общество и не вспоминает о них. Кто сегодня помнит Веру Алфимову, молодую милиционершу, убитую при нападении на инкассаторов в 1986 году? Мало кто. Поэтому памятник в Москве поставят не ей и не таким, как она.

И раз уж зашла речь о милицеском романе, то, как известно, почти за каждым преступлением следует наказание, а значит, речь так или иначе пойдет о справедливости. Что для вас, Леонид Семенович, справедливость? Например, тот же «Ворошиловский стрелок» Пронина – справедливость в последней стадии отчаяния?

– Можно относиться по-разному к герою, который взялся за винтовку, чтобы наказать трех подонков, изнасиловавших его внучку, после отказа правоохранительных органов расследовать это преступление. Я часто говорил об этом с Виктором Прониным – моим близким другом – и даже полемизировал публично в газете. Он отвечал мне с иронией, типа, «посоветуй, как поступить Ивану Федоровичу, чтобы не превратиться в «пьяного, слезливого старикашку» и в то же время не нарушить законодательства? Может быть, ему в Страсбург письмишко накатать и дожидаться ответа высокоумных европейских правоведов?» Получается, возражал я, есть один выход – брать закон в свои руки и мстить. Кто-то пишет и пишет жалобы, надеется на Верховный суд, на суд в Страсбурге. Кто-то положился на Всевышнего. И еще... Почему «ворошиловский стрелок» убоился признать свою вину? Пойти на суд с поднятой головой... Дело в том, что справедливость не делается грязными руками... Что касается Виктора Пронина, то в его последней книге «Божья кара» я нашел такую фразу, сказанную одним из героев, в смысле того, что самосуд и есть божья кара. Видно, полемика вокруг «Ворошиловского стрелка» моего друга задела. И крепко.

Вы знакомы с Андреем Кивиновым и другими детективщиками «новой волны». В чем они отличаются от братьев Вайнеров, от Николая Леонова?

– Андрей Кивинов, его питерские коллеги – Максим Есаулов, Александр Новиков, Сергей Майоров – не очень-то должны оглядываться в сторону МВД РФ... Нынешние авторы свободны в выборе тем, в описании сотрудников милиции и процессов, происходящих в правоохранительных органах. Братья Вайнеры, Коля Леонов, Аркадий Адамов – все мы оглядывались на Пресс-центр МВД СССР, который мог одним росчерком пера лишить тебя права на публикацию. Помню, как при рецензировании повести «Дополнительный прибывает на второй путь» Пресс-центр письменно предупредил издательство о неуместности упоминания о наркотиках. А там все завязано на транспортировке наркотиков. Я впал в отчаяние. Но опытный редактор меня успокоила. «Ерунда. Они просят только заменить слово «наркотик». Я тут же нашел синонимы «эта дурь», «зараза»... Так повесть и прошла в свет. Я считаю, что эта экранизация, как и другая – «На темной стороне Луны», созданная вместе с Георгием Вайнером, удалась во многом благодаря мастерству прекрасных режиссеров – Валерия Ахадова, Сайдо Курбанова. Да и актеры в этих фильмах сыграли достойные: Сергей Никоненко, Мурад Раджабов, Александр Фатюшин, к сожалению, он тоже рано ушел из жизни...

Аркадий и Георгий Вайнеры были вашими друзьями долгое время.

– Мы близко общались более тридцати лет и даже однажды вместе писали втроем – сценарий фильма «Как стать генералом?» для Бакинской студии. Но у меня были свои близкие друзья, у Братьев – свои. Когда я познакомился с Аркадием – мы вместе учились в юридическом институте – его брату Георгию – Жоре – было всего десять лет. Потом, когда я приехал из Костромы в Москву, Братья были на «вольных хлебах», были свободнее по времени, а я служил на Павелецком вокзале в розыске со всеми вытекавшими из этого последствиями. Регулярно мы встречались на заседаниях Приключенческой комиссии Союза писателей СССР, во главе которой стоял писатель Аркадий Адамов. Сегодня многих из тех писателей – увы! – уже нет в живых.

Как и самих Братьев. Аркадия Адамова, Павла Шестакова, Николая Леонова, Леонида Платова, Николая Томана, Александра Насибова... В то время их имена были известны всем любителям отечественной приключенческой литературы. Как и при написании сценария втроем, мы составили план повести – некую таблицу, похожую на шахматную доску, в клеточки которой вписали порядок эпизодов, потом разделили их (эпизоды) между собой. Мне досталась «ментовская» линия, Аркадию что-то иное. Закончив работу, мы сдали ее Георгию, и он рукою мастера придал стилистическое однообразие сценарию. Примерно так же мы работали и вдвоем с Георгием. Я не видел его за работой, а лишь читал уже написанное. По готовому тексту я мог судить, что Георгию писалось легко и весело. Повесть мы назвали «Шальная жизнь на темной стороне Луны», название это придумал Жора, и закончили ее довольно быстро, и в том же 1988-м.

Последняя ваша книга «Погоны, ксива, ствол», о чем она?

– Книгу «Погоны, ксива, ствол» я посвятил моим бывшим коллегам – российским ментам. О чем она? Всего одна ночь опера, лишившегося табельного оружия, и его начальника розыска, задержавшего до утра рапорт наверх о чрезвычайном происшествии. Ночь, вместившая в себя все возможные усилия и варианты поиска и погони: штурм жилья преуспевающего мафиози, освобождение заложника, захват главаря нигерийской мафии, разборку с «оборотнями в погонах», ультиматум всесильному генералу и обыск в криминальном «Бюро федерального сыска». А еще утро – чтобы все поставить на свои места, отбиться от штатных интриганов, раскрыть убийство и задержать насильников... Кроме сотрудников милиции полноправными героями борьбы с преступностью в моих романах выступают также два персонажа, прежде не появлявшиеся на страницах «ментовской» прозы. Это – тайные помощники милиции, бывший вор и студентка, выступающая в роли вокзальной проститутки. Работа этих людей, презираемых маргиналами, их роль в раскрытии преступлений представлена как нужная и благородная, в принципе ничем не отличающаяся от работы «агентов национальной безопасности» – «штирлицев» – требующая не меньшей смелости и самоотдачи. Однако последние пожинают плоды восторга и восхищения общества, а на долю помощников милиции достается лишь высокомерное презрение. Но ладно... Будем жить...

Владимир ШАТРОВ

Личное дело сержанта Бессарабова

Рассказ

Продолжение. Начало в №11,12 (2012), №1 (2013).

4

Инструктор

За всю свою долгую восемнадцатилетнюю жизнь Вова Бессарабов ещё никого не убивал, за исключением комаров, тараканов и одной маленькой мыши, которую, впрочем, изначально лишать жизни и не собирался. Мышь забежала в родительскую квартиру из общего коридора и стала метаться по комнатам. Кроме Володи, дома была его младшая сестра, которая, увидев несчастного грызуна, подняла визг. От звуков, издаваемых сестрой, в окнах задребезжали стёкла, признавая своё поражение, смолкла дрель в соседней квартире, на лестничной клетке захлопали двери. Мышь замерла на месте, встала на задние лапки и, вращая головой, принялась искать источник ультразвука. Володя схватил тяжёлый отцовский ботинок и на несколько секунд задумался. Вообще-то выходов из создавшейся ситуации было всего два: метнуть килограммовую обувь в маленькое животное (имеется в виду мышь) или запустить ботинком в младшую сестру. Володя выбрал первый путь, который и привёл к гибели хвостатого гостя. Долго ещё потом невольный киллер, вспоминая это происшествие, терзался муками совести и сомневался в правильности принятого решения.

С тех пор многое изменилось. Владимир окончил школу и, завалив экзамены в институт, отправился в Советскую армию. Минул уже месяц, как из призывника он превратился в рядового и две недели как он стал курсантом 118-го учебного танкового полка. Детство осталось бесконечно далеко позади, произошла переоценка ценностей, добродушие сменилось упрямством, человеколюбие – чувством самосохранения. И сегодня курсант Бессарабов готовился убить человека...

Время для задуманного злодейства было подходящее – одиннадцать часов ночи. Заснуть Бессарабов всё равно не мог. Ночная казарма была полна звуков. На втором ярусе кроватей, в дальнем углу, громко переговаривались на родном языке земляки Бессарабова – Жора Шкёпу и Вася Лаптебатут. Они были единственными солдатами второго взвода, не имевшими прозвищ, поскольку, как заметил замкомвзвода старший сержант Коржан, «с такими фамилиями клички на хрен не нужны, и так смешно!» Ночная беседа земляков Володе не мешала.

Строго по диагонали, в нижнем ярусе противоположного угла, о чём-то шептались казахи Алибаев, Дандыбаев, Джаркимбаев и Омербаев. В этом «совете старейшин» не принимал участие только пятый казах – Дин-Мухамед Садыков по прозвищу Муха. Вообще, как заметил Бессарабов, Муха с земляками общался неохотно, видимо, из-за того, что его фамилия оканчивалась на «ов», а, следовательно, происходил он из бедного рода и с остальными баями ничего общего не имел. Однако мерное жужжание басмачей Володю тоже не напрягало.

На кровати, которая находилась прямо под койкой Бессарабова, тревожно спал белорус Казимир Мартинкевич по прозвищу Казик. Жилось Казик в армии нелегко. Злобная природа сложила в его организме генетические кубики в странном порядке, сделав из внутренне нормального парня внешне некое подобие девушки. Разговаривал Казимир тонким фальцетом, при этом забавно причмокивая губами в конце каждого слова, бегал, прижав локти к телу и волнообразно покачивая задом. Ко всему этому можно добавить, что воспитывался Казик в интеллигентной профессорской семье, а потому всегда краснел от сальных шуток товарищей, смущался, слушая эротические воспоминания сослуживцев и трёхэтажный мат отцов-командиров. Был у Казимира ещё один «пунктик» – к любому незнакомому человеку, независимо от возраста, он обращался на «вы», добавляя эпитеты «милейший» и «добрейший», чем вводил в состояние шока солдат соседних рот и батальонов. Из-за своей женоподобности Мартинкевич частенько становился объектом насмешек других курсантов и издевательств со стороны старшего сержанта Коржана. Все мытарства Казик переносил мужественно и только во сне стонал, всхлипывал и жаловался кому-то на жизнь, наверное, маме. Впрочем, и это Бессарабову не мешало, к ночному бормотанию Мартинкевича он уже привык.

На отдельно стоявшей койке, которая находилась за печкой (а казармы бывшей немецкой артиллерийской части «Адольф Гитлер лагерь» имели печное отопление) квартировал единственный туркмен взвода Нарбай Саюнов. Он тоже не спал. Каждую ночь, достав из шкафа с шинелями спрятанный там пятиструнный туркменский уд, он заводил одну и ту же заунывную песню. Примечательно то, что днём по-русски Нарбай не говорил совершенно, хоть и было видно, что он всё понимает. А вот еженощную композицию туркмен исполнял на великом и могучем. В балладе было около пятидесяти куплетов, и замороженный акын не успокаивался, пока не доводил песню до конца. Под звуки восточной мелодии плавно и печально вёлся рассказ: «Вся жизнь за каким-то барханом, дай, боже, глоточек воды. Идёт караван из Ирана – он много везёт анаши. О, караван, ты будь осторожен в пути, душистый план так опасно

и трудно вести...» В этой истории было много действующих лиц. Кроме караванщиков и верблюдов, в ней участвовали иранские наркополицейские, афганские бандиты, жестокие советские пограничники, а также неодушевленные персонажи: зыбучие пески, палящее солнце и тайфун-шайтан, который преследовал караван всю дорогу. И тем не менее караван в конце композиции достигал территории Туркмении, принося жителям радость, счастье и веру в светлое будущее. За две недели прослушивания отчёта о похождениях каравана Бессарабов выучил балладу наизусть, и она начала его дико раздражать. И всё же убивать Володя собирался не Саюнова.

Этой ночью старуха с косой должна была прийти за заместителем командира взвода старшим сержантом Коржаном. «Замок» сам ежеминутно приближал свой смертный час, глумясь над всем взводом, тираня в том числе и Бессарабова.

Всё началось с первой встречи. После прилёта из Советского Союза Владимир попал на пересылку в немецкий город Франкфурт-на-Одере, где примкнул к команде будущих танкистов, здраво рассудив, что кататься на танке легче, чем бегать по полям в пехоте или таскать кирпичи в стройбате. В результате утром следующего дня он в гордом одиночестве уже сидел в расположении второго взвода седьмой учебной танковой роты и с интересом ждал дальнейшего развития событий. Тут открылась дверь, и в спальное помещение вошёл старший сержант. С командиром такого ранга Бессарабов уже сталкивался во время двухнедельного карантина в молдавском городе Бельцы. Старший сержант Смирнов, чьим заботам в Бельцах были поручены пятьдесят новобранцев, в том числе и Володя, исповедовал принцип: «Дедушка должен быть толстым и ленивым». В связи с этим он всегда находился в состоянии релаксации и неподвижности, спал большую часть суток и абсолютно не интересовался тем, что происходит вокруг.

Вспомнив Смирнова, Бессарабов дружелюбно улыбнулся вошедшему старшему сержанту, продолжая сидеть на табурете.

– Почему не встаёшь, дух? – злобно спросил вошедший.

– А надо? – искренне изумился Володя.

– Уже нет! Теперь надо упасть и отжаться! – заявил старший сержант и вдруг заорал так, что Бессарабов вздрогнул: – Упор лёжа принять! Начинаем отжимания! И раз...

Неведомая ему ранее сила армейской дисциплины буквально швырнула Володю на пол и заставила отжиматься. На счёт «двадцать пять» мелко затряслись руки, а на счёт «тридцать два» новоявленный танкист упал лицом на пол. Старший сержант Коржан (а это был он) переступил через лежащего Бессарабова, снял с вешалки свою командирскую сумку и, переступив в обратном направлении, вышел из помещения.

Перечислить все придирки и издевательства командира за прошедшие две недели Володя, наверное, уже бы и не смог. Но впервые мысль об убийстве сержанта смутно шевельнулась в голове курсанта только сегодня. Командир взвода старший лейтенант Трифонов назвал Бессарабова румыном, чем здорово его обидел. Заметив реакцию Володи на это прозвище, Коржан в течение нескольких часов десятки раз повторил эту кличку и добился того, что она к Бессарабову приклеилась намертво. Скрипя зубами, новоявленный Румын стерпел и это. Наконец день завершился, но ночь не принесла желаемого облегчения и свободы от ига замкомвзвода. Коржан храпел. Нет, храпят многие, но назвать храпом звуки, которые исторгал из своего горла старший сержант, мог лишь абсолютно глухой человек. В этих звуках было всё: рёв танков, штурмующих серьёзную преграду, свист авиационных бомб, летящих с большой высоты, хрипы и стоны раненых на поле боя после большого сражения. Заснуть под такое музыкальное сопровождение мог только солдат, прошедший всю Великую Отечественную войну в штрафбате. Лежа в кровати, Бессарабов представлял себе, как он подходит к спящему Коржану, берёт в руку тяжёлый армейский табурет и с размаха опускает его на ненавистное храпящее лицо.

Наконец терпение лопнуло. Володя решил сосчитать до десяти и, если храп не прекратится, вычеркнуть замкомвзвода из списков военнослужащих Группы Советских войск в Германии посмертно. На счёт «восемь» Бессарабов заснул...

Всю ночь ему снились радужные сны о безвременной кончине старшего сержанта и последующем расследовании убийства, которое ни к чему не привело. А потому, услышав утром вопль Коржана: «Взвод, подъём!», Владимир улыбнулся и продолжил спать, прекрасно понимая, что покойники ведут себя тихо и орать дурниной не могут.

Тем временем суэта во сне Бессарабова продолжалась. Скрипели кровати, гремели табуреты, шуршала одежда, топали сапоги... Вдруг раздался очередной крик замкомвзвода: «А что, иностранцев команда «Подъём» не касается? Алибаба, разбуди Румына!» Вслед за этим у самого уха Володи раздалось возмущённое ворчание курсанта Алибаева: «Кому спишь, румынский морда? Вставай пришёл!» Засмеявшись спросонья от нелепого построения фразы сослуживца, Бессарабов разлепил глаза и тут же в ужасе их зажмурил – в двух метрах от его кровати возвышался явно живой и совершенно здоровый Коржан. Через секунду Володя уже стоял около своей табуретки с формой и внутренне содрогался от змеиного шипения старшего сержанта.

– Я не понял, дух, тебе кажется, что ты здесь самый пофигист? Ты знаешь, что бывает с теми, кто кладёт банан на команды начальства?

– Никак нет, товарищ старший сержант! – честно ответил Бессарабов. – Что?

– Их воспитывают коллективом, Румын, – уточнил замкомвзвода.

– Это как? – заинтересовался Володя.

– Сейчас узнаешь...

В течение следующих двадцати минут весь взвод по команде Коржана «Отбой» раздевался и запрыгивал в кровати для того, чтобы через несколько секунд по команде «Подъём» спрыгнуть с них и начать одеваться. Одевались по полной форме только для того, чтобы по команде «Отбой» снова раздеться.

Наконец монотонность ситуации утомила самого старшего сержанта, и он выкрикнул команду, шизофреничнее которой Володя не слышал за все последующие два года службы: «Взвод, строиться на подоконниках в две шеренги с матрасами "в скатку"!»

Через несколько секунд матрасы были скручены в рулоны, и тридцать человек столпились у окон. Подоконники в немецких казармах были в два раза шире советских, но построиться на них в две шеренги, да ещё и держа перед собой толстую «скатку», не представлялось возможным. Образовалась нехорошая пауза, которую нарушило очередное шипение замкомвзвода.

– Так. Теперь, значит, все отказываемся команды выполнять? А это уже коллективный бунт. Дисбатом попахивает...

– Никак нет, товарищ старший сержант, – опять вступил в полемику Бессарабов. – Просто не помещаемся. Нельзя впихнуть невпихуемое...

– Надеюсь, вы свои пустые черепа в противогазы впихнуть сможете, – поставил точку в разговоре Коржан. – Взвод, газы!

Через положенные по нормативу тридцать секунд курсанты похватили с верхней полки вешалки противогазы, снабжённые табличками с их фамилиями, и надели.

Удовлетворённо осмотрев шеренгу «фантомасов», стоящих перед ним, старший сержант изрёк: «Ну что, мамонты бритые, потопали в джунгли? Бегом марш!»

Сразу за КПП начинались великолепные сосновые боры, вдоль и поперёк исчерченные тропинками и танковыми дорогами. Имея начальные представления о картографии и расположении сторон света, по ним можно было гонять личный состав часами, совершенно не удаляясь от воинской части. У Коржана такие представления были...

Через двадцать минут галопа по пересечённой местности Казика вырвало прямо в противогаз. Заглядевшись на это чудесное зрелище, курсант Рыжов споткнулся о корень дерева и врезался головой в молодую сосну, сбив с неё весь урожай прошлогодних шишек. Зацепившись носком сапога за ногу Рыжова, кубарем покатился под откос низкорослый Дандыбаев. Остальные казахи попрыгали вслед за ним для оказания первой медицинской помощи. Оценив потери взвода, старший сержант подал команду «Отбой газов!»

В часть возвращались «гусиным шагом». Идущий на корточках рядом с Бессарабовым туркмен Саюнов покачал головой и прошептал: «Твоя Румына – плохая люди. Упрямая, как ишак! Зачем шайтан дразнишь? Смерть ищешь?»

Воспитания коллективом не получилось. Кроме Саюнова, Володе никто ничего не сказал. Румына во взводе уважали. Однако Бессарабов решил быть осмотрительнее и товарищей не подставлять. Правда, это было легче решить, чем сделать. Вконец озверевший замкомвзвода искал любой повод для придинок, а если не находил, издевался над курсантами в счёт будущих прегрешений.

И всё же что-то человеческое проглядывало порой и в поведении Коржана. Прекрасно видя, что Мартинкевич находится на пороге нервного и физического истощения, на очередные штрафные работы по выкапыванию танковых окопов сапёрными лопатками замкомвзвода его не взял. Вместо этого, выдав Казика красный фломастер, Коржан поставил задачу ловить летающих по расположению взвода мух, но не убивать их, а красить им крылья. Причём охотнику было наказано разрисовывать только мух второго взвода, а залетающих через декоративную решётку из первого взвода выгонять обратно непомятыми.

Вернувшись с полигона курсантам открылась картина, от которой попахивало сюрреализмом. По унылому казарменному помещению летал десяток мух, суетливо размахивая ярко-красными крыльями. В центре помещения на табурете сидел усталый Казик, у которого фломастером были измазаны не только руки, но и лицо. Хохот буквально взорвал тишину, испугав исполнительного Мартинкевича.

Похвалив художника за добросовестное отношение к приказам начальства, замкомвзвода присел на свою кровать и заявил Казика: «А теперь бегай по помещению, размахивай полотенцем и гони ко мне чужих мух. Я буду убивать их тапочкой!» Развлечение продолжалось около часа. Казик гонял мух, замирая каждый раз, когда одна из них садилась на пол вблизи койки старшего сержанта. В зависимости от окраса жертвы Коржан или бил её тапочкой, или кидал казарменную обувь в Мартинкевича, возмущаясь тем, что тот подставляет под удар коренное население второго взвода. Весь этот час остальной личный состав сидел на табуретах, отдыхая после рытья окопов и испытывая чувство глубокой благодарности к Казика.

Однако той же ночью, видимо, устыдившись проявления своей доброты, старший сержант на Мартинкевиче отыгрался. Через пятнадцать минут после отбоя, в полной тишине, нарушаемой лишь поскрипыванием панцирных кроватей, замкомвзвода подал голос.

– Казимировна, ко мне!

– Товарищ старший сержант, курсант Мартинкевич по вашему приказанию прибыл! – прошлёпав босыми ногами по деревянному полу и замерев у кровати начальства, доложил вызванный.

– Не спится мне, Казик, – посетовал Коржан. – Расскажи, как ты на «гражданке» с бабой сексом занимался, может быть, я усну.

– Я не занимался, – честно признался Казик.

– Ну так придумай. Мне всё равно.

– Я не умею такое придумывать, – озадаченно причмокнул Мартинкевич.

– Казимировна! – возмущённый сержант привстал на локте. – Ты меня огорчаешь. А когда я огорчусь, рыдает весь взвод.

– Но я действительно не умею, – продолжал настаивать Казик.

– Хорошо, – неожиданно смягчился Коржан. – Иди разбуди Румына, скажешь, я приказал. Он тебе поведаст, как с девушкой спал, а ты всё выучишь наизусть и через полчаса перескажешь мне от первого лица.

– Я эти истории Румына слушать не могу, не то что пересказывать, – проявил неожиданную твердость духа Мартинкевич.

– Да ты, безумный, на амбразуру лезешь! – то ли удивлённо, то ли восхищённо констатировал замкомвзвода. – Капут тебе, Казик! Я из тебя в течение этой ночи даже не танкиста, а целый танк сделаю, в помощь Родине. Ты сейчас ляжешь на пол и поползешь под всеми кроватями по кругу, не забывая при этом реветь двигателем. По моей команде: «Короткая!» будешь делать пятисекундную остановку, стрелять и докладывать о поражении цели, а потом ползти дальше. Когда тебе надоест этот цирк, встанешь, разбудишь Румына и выучишь историю. Приступай.

Весь последующий час под музыкальное сопровождение песни Саюнова о похождениях злополучного каравана из Ирана Казик ползал под кроватями, рыча фальцетом. Время от времени, услышав команду: «Короткая!», он останавливался и, произнеся тонким голосом «Ба-бах!», докладывал о том, что цель поражена. Через час команды замкомвзвода стали звучать реже и тише, и наконец он заснул. Мартинкевич выбрался из-под угловых коек, куда завели его непредсказуемые дороги войны, и, пропищав себе под нос: «Чтоб тебе сатана приснился!», отправился спать.

Дни проходили за днями в бесконечной учёбе, муштре и борьбе с замкомвзвода, и наконец наступило время первых боевых стрельб. Седьмая рота в полном составе, как сказал Коржан, «включая хромых, слепых, полных дебилов и румын», выехала на Йютербогский полигон. Теоретически в предстоящем действии уже были подкованы все, занятия на тренажёрах и стрельбы из танкового пулемёта в полковом огневом городке остались позади. Кроме того, все знали, что промахнуться, стреляя из современного танка, не может даже обезьяна. И тем не менее по мере приближения назначенного часа уверенности в курсантах оставалось всё меньше и меньше. В танки садились, уже трясясь, как в лихорадке. А когда вокруг всё начинало греть и двигаться, при нажатии кнопки сами собой загружались в ствол снаряды, при малейшем касании рукояток наведения вращалась башня, опускалась и поднималась пушка, терялись совершенно. В итоге учения превратились в цирк. Стреляли из пушки по пулёмётным мишеням, выворачивая их из грунта вместе с подъёмниками. Вращали башни, не обращая внимания на азимутальные указатели, и, направляя пушки в сторону командирской вышки, неоднократно заставляли падать на бетон всех, кто находился на ней. Вели огонь по соседним танкам и, если бы стреляли не «болванками», а боевыми снарядами, – обязательно кого-нибудь бы убили.

Командир роты сорвал голос и только хрипел по радиостанции, сержанты и взвод обеспечения отказывались покидать подземный бункер во время заездов машин. Коржан, бросив вверенный ему пункт боеприпасов, опоясавшись пулёмётными лентами, спрятался в немецкий дот, который не сумели разрушить ни наступающая Советская армия, ни прошедшие со времён Великой Победы четыре десятка лет, и оттуда наблюдал за своими «ворошиловскими стрелками», стараясь запомнить грехи каждого.

Свою лепту в общую суматоху добавил и Бессарабов. В ближайшей к полигону роще ему померещился силуэт танковой мишени, и Румын один за другим вклеил в чашу три снаряда, а затем расстрелял туда же всю пулёмётную ленту. Ленту Володе снаряжал лично замкомвзвода, и она полностью состояла из трассирующих патронов для того, чтобы, как сказал Коржан, «ты, Робин Гуд румынский, ответил за каждый промах». В результате этого весь полигон наблюдал, как тридцать пуль, сверкая горящими термитами, вытянулись в линию и затерялись среди деревьев. Роща вспыхнула и горела ясным пламенем остаток дня и всю ночь, а к утру сгорела дотла...

По завершении стрельб весь личный состав построился под вышкой, на смотровой площадке которой находился командир роты. Майор, глядя сверху на своё «войско», закипал, как дедушкин самовар. Его буквально раздирало на части несоответствие желаний и возможностей. Ему было что сказать, но при

этом абсолютно не было голоса. Две минуты он шептал ругательства, которым позавидовал бы боцман китобойного флота и которые, если были бы слышны, обязательно вошли бы в «Книгу рекордов Гиннесса», поскольку литературных слов в течение этих двух минут командир роты не употреблял вовсе. Однако минимальный звук сводил на нет всю силу слова, и, поняв это, майор махнул рукой сержантам, подав команду «Фас!»

На полигоне начался воспитательный процесс. Первый взвод в полном составе пополз к рубежу завершения стрельбы «пузом по танковому». Третий, надев противогазы, бодро «посайгачил» к линии горизонта. Четвертый взвод занялся приседаниями, пятый – отжиманиями. Но наибольшую фантазию проявил старший сержант Коржан. Попросив оператора полигона поднять танковые мишени, он выдал каждому курсанту по одному осколочно-фугасному снаряду и приказал бежать к видневшимся вдалеке целям, добравшись, ткнуть снарядом в мишень и возвращаться обратно. На выполнение задания замкомвзвода выделил двадцать пять минут и пообещал, что, если кто-то не успеет, все побегут ещё раз.

От исходного рубежа до мишеней было 1200 метров, и пробежать два с половиной километра за двадцать пять минут, даже по пересечённой местности, в принципе, мог каждый. Вся сложность заключалась в том, что снаряд, с которым предстояло отправиться в это путешествие, весил более тридцати килограммов. На момент получения задания Бессарабов, например, весил 68 кило и считался во взводе довольно упитанным типом.

Какую-то часть пути Румын нёс снаряд на плечах, периодически перекладывая ношу с одного погона на другой. Затем плечи упали куда-то в грудную клетку, и Володя потащил болванку на руках, как младенца. Потом отказали руки, и пришлось тянуть снаряд волоком по песку, уцепившись за хвостовую часть.

Наконец перед Бессарабовым выросла мишень, и, ткнув в неё носиком проклятой железяки, Володя развернулся и отправился в обратный путь, катя перед собой болванку ногами. Неправильной цилиндрической формы (с зауженным носом и хвостом) снаряд не желал катиться ровно по танковой директрисе, а постоянно сваливался с дороги то в одну, то в другую сторону, и приходилось доставать его из кюветов, теряя драгоценное время и последние силы. Взвалив непосильную ношу на спину, согнувшись, как бурлак, и широко расставляя ноги, Румын пошёл на исходную. Рядом, с видом Иисусов, восходящих на Голгофу, брели сослуживцы...

После этого незабываемого путешествия курсант Бессарабов вывел для себя первое жизненное правило: «Стрелять надо метко!» А в общем с заданием справились все. Даже миниатюрный Дандыбаев, вес которого составлял полтора снаряда, уложился в норматив.

Кстати, постоянная муштра не только закаляла курсантов физически, но и укрепляла морально. В один из вечеров бойцовский характер проявил даже Казик.

Взвод готовился к отбою, когда в расположение вошёл Мартинкевич. Он заступил в наряд дневальным по роте и с болтающимся на ремне штык-ножом олицетворял собой пародию на натовский плакат «Советская военная угроза». Изнывающий от безделья замкомвзвода, увидев вошедшего, радостно встрепенулся.

– Казимировна, ко мне!

– Товарищ старший сержант, дневальный по роте курсант Мартинкевич по вашему приказанию прибыл! – бодро доложил Казик.

– Молодца! Орёл! – похвалил Коржан и тут же добавил: – А ну-ка, заругайся матом!

– На кого? – убито оглядываясь на давящихся смехом сослуживцев, поинтересовался Казимир.

– На кого хочешь, – милостиво разрешил замкомвзвода, – хоть на Гитлера.

– Гитлер – жопа! – фальцетом выкрикнул испытуемый.

Взвод рухнул от хохота. Полную серьёзность сохранял только старший сержант. Недовольно покачав головой, он высказал претензию.

– Слабо, Казимировна! Ты никак фюрера уважаешь? Дедушка твой, небось, в полициях состоял?

Сильнее оскорбить белоруса было невозможно. У Мартинкевича задрожал подбородок, и, вынув трясущими руками штык-нож из ножен, он подошёл вплотную к Коржану.

– Проколю, как бабочку! – держа оружие тремя пальцами, как вилку, пропищал Казик.

Замкомвзвода, схватившись руками за живот, упал на свою кровать и стал корчиться от смеха. Окружающие отреагировали с точностью до наоборот. Курсанты, прекратив веселиться, с уважением поглядывали на Казимира, поскольку на открытое вооружённое восстание до сих пор не отваживался никто, даже Румын. Мартинкевич выронил штык-нож и, отвернувшись к стене, уткнулся лицом в ладони.

Одинокий хохот старшего сержанта дико и неестественно звучал в мертвой тишине. Видимо, уловив это, Коржан оборвал смех и присел на кровати, озадаченно озираясь. Неизвестно, что увидел командир в глазах своих подчинённых, но вдруг, закусив губу, он встал и поднял с пола брошенное Казиком оружие, после чего подошёл к Мартинкевичу и, вложив ему в ножны штык-нож, легонько толкнул в плечо со словами: «Иди служи, головорез!» Затем, взяв с тумбочки свои сигареты и зажигалку, вышел из помещения и до отбоя уже не возвращался...

Единственным слабым звеном в цепи боевого подразделения ещё некоторое время оставался туркмен Нарбай Саюнов. Он по-прежнему не говорил по-русски, и даже замкомвзвода отчаялся его хоть чему-то научить. И вдруг случилось чудо.

Чудо прибыло из родного кишлака Нарбая в письме. Тут надо заметить, что посылки в Группу Советских войск в Германии не приходили, а значит, военнослужащие были лишены «домашних пирожков». Правда, сами солдаты по этому поводу особо не огорчались, поскольку государство компенсировало эти потери повышенной зарплатой, обильным и вкусным питанием, фруктами, пряниками и конфетами по выходным и праздникам и даже выдавало каждому бойцу 18 пачек сигарет и 3 коробка спичек на месяц (некурящие получали упаковку сахара-рафинада). Зато по этому поводу очень переживали родные и друзья, оставшиеся на «гражданке». А потому в каждом письме из дома солдаты находили всякие приятные мелочи: конверты для обратных писем, пасты для шариковых ручек, лезвия для бритвенных станков и даже деньги. Хотя последние и были запрещены. Работники армейской почты здорово набили руку на поиске именно денег и безжалостно вскрывали письма, вызывающие подозрения при осмотре на просвет или при проверке на ощупь, на все остальные посторонние предметы внимания они не обращали.

Итак, в один из дней с очередной почтой Саюнову пришло письмо на родном туркменском языке, прочтя которое, он посветлел лицом. Дальнейшие действия Нарбая были так необычны, что присутствовавший при этом Румын подумал, что туркмен сошёл с ума. Саюнов извлёк из конверта шариковую пасту и, вытянув зубами из пластиковой трубочки железный наконечник, выдул её содержимое на лист бумаги. Затем он долго разминал пальцами извлечённую из пасты не похожую на чернила пластилинообразную массу и отщипывал от неё ногтем небольшие кусочки. Следующий этап шаманства поразил Бессарабова ещё сильнее. Нарбай выпотрошил на этот же лист пять «Охотничьих» сигарет и стал щепоткой равномерно перемешивать табак с получившимися чаинками нездорового цвета.

- Абдула, – не выдержал Румын, – никак твои люди чего-то поджечь хотят?
- Дым будет, – кивнул головой Саюнов. – Якши будет.
- Чего «якши»? Ты чего затеял, курбаши недобитый? Зачем сигареты испортил?

Многочисленные вопросы Володи остались без ответа, поскольку туркмен был занят тем, что забивал табак обратно в бумагу и тщательно утрамбовывал. По завершении работы Нарбай уложил четыре сигареты в пачку, а одну засунул за ухо и исчез на полчаса.

Через тридцать минут в казарму вернулся совершенно другой человек. Кроме привычной внешности Саюнова, всё остальное в нём изменилось. Он замечательно говорил по-русски, непрерывно травил анекдоты, демонстрируя прекрасное чувство юмора, и даже вступил в полемику с Мартинкевичем по вопросу нарушения человеческих прав в Советской армии и армиях капиталистического мира. В эту ночь второй взвод впервые засыпал без привычного музыкального сопровождения и повествования о злоключениях иранского каравана.

На следующий день на теоретических занятиях в учебных классах на вопрос замкомвзвода: «Как следует целиться при стрельбе из пулемёта на расстояние до 400 метров?» неожиданно вызвался отвечать Нарбай. Старший сержант округлил глаза и кивнул, разрешая говорить. Саюнов встал и выпалил на одном дыхании: «Для точной стрельбы необходимо целиться воображаемой точкой, находящейся справа от пулёмётной шкалы, так как на наших танках прицел выверен по пушке, а пулёмёт находится немного правее, и на таких расстояниях это ощутимо!» Услышав от туркмена такую мудреную фразу, Коржан икнул и произвольно мелко перекрестился.

Зелья хватило на три дня, по истечении которых Нарбай забыл русский язык и перестал отзываться даже на собственную фамилию, а песня о караване опять стала звучать в привычное время. Правда, в этот раз приступ длился недолго. Туркменистан наладил в адрес Саюнова бесперебойные, качественные поставки, благодаря которым Группа Советских войск в Германии получила отличного солдата, а Бессарабов – весёлого собеседника и верного друга.

Стрельбы и полевые учения впредь проходили на «хорошо» и «отлично». Бывало, конечно, что кто-нибудь промахивался, но никогда этим «кем-то» не был Бессарабов. Тяжесть осколочно-фугасного снаряда на спине и противную дрожь в ногах он помнил ещё долгие годы.

Вообще, второй взвод становился самостоятельной боевой единицей, которая всё меньше и меньше нуждалась в наставлениях и контроле старшего сержанта Коржана. Авторитет замкомвзвода падал каждый день, и почему-то пропорционально возрастало влияние на сослуживцев Румына. Видимо, это заметил и командир – старший лейтенант Трифонов, а потому он предложил Бессарабову остаться в «учебке» и обучать следующий набор курсантов. Румын согласился и, сдав экзамены, получил звание младшего сержанта. Одновременно с ним за отличную подготовку личного состава Коржан получил старшинские лычки на погоны.

Прощание с замкомвзвода состоялось на территории караульного городка, поскольку в день отъезда дембелей седьмая рота заступила в наряд. Разводящий караула младший сержант Бессарабов контролировал разряжание оружия пришедшей с постов смены, когда в калитку вошёл старшина Коржан. Он

выглядел эффектно: юфтовые сапоги с обточенными носками и каблуками были собраны в гармошку, шинель, укороченная вопреки уставу, была начёсана ёршиком, которым обычно чистят ствол танковой пушки, шапка, покрашенная обувным кремом и отглаженная на стопке книг, имела квадратную форму и цвет головного убора офицера морского флота. В руке замкомвзвода держал чемодан с нарисованным на крышке самолётом Ту-154 и надписью «Встречай, Украина!»

Румын невольно усмехнулся. За прошедшую неделю он видел огромное количество увольняемых в запас, и на чемодане каждого из них после слова «встречай» следовало название родного города или посёлка. География надписей была обширна: от «Встречай, Таллин!» до «Встречай, Кзыл-Орда!» Только Коржан отделался названием союзной республики, поскольку написать «Встречай, Пидоркино!» (а именно так назывался его родной хутор) он не мог.

Название малой родины замкомвзвода Володя подсмотрел на конверте письма, которое Коржан неосмотрительно оставил однажды на тумбочке. И хотя Бессарабов прекрасно понимал, что Пидорка – это староукраинское женское имя, которое встречалось ему в одном из произведений Гоголя, не рассказать всему взводу о своём открытии он не мог. Ребята хохотали как умалишённые.

Увидев входящего в караульный городок Коржана, Бессарабов напустил на себя строгий вид и окликнул Алибаева, стоящего у ворот.

– Часовой, почему посторонние на территории?

– Прекращай, Румын, – вместо Алибаева отозвался замкомвзвода. – Я попрощаться зашёл.

– Скатертью дорога! – не унимался Бессарабов. – Шли бы вы, товарищ старшина, а то ребята в карауле нервные, а патроны – боевые. Не случилось бы чего...

– Не додавил я тебя, крысёныша. А надо было, – прошипел Коржан и, развернувшись, пошёл в сторону ворот.

– Хутору Пидоркино привет! – выкрикнул вслед уходящему Володя.

Замкомвзвода согнулся, как от удара, и, обернувшись, злобно крикнул.

– А ты приезжай, мы тебя весело встретим!

– Обязательно приеду, как только вы переименуете своё село во что-нибудь цензурное, например, в Гомосеково, – грубо съязвил Румын, и смех караула поставил точку в процедуре прощания.

После того как бывший замкомвзвода скрылся за поворотом, где его ожидал дембельский автобус, Володя, продолжая улыбаться, повернулся лицом к своим товарищам. Однако вместо ожидаемого одобрения в глазах многих он увидел непонимание и даже осуждение. Общее настроение выразил всегда спокойный сибиряк Серега Стойков.

– Зря ты так, Румын. Мы же полгода под одной крышей жили, и он просто попрощаться хотел.

– А сколько вы из-за него под кроватями ползали и «гусиным шагом» ходили, забыли уже? – стал закипать Бессарабов.

– А может быть, с нами по-другому и нельзя было? – неожиданно вступил в разговор Мартинкевич.

– Особенно с тобой, Казик, – взорвался Румын. – Ты же у нас маньяк злобный и отморозок, каких ещё поискать!

– Ладно, ладно, – упорствовал Стойков, – посмотрим, каким ты замкомвзвода будешь и что о тебе твои курсанты рассказывать будут, когда к нам в войска приедут.

– Да вы что, волки, – продолжал психовать будущий командир, – Коржана во мне увидели? Никогда таким гадом не буду! Запомните, никогда!

... Уже несколько минут младший сержант Бессарабов молча и слегка ошарашенно разглядывал тридцать вчерашних школьников, стоящих перед ним строем. Форма на этих восемнадцатилетних ребятах, за редким исключением, висела мешком, нечищенные сапоги вызвали чувство брезгливости. Убогость картины усугубляли сутулые спины и узкие плечи призванных в элитную группу войск. Человеческая память – штука сложная, а потому давно за ненадобностью забыл Румын, что, придя в «учебку», выглядел не лучше, и только полгода постоянных физических нагрузок и строевой муштры сделали из него некое подобие настоящего воина.

Наконец, прервав затянувшуюся до неприличия паузу, младший сержант назвал личному составу свою фамилию, воинское звание и должность и объяснил, что тот курсант, к которому он подойдёт, должен назвать свою фамилию, вставив перед ней слово «рядовой», а потом ответить на вопросы, если таковые будут.

Первым в строю стоял худой чернявый парень предельного для танкиста роста – 177 см. Такое точное заключение Бессарабов сделал, убедившись в том, что глаза правофлангового находятся на одном уровне с его глазами.

– Говори! – ткнул Румын пальцем в грудь первого собеседника.

– Рядовой Черепача, – немедленно отозвался тот.

Взвод зашевелился и заулыбался. Кто-то даже засмеялся в голос.

– Штатские прозвища свои забудьте, – назидательно молвил Бессарабов и погрозил кулаком право-фланговому: – Ты у меня мухой летать будешь.

– Черепаха – это фамилия! – насупился собеседник.

– Забавно... – почесав затылок, выдал из себя младший сержант. – А знаешь, Черепаха, как по-немецки будет «танк»?

– Нет.

– Надо отвечать: «Никак нет!». А «танк» по-немецки – «панцыр», так что ты фактически домой попал. С чем тебя и поздравляю.

После проведённого ликбеза замкомвзвода Бессарабов повернулся к следующему солдату и удивлённо воззрился на него. Вторым в строю стоял парень, едва достающий Черепахе до плеча. Из-за него в шеренге голов образовалось пустое место, нарушавшее милую сердцу картину воинского подразделения.

– Я же сказал построиться по росту, сиротинушка. Как ты тут оказался?

– Это Вася! – вновь подал голос Черепаха. – Мы с ним из одного города и хотим быть в одном отделе-нии. Он – мой друг ещё по «гражданке».

– Во-первых, надо сказать: «Разрешите обратиться», если тебя не спрашивают, – вновь повернулся к Черепахе Румын. – А во-вторых, мне по нарезу, даже если бы он был твоей родной тётушкой Тортилой, я бы и тогда не разрешил ему стоять не по ранжиру.

Закончив такую содержательную беседу с Черепахой, младший сержант вновь повернулся ко второму курсанту и слегка толкнул его в плечо.

– Иди на левый фланг, Вася – друг земноводных, и затеряйся там среди лилипутов, пока я не разо-злился.

После того как Вася растворился в хвосте шеренги, строй сомкнулся, и перед замкомвзвода оказались три курсанта, которые выглядели как родные братья: крепкие, высокие блондины с мощными скулами и светлыми глазами.

– Так, – задумчиво кивнул головой Бессарабов, – «лесные братья». Откуда сами-то? Литва, Латвия, Эстония?

– Никак нет! – бодро отозвался стоявший первым. – Мы из Калининграда.

Нехорошее предчувствие овладело Румыном, и он ткнул пальцем в говорившего.

– Фамилия?

– Рядовой Гутель!

– Немцы! – отступив на шаг, почти прошептал младший сержант, но тут же взял себя в руки и про-должил нормальным голосом: – Кто же вас сюда отправил? Вы же сбежите! Что же мне теперь, по ночам не спать? Неужели в Сибири для вас стройбата не нашлось?

Чтобы утвердиться в своём предположении, Бессарабов повернулся ко второму блондину.

– Фамилия?

– Рядовой Мюллер!

– Спасибо за то, что не Борман! Это в Германии иметь фамилию Мюллер – всё равно что не иметь никакой, а в Советской армии с такой фамилией служить нельзя!

– Разрешите обратиться, товарищ младший сержант? – соблюдая устав, подал голос Гутель.

– Да какой ты мне товарищ? – зло отреагировал Бессарабов. – А, впрочем, давай обращайся.

– Нам сказали, что командир нашего батальона – майор Нильмайер. Это правда?

– Ты не в цирке, Гутель! Здесь не шутят. Сказали – значит, правда. И что?

– Нильмайер – это немецкая фамилия.

– Гм... – задумчиво хмыкнул Румын, – ты что, меня провоцируешь, гитлерюгенд?

– Никак нет, просто уточняю.

– Ты, немец, фамилию комбата всуе не упоминай! Эта фамилия – у того, у кого надо фамилия! И если даже она не совсем русская, это ещё не значит, что ты попал в армию бундесвера! А это значит только то... Что это ничего не значит! – окончательно запутался в рассуждениях Бессарабов.

Чтобы как-то выбраться из сложной ситуации, он накинулся на третьего «близнеца».

– А ты, белокурая бестия, тоже из Калининграда?

– Так точно!

– Стой! Ничего не говори! Я сам угадаю! Твоя фамилия – Геринг! – высказал предположение замком-взвода.

– Никак нет! Рядовой Семенов! – отрапортовал несостоявшийся Геринг.

– Семенов? Вот спасибо, порадовал старика! – с облегчением выдохнул Румын и тут же опять на-сторожился: – А имя и отчество, наверное, Адольф Фрицевич?

– Никак нет! Сергей Иванович!

– Слушай, Сергей Иванович, а тебе не кажется, что для честного немца у тебя несколько странные имя, отчество и фамилия?

- Я – русский! – уверенно заявил Семенов.
- Ты это расскажешь тётушке рядового Черепахи, а также своим землякам Гутелю, Мюллеру и сказочнику Андерсену.
- Ганс Христиан Андерсен – не мой земляк. Он из Дании.
- Значит, про Ганса Христиана знаем, а национальность свою скрываем! – с видом человека, уличившего собеседника во лжи, промолвил Бессарабов. – Учти, Семенов, я тебе доверяю даже меньше, чем этим двум убеждённым нацистам. И следить за тобой буду серьёзно, потому что ты скользкий тип. А теперь обобщу для всех троих из ларца, одинаковых с лица. От нашего КПП отходят две дороги. Одна – налево, в направлении ФРГ. Если я кого-нибудь из вас на ней увижу, стреляю без предупреждения. Вторая – направо, на восток, в сторону Польши. Запомните! Даже если вам надо будет идти налево – идите направо. Во-первых, живыми будете, а во-вторых, когда-нибудь дойдёте.
- Это почему? – заинтересовался явный тугодум Мюллер.
- Потому что Земля круглая, – пояснил Румын. – Или вы, немцы, с тех пор как Джордано Бруно сожгли, этот факт так и не признали?
- Джордано Бруно сожгли итальянцы, – вновь вступил в дискуссию Семенов, – и вообще...
- Когда меня будет интересовать твоё мнение, я тебе его сообщу, – резко оборвал говорящего Бессарабов. – И вообще, ты что-то слишком умный для простого русского человека.
- Знакомство с личным составом продолжилось. Следующим в шеренге курсантов стоял парень с лицом наёмного убийцы: тяжёлая нижняя челюсть выступала далеко вперёд, уши были прижаты к черепу, как у боксёра, нос с горбинкой. Маленькие чёрные глаза, смотрящие сквозь собеседника, довершали картину. Полюбовавшись внешним видом солдата, Бессарабов ткнул в него пальцем.
- Ты у нас кто?
- Рядовой Караульный, – немедленно выпалил тот и добавил: – Это фамилия такая.
- Час от часу не легче, – сокрушаясь, пробормотал замкомвзвода. – С такой фамилией, сынок, гнить тебе в нарядах по кухне.
- Это почему?
- А как я тебя в караул возьму? Придёт какой-нибудь проверяющий, к примеру, целый генерал, и прикажет тебе представиться. А ты ему: «Караульный третьего поста, третьей смены рядовой Караульный». А он тебе: «Да про караульного я понял, ты фамилию назови!» А ты ему: «Караульный третьего поста, третьей смены рядовой Караульный!» А в руках у тебя боевое оружие, плюс морда палача из Менга. Какой генерал такой стресс выдержит? Нет! Только столовая, мытьё посуды, полов и чистка картошки.
- Закончив общение с Караульным, Бессарабов повернулся к следующему курсанту и взглянул на него с уважением. Перед ним стоял парень среднего роста, около 170 см и, как показалось младшему сержанту, такой же ширины в плечах. Из-под слишком узкого х/б солдата выпирали бугры мышц. При этом лицо его было простоватым, и казалось, этот богатырь сам стесняется своей физической силы.
- Здорово, Илюша! – благосклонно начал разговор Румын. – Сам из Муррома будешь?
- Я – Стёпа, – извиняющимся голосом пробормотал здоровяк. – Из Донбасса.
- А фамилия есть у тебя, Стёпа?
- Есть. Бакула.
- При такой фамилии тебе и имя не нужно. И так всё понятно. Кем работал на «гражданке»?
- В шахте, горным мастером.
- Горный мастер – это что, почти инженер? – уточнил Бессарабов. – Руководил работами?
- Нет. Я устанавливал подпорки, – очень грустно ответил Бакула.
- Какие подпорки?
- Сваи. Которыми свод шахты крепят.
- Это деревянные такие?
- Нет. В лучшем случае, железные.
- А в худшем?
- Бетонные, – снова вздохнул Бакула и развёл руками.
- От этого простого движения правый рукав х/б курсанта лопнул по шву и наружу вылез бицепс руки, больше похожий на человеческую ягодицу.
- Я зашью, товарищ младший сержант, – совсем пригорюнился шахтер.
- Не надо, – с опаской отступив на шаг, решил Бессарабов. – Ещё все иголки в батальоне переломались. Я попрошу старшину, чтобы он выдал тебе форму на два размера больше.
- Знакомство с личным составом продолжилось. Далее замкомвзвода пообщался с представителем Казахстан Меренке Мусреповым, тут же получившим прозвище Мусрепе. Затем – с двумя узкоглазыми, желтолицыми, невысокими солдатами, один из которых оказался калмыком, а другой – китайцем. С представителем Калмыкии всё было просто – Джунгар Куманжиев, уроженец Элисты, прекрасно говорящий по-русски, особых проблем не должен был доставлять. А вот китаец вызывал серьёзные опасения.

Фамилия его была Син, имя ни выговорить, ни запомнить Румын не смог. Родители Сина покинули родину, будучи детьми, и вместе со своими семьями поселились в Хабаровском крае. К моменту рождения собственного сына и папа, и мама уже имели советское гражданство, потому Син появился на свет гражданином СССР и по достижении 18 лет вынужден был идти в Советскую армию, хоть и внешне, и душой он был стопроцентным китайцем.

Измучившись во время затянувшегося знакомства со взводом, к Васе, другу Черепахи, Бессарабов приблизился с большим недоверием, ожидая от него любой пакости. И зря. Фамилия Васи была Иванов. Услышав это, Румын получил такой заряд положительных эмоций, что даже заговорил, как цыганка-гадалка на рынке: «Вижу, ждёт тебя великое будущее в нашем взводе, Вася Иванов! Может быть, даже станешь командиром отделения, если, конечно, будешь держаться подальше от немцев и других сомнительных элементов!»

В хвосте шеренги стоял солдат минимально допустимого для вооруженных сил роста – около 160 сантиметров. Но примечательно в нём было не это. Лицо замыкающего строй было лунообразно-плоским, глаза-щёлочки презрительно тарасились на окружающий мир, в мочке уха белела серьга, сделанная из кости и покрытая тончайшим орнаментом.

– Это ещё что за северный индеец? – устало вздохнул замкомвзвода.

– Рядовая Бырсыгысов! Моя – якут!

– Господи, – взмолился Румын, – якут-то как здесь оказался? Их же в армию не берут.

– Моя очень просил военкомат, однако, – вместо бога отозвался Бырсыгысов.

– Твоя допустил большую ошибку, – раскачиваясь из стороны в сторону, как шаман, начал вещать младший сержант. – Неладно кочевал, шибко плохо таборился, здесь худой место, однако...

Уже три недели командовал Бессарабов своим «интернационалом», каждый день десятки раз испытывая острую потребность надеть всем противогазы, заставить ползать под кроватями или просто избить всех по очереди. Только данное товарищам по призыву обещание удерживало Румына от подобных поступков. Чувствуя слабину и мягкотелость командира, каждый курсант второго взвода считал своим долгом отчебучить что-нибудь такое этакое.

На третий день службы рядовые Гутель, Мюллер и примкнувший к ним Семенков были замечены Бессарабовым на дороге, уходящей от ворот части налево, в сторону ближайшего посёлка. То есть именно на той дороге, на которую он им и смотреть запретил. Но более всего возмутил младшего сержанта, который сам всегда ходил подтянутый, в отглаженной форме и начищенных сапогах, внешний вид всей троицы. Болтающиеся ремни, расстегнутое х/б и сдвинутые на затылок пилотки придавали курсантам вид дембелей.

– Ком цу мир, фюреры! – заорал Румын издалека, увидев, что друзья-товарищи собираются свернуть на лесную тропинку, дабы срезать угол до посёлка.

Курсанты неторопливо приблизились.

– Ну и куда мы намылились? – мягко поинтересовался замкомвзвода.

– Гуляем, обозреваем окрестности, – бодро отрапортовал Гутель.

– А ведь я лично предупреждал весь ваш третий рейх о том, что тут мылиться не надо, потому что бриться всё равно не дадут. Ну это ладно. Но что за внешний вид я наблюдаю и содрогаюсь? Мы здесь, между прочим, за границей, на нас иностранцы смотрят.

– Это вы здесь за границей, товарищ младший сержант, – уточнил Гутель. – А мы – на родине!

Услышав такой ответ, Румын невольно сжал кулаки и набрал в грудь воздуха для того, чтобы гаркнуть: «В часть ползком – марш!» Но перед его глазами возникло лицо Мартинкевича, и, сдвувшись, как воздушный шар, он ровным голосом отдал команду, заменив слово «ползком» словом «шагом».

В этот же день китаец Син отказался от приёма пищи. Правда, официальной голодовки он не объявлял, никаких требований не выдвигал, демонстраций не устраивал. Просто сидел в столовой, набирал в ложку вязкую перловую кашу, затем поднимал её вверх и переворачивал, плюхая содержимое обратно в миску. За такие номера Коржан обычно надевал тарелку курсанту на голову и тем самым побеждал в зародыше любое недовольство качеством еды. Бессарабов сдержался и здесь. Он подошёл к столу китаец и, нарочито сюсюкая, выступил с пламенной речью: «Солдата Сина, засем не кусала? Это хоросая чифана. Зуй, глотай! Сталин и Мао смотрят на нас!» Произнеся последний лозунг, Румын указал рукой на стену столовой, где были изображены два толстомордых солдата в поварских колпаках с черпаками в руках. Син, повернув голову, всмотрелся в настенную живопись, после чего вернулся в исходное положение и яростно заработал ложкой. Каша была съедена за минуту.

Проблемы создавал даже Бырсыгысов. Стоило только на минуту оставить его без присмотра, как он тут же убежал в солдатскую столовую, где жалобно выпрашивал у дежурных чай. Наряд по кухне носил якуту вожденный напиток полными подносами, а тот выпивал стакан за стаканом вдумчиво, неторопливо, но не снижая начальной скорости, хлюпя и причмокивая от наслаждения. Продолжаться сей ритуал мог бесконечно и, как правило, прекращался только тогда, когда в столовой появлялся

Бессарабов, кипя от возмущения и кляня северные народы на чём свет стоит. Но и тогда якут не сдавался без боя. Пользуясь поддержкой наряда, который всё происходящее очень забавляло, он начинал слёзно канючить: «Почто ругаешься, командира? Бырсыгысов мало-мало пьёт чай, потом быстро-быстро ходи в армия. Моя танкиста без чая совсем мёртвая!» Эта история повторялась изо дня в день, несколько видоизменяясь. Якут стал прятаться вместе с чаем от надоедливого младшего сержанта, и Бессарабов вначале тратил полчаса времени на то, чтобы его найти. Бырсыгысов забирался в такие места, куда, по мнению Румына, не смогла бы протиснуться даже кошка. Часто замкомвзвода находил своего курсанта только по характерному хлюпанью, которое тот издавал. После традиционной фразы о «совсем мёртвой танкисте» младший сержант буквально за руку уводил почти плачущего Бырсыгысова в расположение взвода.

От всех этих историй нервы Румына были натянуты, как гитарная струна, и он держался из последних сил. Некоторое успокоение приносили лишь почти еженощные походы в гаштет «Синий поросёнок», который находился в соседнем посёлке. Свежее пиво и общение с пухлой и ласковой официанткой снимали стресс.

Однако наступила ночь, когда и это последнее прибежище утомлённой души было варварски разрушено курсантами. За крайним столиком бара, уютно развалясь в креслах, сидели Черепаха и Иванов, которые (если верить вечерней поверке) в это время должны были исправно кидать уголь в наряде по полковой кочегарке. Перед культурно отдыхающими на столе стояли две полные бутылки пива и большое блюдо с варёными креветками. Два соседних столика были заняты немцами, что помешало Бессарабову устроить самовольщикам серьёзный разнос. Он тихо подошёл к оторопевшим курсантам и вполголоса сказал: «Слушайте внимательно, панцирные! Я сейчас поясню, что такое «охренивание». Охренивание – это процесс превращения человека в хрен. Так вот. Сейчас я неторопливо пойду к барной стойке, а когда дойду – повернусь и охрению, потому что вас уже не будет не только в гаштете, но и в радиусе трёх километров от него!»

Слово своё Румын сдержал и до барной стойки дошёл медленно, но из-за короткого расстояния всё же потратил на весь путь меньше одной минуты. Повернувшись, он с удовлетворением отметил, что вверенные его заботам рядовые исчезли, как призраки, даже не хлопнув дверью. Взяв у бармена бокал пива, младший сержант вернулся к освободившемуся благодаря его усилиям столику и вдруг удивлённо остановился. На столе стояли две совершенно пустые бутылки, в которых не было даже остатков пены. На блюде, ещё минуту назад полном варёными ракообразными, сиротливо лежали несколько пустых хитиновых покровов. «Ну, допустим, пиво они выпили залпом, – подумал Бессарабов, – но креветки куда подевались? Неужели по карманам рассовали?» Садиться за осквернённый курсантами столик не хотелось, и Румын прошёл в дальний угол бара к другому пустующему столу. Но прежнего уюта он не почувствовал и здесь. А потому, даже не допив своё пиво, встал и, неловко кивнув удивленной официантке Эльге, вышел из «Синего поросёнка».

Родная воинская часть встретила тишиной и полумраком. Дежурный по КПП, сержант соседнего батальона, недовольно буркнув: «И куда только тебя по ночам черти носят, Румын?» – открыл заслонку турникета.

В казарме тоже царил покой, и горело только дежурное освещение. Дневальному на тумбочке, который уже открыл рот, чтобы выпалить уставное: «Дежурный по роте – на выход!» – Бессарабов показал кулак, чем превратил крик в тихий выдох.

Почти на цыпочках Румын подошёл к двери расположения второго взвода и взялся за ручку. Однако нажимать на неё не стал. Из-за двери слышались голоса и смех. Замкомвзвода прислушался и узнал голоса Черепахи и Иванова. Они, перебивая друг друга, рассказывали взахлёб: «Мы стоим у окна и ржём. А этот клоун румынский смотрит на пустое блюдо и думает: "А где же мои креветочки? Их же так много было!" Потом он вздохнул огорчённо и похромал к другому столику, видимо, чужие сосиски доедать...» В этом месте к смеху рассказчиков присоединился ещё десяток голосов.

Бессарабов рывком распахнул дверь и ударил ладонью по выключателю. Мгновенно зажёгся верхний свет, и взору младшего сержанта открылась картина дружеской вечеринки. Около угловых кроватей был установлен сделанный из табуреток импровизированный стол. На нём находились две бутылки пива и газета «Красная Звезда», половина которой была завалена целыми варёными креветками, а вторая половина – жалкими ошмётками от уже съеденных.

Увидев родного командира, сидящие до того на кроватях курсанты (весь второй взвод в полном составе) вскочили и замерли по стойке «смирно».

«Ну что, сволочи, куда солдата не целуй – всюду задница?» – прохрипел севшим голосом Румын и вдруг заорал так, что вздрогнули все, не исключая его самого: «Упор лёжа принять! Начинаем отжимания! И раз...»

Продолжение следует.

Наталья ГАРМС

Родилась в 1961 году. Окончила журфак Кишиневского госуниверситета. Почти полтора десятка лет проработала корреспондентом московских изданий в Молдавии. Сейчас живет в Москве.

Сколько нужно мужчин, чтобы...

Шампанское в пять утра

Звонок вспорол подушку сна с плавно опавшими перьями. Смахнув их с лица, я глянула на часы: что за блажь – звонить в пять утра в день рождения!..

Первыми всегда поздравляли, ответственные за мое появление на свет, родители. Проснувшись, я находила на коврике у кровати книжку «Пеппи Длинныйчулок», надписанную маминим «учительским» почерком «Буковке в день – летия», или нарядные туфли на металлическом подносе из-под самовара – это хулиганил папа. А однажды он возник в дверях с полотенечным тюрбаном на голове и фокусником выкинул из-за спины белый чешский мяч (о таком мечтали все девчонки из нашей волейбольной секции!). И мяч запрыгал по комнате – звонким обещанием вечности жизненных даров.

И когда родители отбыли на историческую родину, а я осталась в Кишиневе, они по-прежнему спозаранку названивали в этот день. Хотя не в такую же рань!

Я подождала еще немного. Обычно, чтобы не забыть приснившийся ночью сон, поутру я быстро «прокручивала» его заново, прежде чем открыть глаза. Но этот мечтала забыть! В нем опять кто-то стрелял в моего мужа и он вновь падал мне на руки, заливая кровью сорочку, и я – в который раз! – пыталась поудобнее устроить его на диване, не осознавая, что врачи здесь уже не помогут... И средства, которое избавило бы меня от бесконечных просмотров этого кошмарного «ролика», тоже не существовало.

Телефон продолжал звонить. И я наконец сняла трубку.

– Привет, Манон! – так называл меня только одноклассник Вася Драган. – С рождением, красавица!
– Откуда ты знаешь? – вяло удивилась я. Выехавший сколько-то лет назад в Штаты, Василий никогда и ни с кем меня не поздравлял. Так, названивал иногда – с годами все реже и реже.

– Что, знаю? Что ты красавица?! – рассмеялся он за океаном.

– Что у меня день рождения. Ты никогда не помнил знаменательных дат.

– Слушай, давай для начала выпьем. Сходи-ка на кухню за шампанским. У тебя ведь наверняка в холодильнике стоит бутылка «Брюта»?

«Брют», конечно, был. В студенчестве, когда уже родилась Глашка, а муж искал себя в чужих объятьях, и я разрывалась между садиками-поликлиниками и семинарами-лекциями по судьбоносным предметам, вроде «Ленин о журналистике», – по вечерам, оставив уснувшую дочку на попечение свекрови, убегала в политехнический на дискотеку. Васька там был диск-жокеем, по тогдашней терминологии. И я плясала себе, вытанцовывая за ночь и экс-мужа, и противную докторшу из детской поликлиники, и третировавшего меня профессора, с которым, по недомыслию, первокурсницей заспорила на экзамене о том, что в действительности в таком-то году и в такой-то ситуации Ленин изрек о журналистике то-то и то-то. Память у меня отличная, но это не повод для публичного диспута с главным факультетским идеологом, даже если он и подзабыл фактуру придуманного им самим предмета! Так выговаривал Василий,

когда, по завершении дискотечного действа, мы оставались выпить в его каптерке с веселым преподавателем физики и летучей красоткой-стюардессой. Физик, впрочем, он мог быть и химиком, мастерил коктейль из водки, шоколадного ликера и шампанского. И я сначала потягивала припасенный Васечкой благородный «Брют», а затем вместе с народом потребляла многослойную взвесь, добираясь до сути шоколадных глубин. «Истина гласит, что природа не терпит пустоты порожнего бокала – он нуждается в постоянном наполнении. И мы не пойдем против природы!», – вещал физик-химик. И, точно, не противился естеству. И стюардесса заоблачно смеялась.

– Ну что, достала бутылку? – прервал мои воспоминания Василий. – Теперь открой. Только спокойнее, не рви стоп-кран.

Хотя я давно научилась открывать шампанское. Конечно, не так виртуозно, как свекровь (оставшаяся в моей жизни без приставки экс-), которая для начала ласково поглаживала запотевшее бутылочное тело. Но в пять утра подобные изыски представлялись чрезмерными. И я плеснула в стакан из кувшина с кипяченой водой. Чокнулась об трубку и глотнула. Благо, батюшка сызмальства приучил меня по утрам выпивать воды натошак.

– С днем рождения! А теперь садись! – строго сказал Василиса.

Иногда я и так его называла. Бывший до девятого класса хрупким красавчиком с длинными темными ресницами вокруг карих, с золотыми блестками у зрачка, глаз, он вдруг, за одни летние каникулы, вымахал в здоровенного балбеса, в котором только и сохранился этот призрачный блеск да привычка веселить публику на уроках. Мы сидели за одной партой, и учителя нередко выгоняли меня из класса – за «неустановной» смех.

С именами нам обоим не повезло. Его родители нарекли лапотно-деревенским «Васей». А меня прозвали на старорежимный манер – Милица. Так когда-то вроде бы именовали сербскую царевну, в честь которой моя прабабка Евгения, петербургская аристократка с внешностью звезды «немого кино» назвала свою дочку. Царская дочь и потомственная дворянка – это ладно. Но при чем тут я? Во избежание лишних вопросов иногда представлялась «Милой». Хотя совдеповский этот именной огрызок тоже раздражал. И Васька звал меня «Машкой» или «Маней», а в минуты особого благорасположения – «Манон».

Имя моей дочки, правда, тоже выбивалось из общего ряда тогдашнего времени. Я придумала его, еще будучи беременной, и держала в кулачке, никому не раскрывая. Хотя после родов, глядя, как Аглая тербит красными лапками пеленку, пытаюсь поднять пушистую головку, забеспокоилась: не излишне ли весомое да увесистое выбрала имечко для своего ребенка?! Впрочем, «Аглаюшка» и «Глашенька» очень нравились. А отсюда недалеко оказалось и до «Глафиры». Откушав, Глафира лежала в кружевном чепчике чинной старушечкой, несколько сварливо даже поджав губы в «скобочку». Тогда как у Глашули не устоявшаяся еще улыбка разъезжалась-растекалась по лицу, как яйцо по сковородке. А Аглае – в пару – я мечтала еще родить брата. Глебушку. Глеб и Аглая – замечательно б звучало!

С мужскими именами вообще любопытно вышло: некоторые из них оказались роковыми, например, с Сережами я была обречена на романы, но с Димами, скажем, у нас выстраивались исключительно теплые дружеские отношения, Миши в меня влюблялись без взаимности, а с Генами выходили одни неприятности. Всякого нового знакомого я встречала не по одежке даже, а по имени. Теория эта, впрочем, давала сбой при появлении обладателя не попадавшего до сих пор имени. И в самом деле, чего следовало ожидать от какого-нибудь Радомира, допустим, или Перри? Или, скажем, от Вольдемара? Так звали моего второго мужа. Не зная, что с ним делать, я в конце концов ответила согласием на его настойчивые предложения о замужестве. Матушка величала сына «Воликом», друзья-приятели – «Демой», а я – «Волькой» или «Дэмом».

Кукиш под подушкой

– Ты помнишь, как убили Дему? – вдруг спросил из трубки Василий, сопровождая вопросительным знаком каждое слово. – Ты? Помнишь? Как? Убили? Дему?

Помню ли я, как однажды ночью кто-то выстрелил через дверь в моего мужа, и он пригнулся и длинно взмахнул руками, как будто готовился к прыжку, но, не удержав равновесия, вдруг начал падать, и я потянула его через порог в квартиру и дальше, путаясь в тапках, к дивану? И губы на бледном его лице вмиг стали напряженно-синюшными, как обычно, когда он нервничал. «Не переживай, сейчас вызову доктора!», – бормотала я, укладывая его поудобнее. Когда вдруг поняла, что он уже не переживает и вызывать надо не врачей, а полицию. Подвывая, кинулась на кухню к телефону. И переодеть испачкан-

ную в крови ночную сорочку сообразила, только когда прозвучал дверной звонок.

Потуже затянув накиннутый на голое тело халат, потом несколько часов отвечала на вопросы бестолкового юноши, похоже, впервые в жизни составлявшего протокол и подошедшего позднее мордатого дядьки. И вновь, и вновь прокручивала «картинку»: мы уже ложились спать, но заспорили (на самом деле, затеяли очередную дурную ссору), когда вдруг позвонили в дверь и муж, выйдя в «предбанник», громко спросил: «Кто?» (Он всегда так спрашивал вместо «кто там?») И я, возвращаясь домой, заранее злилась, когда тянула руку к звонку). В ответ мужской голос прокричал: «Открывай, пацан!» Разгоряченный ссорой, Дэм выругался, хотя обычно избегал ненормативной лексики, и было развернулся, но тут из-за тамбурной двери раздались выстрелы. Когда я выскочила на площадку, не понимая, что происходит, он обвис у меня на руках. Мы давно уговаривали соседей поменять хлипкую эту дверь, но не преуспели в переговорах, а сами так и не собрались.

– И вы не знаете, кто убил вашего супруга? Хотя голос одного из стрелявших вам показался знакомым? – в стотысячный раз переспросил мордатый. – Странное какое-то убийство – через дверь! Впервые о таком слышу! – выговорил мне он. – А может, это вас хотели убить? По причине, так сказать, зловредной журналистской деятельности! – оживился следователь.

– Но убийцы слышали только голос мужа, – напомнила я, лягнув зубами. Давно уже нужно было переодеться – меня била дрожь.

– А-а если недоумок за дело взялся, он и сделает все по-дурачки!

– Так, наверное, это и были какие-нибудь обкуренные наркоманы? Тем все равно, куда и в кого палить! – подал голос юноша, которому давно следовало заняться прыщами на своем лице – хотя бы для того, чтобы так не краснеть под взглядом собеседника.

– Не похоже. Как рассказала соседка по этажу, когда подъезд оборудовали домофоном, наркоманы отсюда вывелись. И, по ее словам, после того как в подъезде хлопнула входная дверь и прозвучали шаги, вскоре раздались крики и выстрелы и кто-то убежал. То есть убийцы пришли с конкретной целью, – уточнил мордатый, успевший уже, оказывается, переговорить с соседями. – Кстати, а если вы сами «заказали» своего супруга?

– Скорее, это у него был повод меня прикончить, – пробормотала я.

– Да уж, наслышан – монашеский образ жизни вы не вели... Ну что, не знаете, кому ваш муж или вы так насолили?

Но я не знала. И думала о том, что, если бы мы опять не поссорились, Волька, наверное, сдержался и не выругался, и остался б жив. Если, конечно, дело было в оскорбленной душевной деликатности убийц. Скорее всего, их было двое: один громко прокричал про «пацана», а второй, уже после выстрелов, выдохнул испуганное «ох!» И восклицание это почему-то показалось знакомым. Нет, я не слышала, как они убегали, потому что потащила мужа в квартиру.

И еще думала, хоть хорошо, что Глашка сейчас у бабушки с дедушкой. Аглая очень любила Дэма: в отличие от родного отца, тот с ней возился, водил в кино-театры и баловал подарками.

Разумеется, потом они все приехали. И отстояли рядышком траурную церемонию. Прибывшие из украинского Закарпатья тетки всё причитали: «Хорошо, что Анечка этого не видит!»

Несколько месяцев назад мы уже собирались на кладбище в сходном составе. Давно страдавшая от высочайшего давления «Анечка», Анна Васильевна, мать Вольдемара, вдруг умерла. И Волик во время ее похорон совсем потерялся, кричал и метался у могилы осиротевшим птенцом. Наблюдая нестойкое поведение племянника, закарпатский его дядька кряхтел и хмурил густые черные брови.

Поженившись, мы съездили разок в гости к мужниным родичам-«западэнцам». У них все было крепким: двух- и трехэтажные дома, хозяйства с огромными свиньями за толстой перегородкой и собственные желудки. По случаю нашего приезда, вероятно, день здесь начинался с водки и поджарки с большими ломтями мяса. Мое стремление – держаться с новыми родственниками наравных – обернулось, пардон, поносом.

А само свадебное путешествие – в Сочи – началось с тошноты. Замуж я выходила беременной. Но поскольку рождение ребенка не вписывалось в наши ближайшие планы (в сентябре я должна была приступить к занятиям в Высшей комсомольской школе в Москве, где Дэм доучивался в Горном институте), по возвращении из сочинской поездки предстояло идти на аборт.

Меня мучило и тошнило. И отпускало только в море. Мы много купались и, дурачась, ныряли, показывая друг дружке под водой кукиши. И смех всплывал пузырьками к лазурной поверхности. Вот тогда

окончательно и поняла, что Волька для меня, скорее, товарищ, с которым я и в постели чувствую себя так, как будто держу под подушкой фигу.

А потом была больница, где моя мама, ранее зарезервировавшая для нас номер в сочинской гостинице «Приморская» у самого берега моря, теперь договорилась об аборте под наркозом. В те времена такие операции делали только «по показаниям». Мне, например, рекомендовали отвечать любопытным, что недавно попала в аварию и получила сотрясение мозга. Я так всем и говорила, но бабы, с тяжелыми подозрительными взглядами, похоже, не верили. На что, в общем, было плевать. Глашку рожать я совсем не боялась, а тут заколотило: пока стояла в коридоре в кошмарной этой очереди, в белых бахилах с завязочками и безразмерной рубашонке, все уговаривала себя не думать о ребенке, которого вот-вот не станет. В операционную меня вызвали последней.

Отлежавшись тихонечко в шумной палате, я вышла в больничный холл и увидела Вольку – бледного, с напряженно-синюшными губами. С убийства началась наша супружеская жизнь – им и закончилась.

Серьга на барабане

– А ты почему вдруг вспомнил о Деме? – переспросила я. Но Васька, шкрябая чем-то и звякая в свихнувшейся своей пупер-державе, не отвечал. Наверное, откупоривал очередную банку с пивом. Или в самом деле корпел над шампанским.

Не то, чтобы они с Дэмом соперничали. Но знаете, как это бывает в школе: мальчики из класса «А» не любят, когда на их девчонок посягают «бэшники». Дэм учился в «Б». И потом рассказывал, что обратил на меня внимание на каких-то школьных соревнованиях, когда я отжалась от пола больше всех девчонок, обойдя даже гребчиху Люду Швецову, с мозолистыми шишками-наростами на руках – от весел.

А может, дело было в Серее Чудном? Высокого, худого Серегу – при такой-то расчудесной фамилии – ребята из музансамбля, игравшего на городской танцплощадке, звали «Гвоздем». А стоявшего рядом, с гитарой наперевес, крепыша Олега Ярошевского и вовсе «Кирпичом». Своими длинными руками Серегу, играючи, вколачивал в вечер ритмы – по самую шляпку. Он гордился тем, что мог с одного замаха произвести восемь ударов. И когда после праздничной дробы его барабана на гулкое эхо большого барабана-«бочки» цикадами откликались тарелки, у меня внутри тоже что-то радостно начинало дребезжать.

Барабанщик Гвоздь не очень подходил на роль кавалера для «девочки из хорошей семьи», вероятно, поэтому мы не афишировали своих встреч перед общественностью. В основном они проходили в экстремальном режиме. Например, поздним вечером в лифте, когда важно было не забывать нажимать кнопки-клапаны спятившей напрочь гармошки, чтобы не вывалиться во вдруг открывшиеся дверцы на площадку этажа. Или в лесу. Леса, помню, было очень много, когда, нагнувшись, ты вдруг поражалась хрустким лоскутам снежной тафты на черных прогалинах или бодрой зелени молодой травки. И еще помню пол в квартире у его бабушки – выше мы ни разу там не поднялись.

А однажды, когда родители уехали, он пришел ко мне домой. С выпивкой и консервами закуси – как большой. Утром, проснувшись, я задергалась в постели – что дальше делать-то? И не придумала ничего лучше, как начать подметать. Он лежал и пялился из-под одеяла, а я мела по комнате веником – взрослой и самостоятельной женщиной.

Он играл джаз-рок, и я звала его Суржиком. Или Сереечкой. Потом он так и подписывал свои письма из Калининграда, куда его мать решила перебраться с детьми после развода: «Твой, оставшийся без пары, одино-о-окий Серьга». Получив очередное горячее послание, я однажды жестоко напилась с Василием в привокзальной кафешке. Васька знал о нашей истории. И не то чтобы одобрял, называя нас «разнопланетными людьми», но все же покрывал.

– Вася, ты меня понимаешь?! Ты ведь знаешь, что такое настоящая любовь?! – гундосила я в полном соответствии с классикой жанра. И, потрясая перед Васькиным носом сердечным приветом с Балтики, смахнула со столика его стакан.

При этом я еще норовила закинуть ноги на дерматиновое сиденье или порывалась станцевать под симфоническую музыку, гремевшую по радио. И под занавес намертво застряла в туалете, пока наконец Василий, презрев приличия, не выволок меня из кабинки к раковине. Вытерев мое опрокинутое лицо клетчатым платком, он рассмеялся: «Тоже мне, падающая звезда!» А потом долго выгуливал по улицам, чтобы я могла вернуться домой в кондиционном состоянии. На следующий день моя голова раскалывалась от всякого движения, и я носила ее на плечах остороженько, как аквариум, чтобы не выплеснуть воду с рыбками... С той поры стараюсь избегать публичных драм и подворываю у приятелей носовые платки.

Фамильные часы

Родителям в то время было не до моих сердечных страданий. Тогда как раз одновременно слегли дед Гриша и Милица. И мама с папой мотались между Лугой, что под Питером (там они некогда встретились и там родилась я) и молдавскими Бендерами, где мы тогда жили. И больше они тревожились не за меня, вполне самостоятельную уже девицу, а за младшего брата Андриюшу, оставленного на мое попечение. Заставить Дюшу что-либо сделать против его воли и правда было нельзя, но договориться и сторговаться – возможно. И мы, в общем, ладили.

Деда моего, развеселого умельца-сапожника (героически отвоевав в Первую мировую войну, он ушел затем в Красную армию и был тяжело ранен) все обожали. А вот с бабушкой Паней (по паспорту, Прасковьей) они вдруг рассорились. Дед услышал однажды, как она кудахтала на кухне с соседками, что устала, мол, стоять у плиты, а Гриша ну очень любит вкусно покушать. Рассердился и стал питаться отдельно. И теперь, когда я бывала у них, то сначала ела знаменитые бабушкины щи с квашеной капустой, а потом дедушкину «Кильку в томате». В своей будке-светляке, освещавшей по вечерам наш темный двор, дед, в скрипучем кожаном фартуке, просиживал допоздна: остругивал косым ножичком подметку и «на лапе» лихо приколачивал ее к ботинку. Он слыл мастером и моей матушке на выпускной изготовил замечательные тувельки. Но часто выполнял заказы в долг или «за чекушечку». В будке вечно толпился народ. Выскочив однажды разгоряченным на мороз, дед заболел, долго надрывно кашлял и все никак не мог прокашляться да продышаться. Задохнувшись, и умер. С бабушкой, уже в больнице, дед помирился, и она исправно доставляла туда завтраки-обеда-ужины.

А Милицу «бабушкой» никто не звал, все именовали ее «Мошечкой». У нее обнаружили рак и сначала это скрывали. Но когда, после операции, она попыталась вернуться к водочке под прожаренные бараньи ребрышки с маринованными грибочками да с непременной сигареткой, ей сообщили истинный диагноз. Мошечку хотели напугать, чтобы мобилизовать на борьбу с недугом. Но вышло наоборот. Она вообще махнула рукой на лечение, а когда становилось совсем плохо, глотала все лекарства подряд и травилась от передозировки. Врачи из «Скорой» ругались. И папа с мамой сокрушались, что Мошечка не оказалась бойцом. Я горячо им поддакивала. И не понимала – в значительнейшей мере родительские сентенции о том, что нужно «бороться до конца», были адресованы мне самой. А теперь думаю, что у Мошечки, пережившей революцию и разорение старинного благополучного дома, Отечественную войну и Ленинградскую блокаду, уже просто не осталось сил на преодоление очередной напасти.

Помимо бесполезного дворянского титула, она унаследовала от своей матери и красоту, смягченную неизбывным веселым тяготением к мужскому полу. Ведущие инженеры предприятий и красавцы-вице-адмиралы – многочисленные мужья и поклонники, помогали Мошечке выжить в те смутные времена, когда мужчины из ее собственной семьи – отец, брат, дядюшки (почти все они были Сергееми) – один за другим бесследно, без вести, пропадали. Из всех ей удалось сохранить только моего папу – Павлушечку, как она его называла. Что это тоже было непросто, я узнала много позже. А тогда отец срывался и кричал на Мошечку, не желавшую обременять себя серьезным системным лечением, и всякий раз паниковал, вызванивая «Скорую помощь».

– Ну что, красотка, выпьем еще? – вдруг обозначился Васька. И забулькал. И я пробулькала водичкой в ответ.

Родители мои оба питерские – с Васильевского острова. А встретились за 131 километр от «северной столицы», в рубежном для устремленных в нее эзков, городе Луга – на танцплощадке. Однажды, возвращаясь с танцев, они не захотели делать крюк до моста и рванули напрямик через реку. И когда плыли светлой летней ночью, держа над водой парадную одежду, папа утопил фамильные золотые часы, подаренные Мошечкой. Что она легко простила сыну, которого безмерно любила и баловала. Парадоксальным образом после истории с часами мою матушку приняли в папиной семье как свою. Хотя высокородное это семейство, понятно, вовсе не мечтало породниться с сапожниковой дочкой, пусть даже прехорошенькой, с блестящими из-под перманентных кудряшек глазами и вьющейся вокруг ног модной юбкой солнце-клевш.

И потому я всегда искренне праздновала день Октябрьской революции, который в советские времена торжественно отмечали 7 ноября, а сегодня стыдливо задвинули за задники путаных исторических декораций. Ведь не случись эпохального этого события, потрясшего основы мироустройства, мой папа вряд ли женился бы на моей маме. И не родилась бы я.

Дитя революции

Кстати, именно после ноябрьской демонстрации в Кишиневе, где я училась на журфаке, мой однокурсник Пашка, Глашкин отец, был исключен из комсомола. За то, что, промаршировав в колонне по площади, затем, в подпитии, проволоком по земле доверенный красный флаг. И кто-то увидел и донес.

Мне долго пришлось маяться в коридоре в ожидании вердикта итогового заседания комитета комсомола университета. Его участники припомнили Паше все: и что на предыдущей первомайской демонстрации он уже совершил недопустимую выходку – перед трибуной с руководством республики вдруг поднял на руках сокурсницу (то есть меня) и недавно сыграл весьма подозрительного Бегемота в постановке по произведению чрезвычайно сомнительного автора (Булгаков еще не был возвращен широкой публике), а взамен сорванной факультетским начальством стенгазеты «Перегиб» выпустил еще более скандальный «Недогиб» (где я дебютировала со стихотворением об инфузории-туфельке). Совокупность деяний определила приговор.

По тем временам изгнание из комсомольских рядов означало крест на дальнейшей карьере. И кто, как не я, должен был поддержать Пашу в трудную минуту? В эту самую минуту и оказалась зачата Глашка. Тоже, стало быть, дитя революции.

Хотя, по правде сказать, поддержать и обласкать Пашку рвались почти все девицы с нашего факультета. Героическим борцом с системой и диссидентом он не был. А слыл бретером, наповал сразившим несколько курсов журфиксных дам. Между прочим, в паспорте он значился Вадимом. Но еще в детстве сердился, когда его звали «Вадиком». «Ва-а-адик – будто сахарная вата, тьфу! Разве это имя для настоящего пацана!» И когда во дворе, не подобрав для него подходящего прозвища, остановились на «Пашке», тот был только «за».

«Можете называть просто “Пашей”. Так друзья прозвали – у меня фамилия Павлов. И парашюты в небе, когда раскрываются, тоже, вот так, окликают – “П-паш!”». – Тут он резко взмахивал руками перед носом собеседницы, салютуя расцветшим парашютным куполом. Грудь колесом, улыбка разбойничья, а глаза ласковые – и всё, очередной жертве каюк!

Отслуживший в ВДВ, высокий крепкий Паша сочинял замечательные «чернушные» сказки, на прогулках зачитывал километры стихов Вознесенского, Окуджавы, Цветаевой и на вечеринках громче всех хохотал над своими и чужими анекдотами... Большое красное яблоко, подаренное им на день рождения моей подружке Ленке Сосновской, та, кажется, запомнила на всю жизнь. Возможно ли было устоять? Я и не устояла. Но уже на свадьбе, в лаконичном белом платьице, бродила одиноко между разудалыми гостями, понимая – это не мой праздник. А ведь мама, как водится, пыталась меня отговорить от скоропостижного брака. И, интеллигентно смущаясь, вопрошала: «Ну на что вы будете жить? И на какие деньги собираетесь отпраздновать свадьбу? У него, кажется, и приличного костюма нет?!» Костюма и денег, точно, не было. Но уже случилась Глашка. А против Глашки разве попрешь?!

Фонарики в фонтане

– Вась, а ты про Дему-то почему спросил?

– Мано-о-он, – протянул он. – А что это за история была про то, как ты с ним в грузинской командировке распрощалась?

– Не в грузинской, а в армянской. А ты откуда об этом знаешь?

О случившемся я рассказала, то есть не рассказала даже, а так, обмолвилась, только Ленке. В ту ночь мы с ней шастали по летнему Кишиневу из ресторана в ресторан и в одном из них даже сплясали, положив на пол свои сумочки. И я только начала радостно отрываться – от мозаичного пола с сумками и от бытия – как Ленка потянула меня к выходу. Мол, на нас уже стали оглядываться, а мы без мужчин – неудобно. На соседней терраске коротал одиночество ослонивший официант. Да кто-то из знакомых прошел мимо по ступенькам, нас окликнув. Но мы строго прокричали в теплую звездную ночь, что должны поговорить о делах. Вот тогда, отхлебнув холодного шампанского и глядя на отражение пестрых фонариков в воде выключенного фонтана, я заметила на Ленкины расспросы о Деме, пропадавшем в разъездах, что собственно уже распрощалась с ним в своей армянской командировке.

– Там столько произошло – всякого! Я еще Мошечкину сережку потеряла, ту, серебряную с «лунным» камнем, помнишь? – Здесь, я знала, Ленка, как сорока, падкая на все яркое, вострепнется, но продолжать не стала.

Разочарованно помолчав, она поведала собственную грустную любовную историю. И как всегда увлеклась, рассказывая, так что в итоге это вышла с большой буквы История о Неземной Любви, пусть даже и недооцененной в достаточной мере ее объектом. «Он занимается джазом. Необычайно талантлив! И я специально сшила платье, такое, знаешь, пронзительно-раскованное, посвященное нашей встрече. Хотя этого он, кажется, не понял. Мы ходили на концерт, а потом долго гуляли. И говорили. Говорили! У нас столько общего! Но у него роковой роман! Из-за этой женщины он ушел из семьи и теперь не может с ней расстаться! Но и вместе жить оказалось невозможно! Представляешь?», – живописала Ленка, как хороший репортер, умевшая увидеть замечательное в каждомдневном и в незавершенно-удлиненном вислуосом саксофонисте разглядеть романтического героя.

Сама Елена порой выглядела Фекла-Феклой. Но стоило ей нацепить какой-нибудь странный сюртук с оборками да слегка причесаться-подкраситься, и ее огромные врубелевские серо-сине-зеленые глаза маяком манили заблудшие мужские души. Причем цвет их менялся не только в зависимости от раскраса платья, но и от того, на какого именно мужчину в данный момент был обращен Ленкин взор. Мишане поначалу она сигналила таким отчаянным голубым!

Востроносый, востроглазый, пузатенький Мишаня немаленькой Ленке едва доставал до плеча, но был строг. Застигнутый врасплох в мастерской – на диване с молоденькой пучеглазой натурщицей, изображаемой им в жизнеутверждающих зеленых тонах эдакой царевной-лягушкой (для Лены же он приберегал тусклые серо-синие разводы), – Мишаня устроил моей подруге разнос за внеурочный визит. Орал и топал ножками 37-го размера. И тут наконец подруга рассвирепела. Рвала холсты в опоганенном неверным, любовном гнездышке, швыряла баночки с краской и, жаль, не сумела достать кисточками спрятавшуюся за диваном перепачканную полуголую лягушонку!

Ленкин муж, рыжий здоровяк Яша, тихо любил супругу. Будучи по образованию инженером, на заводе «Мезон» он вытачивал на станках уникальные экспериментальные образцы. Но этот сюжет, увы, Еленой был давно отработан. К тому же с началом перестроечных времен всегдашние внушительные Яшины заработки стремительно стали уменьшаться. А вместе с ними как-то подух и он сам и даже стал несколько желчен, утратив привычное добродушие довольного жизнью и собой большого мужчины. Вдобавок на сцене как раз появились новые герои. Наш общий приятель и коллега, всегдашний полуголодный гурман Костя Нардов вдруг открыл первый в Кишиневе «статусный» ресторан. А обретенный в турецких челночных поездках новый Ленкин знакомый Рома в одночасье разбогател, завалив союзное еще пространство пакетиками с пайетками – маленькими блестящими кружочками, нашивавшимися на концертные костюмы. «Он просто рассылал по республикам предложения о поставке пайеток в театры-филармонии и сам шлепал их на купленном старом станке. И сделал на этом капитал!», – восхищалась Елена. Хотя это, кажется, было потом.

А тогда, взглянув на посеревшее небо, она опечалилась: «Дорогая, похоже, мы уже не можем много пить – теряем форму!» И я, заметив наконец, что в потускневшей воде погасли даже фонарики, рассмеялась: «Сосновская, ничего себе! Уже светает! Да мы в отличной форме!» Разбудив официанта, мы расплатились. И бодренько потопали по домам.

Тбилисские красавицы

На самом деле редакция отправила меня в Армению, на годовщину землетрясения, устранять последствия которого помогали и строители из братской Молдавской совсоцреспублики. В расположенный возле грузинской границы район, где они трудились, проще было добраться через Тбилиси. В действительности в ту предзакатную советскую пору в Закавказье простым уже ничего не было. Что прочими жителями страны победившего соцабсурда еще не вполне осознавалось. И я решила задержаться на пару дней в грузинской столице.

О номере в гостинице «Аджария» по просьбе замечательного московского журналиста и фотохудожника Сергея Сударушкина договорился известный грузинский актер Давид Чантурия. Я как-то встретила его у Сударушкина: царственной красоты мужик, а глаза Пашкины! И какой-нибудь парашют наверняка в запасе имелся – для восторженных дам. Из-за этого пузырившегося в небесах парашютного купола их с Сударушкиным беседа о способности сынов грузинского народа – превращать банальный прием пищи в трапезу и всякое рутинное действие в празднество – утратила изначальную безмятежность. Они даже несколько разгорячились и заспорили, хотя с ключевым тезисом – о празднестве – согласны были оба. Возможно, тогда и захотелось на грузинские чудеса самой посмотреть, хотя к тому, например, что обыденное выпивание вина может стать знаковым событием, меня давно уже приучили молдаване.

– Когда прилетишь, сразу топай на автобусную остановку, ни в какие машины, такси не садись, – напутствовал Сударушкин.

Но мы прилетели поздней ночью: по дороге неожиданно сели на дозаправку в Ростове, где нас часа три продержали в самолете, пока наконец не отправили дальше.

По прибытии, игнорируя оклики из авто, я направилась к автобусной остановке. Но там были только мужчины. Обратилась к самому молодому приятной наружности парню. Студент Нико объяснил, что автобус скоро придет, правда, чтобы добраться до «Аджарии», надо будет сделать пересадку, и мне повезло – он едет в том же направлении. Но когда пересели в такси, я вспомнила: Сударушкин говорил, что гостиница расположена в центре города, а мы явно колесили по окраинному микрорайону с многоэтажками.

Выйдя из машины, Нико предложил зайти в гости к его сестре. «Но Давиду не понравится, что меня ночью куда-то затащили! Ты знаешь такого актера – Давида Чантурию? Он сейчас на съемках и не смог меня встретить. Не надо его огорчать!», – строго выговорила я.

Изменившись в лице, Нико быстро отнес в дом свой чемодан и снова поймал такси. И уже перед гостиницей, осторожненько так, переспросил: «А ты, правда, знаешь, этого, как его, Давида?..»

– Чантурию? Конечно! – небрежно бросила я. – Мы в Москве познакомились. Он и забронировал для меня номер в «Аджарии» (и это было чистой правдой).

Нико отнес мою сумку к стойке администратора. И, поднимаясь в лифте, я подумала: «Какое счастье, что грузины знают и чтят своих актеров!»

Утром, глянув из окна номера на лежавший внизу разноуровневый разноцветный город, я радостно отправилась знакомиться с ним. Но на улице мое приподнятое настроение быстро растрепалось, как неуместно нарядная прическа. Какие-то типы беспрестанно дергали меня за пальто. Это финское «дутое» пальто, 52-го размера, тетя Катя, лужская мама подруга, заполучила в обмен на талоны от макулатуры. На меня оно было огромным. Я купила «размахайку», прельстившись ее легкостью и необычайно ярким салатным цветом. И шапочку с кисточкой потом нашла – в тон.

Но даже если в Тбилиси такого не носили, это ведь не повод бесцеремонно задирать незнакомую даму, не так ли? После того как очередной встречный парень намеренно толкнул меня, обхватил и прижался угрюмой щербатой рожой, я поняла, что моим надеждам на идиллическую прогулку по красивейшему, со слов Сударушкина, городу не суждено сбыться.

Срочно нужно было разыскать ребят из ВКШ: армянина Лешу Гаспаряна, работавшего в республиканской «Молодежке», и Кетеван, с которой мы жили в одной комнате вместе с азербайджанкой Раминой. То есть, на самом деле, мы с Дэмом и Глашкой обитали у станции метро «Кировская» (теперь – «Чистые пруды»). Здесь мужу, подрабатывавшему дворником, выделили убитую служебную квартиру на первом этаже, в которой нас считали своим долгом навестить все родственники-друзья-знакомые. А в ВКШ на Ждановской, впоследствии переименованной в «Выхино», я изредка оставалась ночевать перед экзаменами. Корпя над билетами, мы с девочками еще успевали поговорить «за жизнь» и по утрам от переизбытка чувств, взявшись за руки, пели пугачевскую «Без меня тебе любимый мой!..»

Одна из остановленных мною женщин смогла рассказать, как добраться до Дома печати. И здесь в первой попавшейся шумной компании на мой вопрос «Как найти Лешу Гаспаряна?» обернулся незнакомый бородач: «Вы меня ищете?» Зачем-то отрастивший бороду, Леша в нашей группе был одним из заводил – вместе с Леоном Арутюняном из Еревана, моим кишиневским коллегой Валерой Мардарем и Маретом Паком из Таллинна. В зимнюю сессию, отправляясь из «спального» корпуса на зачет, мы рассовывали по сугробам опорожненные за ночь бутылки «Букета Молдавии», которым по весне предстояло расцвести пышным цветом.

Мы хохотали, вспоминая об этом в очередном подвальчике, где подавали много вина и мяса и совсем не было женщин, и грузные грузины напряженно взирали на меня. Потом поехали к какому-то Лешкиному другу, опять пили вино и смотрели фотографии. И худой светловолосый фотокор, козыряя новым словечком «эксклюзив», потрясал фотосвидетельствами нараставшего грузино-абхазского противостояния. И Леша жаловался, что у него начало болеть сердце. Я сидела на кровати с металлическими шишечками. Заиграло танго. И когда фотограф излишне нервно прижал меня к своему штативу, Леша прокричал от окна через комнату: «Слушай, а как поживает твой муж Дема?»

Школяры, как называл их муж, пару раз собирались у нас на Чистых прудах, и тогда всё, что можно было съесть и выпить, мгновенно сметалось подчистую. Потом какой-нибудь подвыпивший школяр, вспомнив о собственном семействе и детишках, ожидающих его на просторах необъятной родины, не-

пременно взялся к Глашке с дурацкими сказками. И та снисходительно пережидала сей сентиментальный порыв. Глашуля спала за перегородкой во второй комнате, где стоял огромный шкаф. Его выкинули на свалку, а Волька нашел и приволок в дом. Шкаф был целый, только на одной дверце темнела дыра. И мы смеялись, мол, это даже удобно: пришел муж домой и сразу глянул в «смотровое отверстие» – не прячется ли в шкафу любовник жены?

Перед отъездом я нашла у Дэма свои старые письма, что писала еще до замужества. Я вышла за него замуж не по любви – просто боялась остаться одна, но очень надеялась жизнь наладить и стать счастливой. И детишек еще хотела нарожать! А потом так привыкла обманывать Дэма, что забыла уже о том времени, когда была с ним вполне искренней – в своих посланиях. И в своих надеждах, которые, увы, не сбылись. Возможно, если б я не приехала к нему в Москву, где соперниками Вольки оказались мужики совсем другого калибра, со временем все как-то и сладилось бы. Хотя, если муж, засыпая, старается пристроить свою голову на твоём плече, а ты вовсе не относишься к типуажу жены-матери, поневоле начинаешь раздражаться.

А тут еще он забредил отъездом. Один его дядька там, на Западной Украине, совсем сбрендил, мечтавая выбраться из Союза. И все затевал какие-то невероятные проекты и даже плот построил. И вроде попытался сплавиться, но бдительные советские пограничники задержали беглеца. И когда все стало рушиться, точнее, когда возникло предчувствие грядущей разрухи, Дэм тоже засобирился. Возобновил переписку с одноклассницей Агатой, выехавшей пару лет назад в Германию. Куда-то бегал, хлопотал и вдруг сообразил, что в этом деле мы с Глашкой для него обуза. Он начал ссориться и психовать из-за пустяков, а по ночам засыпал на моем плече.

Кажется, башню у меня снесло в метро. Вино закончилось, и мы решили сгонять в мою гостиницу за коньяком. Это последнее, что я четко запомнила. А в подземке всё в голове перемешалось: какие-то вагоны и бледный Волька на перроне с синюшными губами – сначала оттолкнул нас и побежал, потом вдруг повернул назад и стал тянуть меня из-за решетки, а Глашка с другой стороны вцепилась в мою руку и ревет, и я зарыдала, и Дэм. И Лешино плечо промокло от моих соплей и слез.

В гостиницу нас не пустили, и парни, оставив меня у входа просохнуть, пошли договариваться с дежурным администратором. И не успела я взглянуть на звезды, как меня с обеих сторон подхватили под руки и потащили по ступенькам вниз. Я орала и лягалась, а на стоянке сумела вырваться и побежала между машинами. Закричала «Меня зовут Милица Берсенева!» и попыталась вцепиться в дверцу выезжавшего автомобиля. Тут, наверное, меня и пристукнули, потому что очнулась я уже за городом, на каком-то кособоре, по подолу которого вилось шоссе с бисеринами светящихся автомобильных фар – так красиво я могла бы написать в иной ситуации. Двое похитителей выволокли меня из машины, и в темноте нарисовался силуэт третьего.

– Говоришь, тебя Милицией зовут? Что ж, порадуй-ка меня, Милиция, хорошим минетом, – весело предложил он.

– Не хочу! Не буду! Не умею! – дернулась было я.

Он коротко ткнул меня в лицо и, когда я запрокинулась назад, ударил под дых. Я согнулась, хватая воздух. И тогда он ловко вставил в рот пенис, как будто всегда проделывал это именно таким способом. Пенис был, что называется, росту ниже среднего и надолго не задержал.

Отплевываясь, я выпрямилась, и тут то ли меня сзади подтолкнули, то ли сама рванулась. Пролетев кубарем по склону и завершив последний кульбит на обочине дороги, я кинулась к мчавшемуся мимо такси.

– Быстрее, быстрее уезжай отсюда! Давай на Малую Бронную, 13, скорей! – выкрикивала я московский адрес Сударушкина, дергая таксиста за рукав.

– Куда едем? – мрачно переспросил он.

– Я ж говорю, на Малую Бронную!

– А это где вообще? – буркнул водила.

– Слушай, в Москве все таксисты улицу Малая Бронная знают! – возмутилась я.

– Так то в Москве. А мы в Тбилиси...

– Останови! – еле выговорила я и выскочила из авто. Потом меня долго тошнило-сотрясало-выворачивало на придорожные кусты. И, когда я вернулась в салон, таксист протянул мне огромный клетчатый платок.

– Я вчера прилетела в Тбилиси. Встречалась со здешними друзьями. А возле гостиницы меня похитили.

– Похитили?! Кто? Зачем?

– Они не представились! Наверное, хотели изнасиловать. А может, убить. Не знаю! Хорошо еще не сломала шею, пока скатывалась с насыпи.

– Как называется твоя гостиница?

– «Аджария».

– Но это в центре города! Чтобы оттуда людей выдергивали – впервые о таком слышу! А ты кто?

– Ну, журналист. Вообще-то меня отправили в командировку в Армению, про землетрясение написать. То есть про нынешние восстановительные работы. А я попутно решила Тбилиси посмотреть. Посмотрела! И что вы тут все за уроды такие?!

Я вцепилась в него, затрясла и, кажется, хотела укусить. Он остановился. Прижал меня к груди, плотно захватив руки. И стал поглаживать, приговаривая: «Ну успокойся-успокойся!» Я пару раз попыталась вырваться, потом затихла. А он все гладил-гладил. Сначала размеренно так, участливо, а потом все настойчивее и настойчивее, шумно задышав.

Мы стояли где-то на окраине, кругом было темно и безлюдно. Разве что по близости могли колесить бандиты, умыкнувшие меня от гостиницы. А водила попался огромный, с ручищами обхватом в придорожный столб. Такого не одолеть, пожалуй. В этой ситуации оставалось только минимизировать потери.

– Ты меня хочешь? – попыталась перехватить инициативу. – Давай завтра. Я отойду, приведу себя в порядок, и мы встретимся.

Он молчал. Пыхтел, как паровоз. Потом потянул за кофточку.

– Подожди! – неминуемое насилие следовало превратить в паритетный половой акт, исключив из него излишнюю агрессию. – Подожди. Расстегни мне лифчик. Теперь погладь, вот здесь. Поцелуй, ох, пожалуйста, поцелуй! Нет, больно не надо делать. Ведь приятнее, когда нежно-нежно. Давай я тебе покажу, расстегни ремень.

Куснув его за толстое ухо, прошептала: «Опусти сиденье».

«Милица, Милица!», – рычал он, вдруг обнаружив в моем имени раскатистые «р-р», и так раскачивал машину, что она грозила перевернуться. И наконец рванул с горы своего живота – в пропасть.

Черт знает что!

Потом мы заснули даже. Но поутру, когда в окна забило солнце, он смотрел на меня зло и недоверчиво. И было видно, как в мохнатой его башке скрежещут шестеренки мыслей про то, что я его обманула, конечно, и что на самом деле я обычная проститутка и просто не поладила с клиентами. И самое смешное, я тут же загундосила в тон: «Ну, дорогой! Чего мы скучались! Давай, рули в гостиницу. Ой, где моя перчатка? А ну, подвинься, ты не сидишь ли на ней?» И между ногами у него пошарила.

У вас так не бывает, когда кто-то рассказывает про свою печаль и при этом высматривает в ваших глазах злорадство или насмешку – злодейский отблеск-таки проскальзывает по вашему лицу, хотя в действительности вы не относитесь к разряду людей, которых радует, что у соседа корова сдохла? Со мной такое иногда случается, вероятно, из-за профессиональной привычки эмоционально подстраиваться под собеседника.

Едва я вошла в номер, как затрезвонил телефон.

– Ну наконец нашлась! Куда ты вчера пропала? – закричал Леша.

– Меня похитили. Прямо у гостиницы. Увезли куда-то за город. Но мне удалось сбежать.

– Бли-и-ин! А мы не знали, что и думать! С минуту поговорили с администратором, вернулись, а тебя нет! Бли-и-ин! – повторил он. – Хотели в милицию заявить, но потом решили подождать до утра. Вдруг ты сама куда-то намылилась! Я поехал домой, но так стало плохо, что пришлось вызывать «скорую» – сердце. А потом еще жена скандал закатила! Ты никуда не уходи, я сейчас приеду! – и бросил трубку.

Я вымылась под душем. Ощупала себя – все вроде цело. Правда, подраспух от удара нос и болит, видимо, ушибленное плечо. Да старинная Мошечкина сережка выпала из уха. Вторую, уцелевшую, я решила пока не снимать. «Твой, оставшийся без пары одино-о-окий Серьга!» Как он там? Давным-давно о нем ничего не слышно.

Переоделась. Осмотрела пальто – молодцы, финны! «Размахайка», в которой я кувыркалась по косягу, осталась целехонька, хотя и испачкалась немного. «Но это мы застираем. Спокойно, Берсенева, спокойно. Без истерик!», – настраивалась я перед Лешиним приходом. Когда вдруг заметила, что старую не смотреть на себя в зеркало.

Присев на край голубенькой ванны, открыла посильнее кран. Вода рванула в раковину, забрызгав лицо.

Да, оказавшись в незнакомом и неприветливом городе, я чрезмерно увлеклась, скажем так, вдруг случившимся здесь дружественным общением. Однако же не безобразничала: не бегала по улицам, хватая за рукава прохожих. И не горланила неприличные песни, растянувшись на клумбе под гостиничными окнами. Вообще, шага не успела ступить у входа в гостиницу, как меня умыкнули. Как будто поджидали заранее. Или в самом деле поджидали?

И что теперь? Да, что? А ничего! Как обычно реагируют мужчины на упреки случайной попутчицы: даже если у нас с тобой что-то было, это ничего не значит. И считают вопрос исчерпанным. Хотя сами

зачастую не готовы услышать подобное от женщины. И если ты отвечала вчерашнему ухажеру, мол, прости, это ничего не значило, он негодовал – как, не значило, когда было то и это! – и другим подробности пересказывал, в доказательство.

Наверное, такое случается, когда заходящее светило вдруг воссияет напоследок радостным блеском над ресторанной терраской, освятив заодно вспыхнувшую на миг золотом окружающую действительность и твоего собеседника. И тот, приподняв бокал, изречет... гигант мысли, бесспорно! И всего остального, конечно, гигант – с огромной шевелящейся тенью. Так что в мгновенно наступившей затем темноте захочется не прислониться даже, а просто побыть рядом, позабыв о пигмеях. А потом порой и вспомнить нечего. Кроме солнца.

Но разве встретившиеся мне прошлой ночью поразили веселым неистовством и счастливым умением доставить радость другому? Или, быть может, запомнились великодушным обхождением – под стать звучащим за гостеприимным столом тостам? Одарили россыпью летучих парадоксов, окрыленных весомостью познания? Нет, не было этого?! Так почему теперь они должны что-то для меня значить?!

В дверь забарабанили. Я встала, выключила воду. Взяла полотенце и наконец подняла глаза к зеркалу. Мы посмотрели друг на друга в упор – я и мое мокрое отражение. И оно вдруг подмигнуло – странно так, скривив лицо, – как братец Дюша, когда впервые подморгнул мне в ответ.

Открыв дверь, я первым делом спросила: «А из-за чего твоя жена устроила скандал?»

Потом мы сидели в кафешке, ели вкуснейшие хачапури. Пили кофе. Хозяин, с которым Леша, войдя, долго здоровался, угостил нас чачей.

– О, спасибо! Я еще не пила здесь чачу, – поблагодарила я.

– Как вам Тбилиси? – поинтересовался он.

– Чудесный город! Я в полном восторге!

Дружески похлопав меня по ушибленному плечу, хозяин удалился, дабы не мешать «нашей приятной беседе».

Я вкратце пересказала свои приключения, опустив излишние подробности. И Леша, умница, не стал вдаваться в детали. Только уточнил: «Ты не хочешь обратиться в милицию? У меня хороший знакомый в городском управлении работает».

– Нет, это невозможно. Что я скажу, что напилась в стельку и меня кто-то уволок от гостиницы? Да я даже лиц в темноте не разглядела! А потом отсюда отправят запрос в мою газету, которая, между прочим, является органом ЦК компартии республики. Нет! Ты помнишь, какой скандал вышел в ВКШ, когда декан поймал меня за чтением книжки на лекции? Едва не исключили!

(Декан, подкравшийся ко мне во время лекции и застукавший за преступным чтением, кажется, «Одного дня Ивана Денисовича», и впрямь грозился исключить из Школы. Спас тогда Сударушкин. Надел ватник и отправился в ЦК ВЛКСМ к наипервейшему секретарю, с которым сошелся в какой-то поездке. После чего из ЦК дали отмашку, порекомендовав ограничиться тем, что я вполне уже осознала всю пагубность своего проступка.

– Точно осознала? – разочарованно переспросил декан.

– Точно-преточно, – я радостно закивала головой).

– Что думаешь делать дальше? – вернул меня на грузинскую землю Леша.

– Мне нужно купить билет на автобус. Расскажи, как добраться до автовокзала.

– Может, лучше тебя проводить – во избежание новых неприятностей?

– Брось! Все будет в порядке! В одну и ту же воронку снаряд дважды не попадает! А тебе на службу надо, – мои слова подтвердил фотокор, прибежавший в кафе с наказом от редактора – немедленно явиться на рабочее место.

– Да, а что с твоим мужем-то стряслось? – уже распрощавшись, вдруг вспомнил Леша.

– В каком смысле?

– Ну, ты вчера так плакала из-за него.

– А-а, это. Дамская истерика. Забудь.

Пообещав себе воздерживаться от публичных драм, я еще пару раз потом срывалась – терпимый в общем-то результат при нынешней непростой жизни. Но всякий раз, как и сейчас, убеждалась, что лучше бы было обойтись без исключений, подтверждающих справедливость установленного правила.

На автовокзале ко мне, как к родной, кинулся уже встречавшийся тип с угрюмой щербатой рожей. «Да что же это такое делается! Порядочным женщинам проходу не дают!», – погромче возвопила я.

– У вас проблемы? – к нам подошел еще один носатый рыжеватый парень.

– Это у вас проблемы! Спокойно пройти нельзя! Вот он уже в который раз пристаёт! И вообще, кажется, меня преследует!

Носатый что-то сказал щербатому на грузинском и тот исчез.

– Спасибо огромное! А то достали уже!

– Чтобы такую красивую девушку кто-то обидел – нехорошо! Слушай, у меня есть немного свободного времени. Хочешь, я тебя подброшу, куда надо, и город заодно покажу.

Я поотнекивалась, но потом согласилась. Для начала Дато, как он представился, растолкав очередь, купил мне на завтра билет. А потом, сунув мимоходом букетик фиалок, покатил на раздолбанной «девятке» по Тбилиси, продемонстрировав традиционный открыточный набор – вот дворец царицы Дариджан, вот храм Метехи, крепость и т.д. Попутно Дато пересказывал исторические легенды, сыпал анекдотами и громко приветствовал встречных: казалось, он знает всех – от продавца цветов до гаишника на площади. Мимоходом разъяснил причины возникших проблем с абхазами.

– Представь, ты из милости временно пустила человека в свою квартиру. Он пожил-пожил, освоился, а потом заявляет, мол, это теперь моя комната, потому что я в ней давно живу.

– Но в Абхазии иначе описывают эту ситуацию.

– Э, не слушай – все врут!

И заодно объяснил также, почему местные мужчины столь неадекватно реагируют на русских женщин.

– Понимаешь, грузинские девушки, они неприступны. За иной тбилисской красавицей ухаживаешь-ухаживаешь, а она ноль внимания. И какой-нибудь таксист, спустившийся из деревни с гор, смотрит на нее да облизывается. А тут приезжают ваши. Русскую женщину в ресторан сводил, шампанского купил – и она на все готова!

Когда мы заехали в кофейню, официант позвал Дато к телефону. «Пора ехать – дела», – объяснил он. Подбросил меня до гостиницы и пообещал проводить на автобус.

Из номера я дозвонилась Кетеван. Она сразу предупредила, что сегодня очень занята и увидеться со мной никак не сможет. Впрочем, не предложила и перенести встречу на следующий день. Вероятно, Леша уже оповестил ее о моем похищении. Я, кстати, и сама хотела смиреннько пересидеть в гостинице этот вечер и хотя бы одну здешнюю ночь провести в постели. Но назавтра, до отхода автобуса, мы вполне могли пересечься где-нибудь возле Дома печати.

Потом и другие знакомцы из братских совреспублик станут ссылаться на чрезвычайную занятость, делающую невозможной нашу встречу. Как Марет, например, когда я позвонила ему, оказавшись в командировке в Таллинне. А Валера Мардарь (в дальнейшем именовавший себя «Валериу»), тот и вовсе, завидев меня, стал переходить на другую сторону улицы или делал вид, что, задумавшись, не замечает никого вокруг.

С Валеркой я впервые попала на хоккей. Кажется, играли ЦСКА с «Ротором». Мы решили болеть за «Ротор» и так кричали, что мужики, сидевшие поблизости на скамейках, начали нехорошо на нас поглядывать. Но Мардарь тут же наплел, что мы журналисты и готовим материал о психологии болельщиков. «Вот вы, например, какие чувства испытываете, когда наблюдаете за матчем?», – порадовал он остроумным вопросом дядьку, беспрестанно хлопавшего себя газетой по колену. Тот сдвинулся по скамейке влево, подальше от нас. Но вместо него прильнул коротко стриженный мордovorот и долго затем растолковывал Валерке свои чувства. «Ротор» проиграл.

В отличие от взрывных южан, Марет поражал пуленепробиваемой невозмутимостью. И способностью сохранять, если и не трезвость ума, то хотя бы вертикальное положение тела, когда остальных тяжкий груз потребленного спиртного буквально валил с ног. Иной раз в комнате у мальчиков дым стоял коромыслом – крик, хохот, звяканье стаканов, гитарные всхлипы – и над всем этим, скрестив руки на груди и рассеянно улыбаясь, непоколебимо возвышался Марет. Хотя тоже прикладывался, конечно, к своему стакану, периодически прикладывался!

Под статью ему по росту в нашей группе был только Фархад из Ташкента. Он даже в тридцатиградусный мороз носил шляпу, хотя я и предлагала ему одолжить вязанную шапочку Дэма. На мой день рождения Фархад оставил в нашей комнате подарок. Войдя, я увидела на кровати что-то большое, серое, в крапинку, как будто в подушку уткнулся носом еж. Это была дыня. Как раз выпадали выходные и родители предложили устроить празднество дома. Дэм отбыл в Мурманск на практику. И мы с Аглаей улетели самолетом (билет до Кишинева тогда стоил 21 рубль – папа пообещал компенсировать расходы). Дочка поглядывала в иллюминатор на облака, поддерживавшие под крылья наш самолет, и поглаживала лежащую на коленях дыню, словно та была живая.

Вообще-то Фархаду нравилась Кетеван. А она, по-моему, вздыхала по Марету, хотя и говорила, что ее никто не интересуется – в Тбилиси ждет жених. В нашей шумной компании она всегда держалась несколько особняком, на расстоянии. И очень мерзла. Мы вместе поехали покупать ей зимнее пальто. Изделия

совпрома висели унылыми рядами, и я подумала, что дело наше безнадежно. Однако же нашли! Такое длинное пальто с большим воротником и хлястиком, болтавшимся сзади едва ли не на уровне колен. Оно было тяжелым, конечно, но зато теплым. И когда тоненькая Кэт бежала в нем на занятия, прикрывая поднятым воротником медальный профиль, то даже стильно смотрелась. В ответ на «Кэт» она придумала называть меня «Ликой». «Ликой» я потом представлялась редко – держала про запас.

Лестница в небеса

В автобус, разумеется, Дато поднялся первым, проигнорировав прочих пассажиров. Поставил мою сумку на сиденье, что-то прокричал водителю и велел присматривать за мной устройшемся по соседству дядечке. «Спасибо тебе! Большое-пребольшое!», – я с чувством погладила кармашек на его рубашке. «Слушай, а почему все-таки ты согласилась со мной покататься?», – небрежно спросил он, однако, наклонившись и заглянув в глаза. «Город хотела посмотреть. А ты почему вызвался экскурсию для меня устроить?», – переспросила я. Он засмеялся. И продиктовал номер своего телефона: «Если возникнут проблемы, когда будешь возвращаться через Тбилиси, звони».

– Экий разбойник! – проворчал сосед. Дато и в самом деле менее всего походил на галерейщика, торговца картинами, каковым отрекомендовался. «А почему вы его зовете Дато? У грузин вроде бы есть имя «Дата». К примеру, роман Амирэджиби о грузинском Робин Гуде называется «Дата Туташиа», – блеснул свойственной советским инженерам начитанностью Алексей Ильич.

Рязанец, он тоже ехал в Армению – восстанавливать коммуникации. С коммуникациями дело обстояло прескверно. Когда мы добрались до гостиницы (автобус опоздал еще больше, чем самолет, и высадили нас не в центре города, как обещали, а на окраине, под горой, и мы потом долго тащились в темноте – Алексей Ильич впереди, а я сзади, уцепившись за его сумку), так вот, когда мы наконец очутились в гостинице, оказалось, что в ней нет ни воды, ни света, ни тепла.

– Почему у вас так темно? – спросила я у полной усатой дежурной.

– Гора упала, – сонно откликнулась она.

– А воды почему нет?

– Гора упала, – повторила та.

– Ну а холодно так почему?

– Я ж говорю, гора упала, – удивилась моей непонятливости дежурная.

Подсвечивая фонариком, Алексей Ильич довел меня до номера. Но поскольку у него еще имелась фляжка водки, а у меня оставалась пачка печенья «Домино», мы употребили уцелевший провиант по назначению. Глотнув раз-другой из фляжки и похрустев печенюшками, решили, что разумнее будет, в этом промозглом склепе, спать вдвоем. Завернулись каждый в свое одеяло и тут же заснули, прижавшись друг к дружке. Я так в джинсах и свитере и спала, да еще «размахайку» сверху набросила. От советского инженера никаких неприятностей не вышло – одна только польза. Утром, высунув голову из-под пальто, я увидела, что изо рта идет пар. Но мой попутчик уже принес в ковшике воды и даже договорился о чае. В подсобке у дежурной была маленькая газовая плитка с баллоном и что-то в ней разладилось, а Алексей Ильич успел починить. Я всегда мечтала именно о таком муже – спокойном, надежном и мастеровитом. Но влюблялась в других. То-то и оно!

Вечером Карен, коллега из районной газеты, сводил меня в гости к своим родственникам, ранее жившим в Турции. Тетушка Армела достала пухлый альбом. На фото из той, прежней, жизни она была молодой, в белом платье с бантом на бедрах, а рядом мужчина в светлом костюме с «бабочкой» держал над нею зонтик. Угощали бастурмой и кизиловой самогонкой. Говорили, что по крепости она – «чистый спирт!». Кизиловой самогонкой я в этой поездке и спасалась, так как везде было очень холодно.

С начальником отряда молдавских строителей Виталием Тамашем мы мотались потом по горам, где между деревьями порой бодро проскакивали поджарые, поросшие шерстью свиньи – не дикие, как объяснили, а домашние, они паслись сами по себе, самостоятельно. А когда приходило время, из них делали, к примеру, отличные шашлыки. Шашлыками нас угощали местные начальники. Они озвучивали, один за другим, возвышенные тосты, а Тамаш дергался, потому что дело продвигалось медленно, несмотря на успешно налаженные личные контакты. Например, чрезвычайно трудно было добиться, чтобы присланные из центра стройматериалы вовремя доставили на конкретный объект. И чтобы к назначенному сроку там

собрались местные рабочие в оговоренном составе. «Всегда оказывается, что либо материалов еще (или уже) нет, либо строителей!», – сердито цедил Тамаш, сминая сигарету в серебристой пепельнице-«рыбке».

Пепельницу ему сунула в чемодан жена. Вместе с термосом, домашними бахилами и большим овчинным жилетом. И даже томик любимых Стругацких положила.

– Я понимаю, конечно, дружба народов, интернациональная солидарность и все такое. Ну, понаехали мы сюда на подмогу со всей страны, так и давайте, ребята, все вместе, дружно впряжемся, раз такая беда случилась! А хозяйева как будто хотят переждать в сторонке, пока тут для них все построят!

– Но мне отец рассказывал, что армяне очень трудолюбивый народ.

– Конечно. Очень! Иной здешний крестьянин расчистит на горе площадку, снизу земли на себе натаскает и потом небывалые урожаи на своем поднебесном огорожке выращивает. А у нас все затор за затором! Хотя сроки сдачи объектов сверху спущены. Да и домой, естественно, хочется! – он махнул рукой. И спохватился: «Но об этом не нужно писать».

По национальности Тамаш был чех и родился в чешском селе Голубое, что на юге Молдавии. О его отце, директоре сельской школы, о котором я ранее писала, приехавшие из Кишинева практикантки рассказывали исключительно в восторженных тонах. Он также сминал сигареты в пепельнице, которую держал в руке. И когда ты задавала вопрос, переспрашивал, слегка наклоняя голову: «Пожалуйста?» А после того как СССР развалили и все принялись драть на себе косоворотки, стена про империю, превращенную тоталитарным режимом во всеобщий лагерь, Тамаш-старший очень переживал, ведь он всю свою жизнь увлеченно преподавал совсем другую, получалось, историю.

С группой спасателей, которые прилетели сюда сразу после землетрясения, мы съездили в разрушенный Лениканан, где дома топорщились разбросанными книжками с разодранными картинками. У одного здания с уцелевшими лестничными пролетами Юра с Витей заспорили – не отсюда ли они вытаскивали намертво вцепившуюся в перила жену Самвела? И тут, как в кино, рядом возник Самвел. Все радостно зашумели-захлопали друг друга по плечам. Год прошел! Какая встреча!

Самвел позвал в стоявший рядом вагончик. Под кизилковую самогонку вспоминали, как хозяин, крепко держа за руки обоих сыновей, в тапках выбежал из обрушившегося следом подъезда. А Лиана, жена, попытавшись хоть что-то ценное с собой прихватить, замешкалась. И когда все затряслось и посыпалось, она так и застыла на лестнице, держась за перила и сжимая под мышкой это «что-то», оказавшееся мохеровой кофтой, которую муж подарил недавно на день рождения.

– Когда мы на улицу выскочили и дом обрушился, я подумал – все, нет моей Лианы! Но пыль немного осела, и я вдруг увидел – стоит жена на ступеньках – а они в небо ведут! И потом ее, едва живую уже, спасатели оттуда сняли. За вас, ребята. Дай вам всем Бог здоровья!

Рассказывали также, как спасатели, уже освоившись в развалинах, по спецзаказу, за водку, затем вновь поднимались «на этаж» за уцелевшими остатками имущества. И сыновья тоже лазили. И даже документы почти все нашлись!

– Нам очень-очень повезло! – сказала Лиана. И мы опять выпили, разумеется. Чтоб вся семья в живых осталась – так мало кому повезло! Еще хозяйева говорили, что землетрясение, конечно, было в 9-10 баллов, оттого всё враз и рухнуло. А в Москве почему-то этого признать не хотят, с обидой заметил Самвел. Спасатели выслушали его с вежливыми лицами. И все опять выпили – за тех, кому не повезло.

– Да будет земля им пухом! – помотал головой Самвел. – Лиана-то не местная, из другого района, а у меня многих из родни поубивало.

На обратном пути я спросила, что это за история с заниженными баллами? «Так они говорят! И в самом деле вышло, что их дома, которые, между прочим, в этой зоне полагалось строить как сейсмостойкие, когда трянуло, все враз обрушились. Мы потом смотрели: иные стены пальцем проткнуть можно было и вместо цемента – песок. Воровали строители!», – поморщился Юра. – Только ты об этом лучше не пиши.

Но я все-таки написала, постаравшись, правда, найти такие формулировки, чтобы не поставить под сомнение значимость дружбы народов и интернациональной взаимопомощи, да и героев своих не подставить. В том, что материал напечатают, уверена не была. Но его опубликовали и даже отметили на редакционной «летучке». Кстати, редактор, когда подписывал командировку в Армению, передал презенты для своего однокашника из ВПШ (Высшей партшколы), «рулившего» в Ереване республиканской партийной газетой. Выпущенные молдавским издательством, дефицитные по тем временам эти книги (Булгаков, Платонов, кто-то еще), я долго таскала с собой, перемещаясь с Тамашем по горам, пока не догадалась оставить их в багажнике его машины под гарантию шофера Коли.

– Смотри, чтоб не пропали. А то редактор мне голову оторвет! – предупредила я.

Ереван в пол-накала

Если б не книжки, я, может быть, уже и не поехала бы в Ереван, в котором пару лет назад побывала с подружками.

Обе они были блондинками: Ира посветлее, Света потемнее. И водители ереванских автобусов отказывались брать с нас деньги за проезд. А в ресторан при гостинице мы вскоре перестали ходить, потому что хозяин все норовил угостить нас, не беря платы. Ира забыла купальник и в Севане купалась в длинной голубой футболке. А вода в этом озере фантастического бирюзового цвета. И когда Ирка, облепленная тонкой голубой тканью, вышагивала из сияющей на солнце бирюзы, Левон даже бухнулся на колени, воздев руки к небу, ниспославшему нам такую красоту! К слову, и от армян, и от грузин я слышала, что их предки были светловолосыми и голубоглазыми. И в этом же меня затем убеждал типичной кавказской внешности азербайджанец.

Сев в очередной автобус на Ереван, уже и не надеясь, что он придет в назначенное время, я покатила все же в столицу, прихватив редакторский презент. Левон, с которым мы созвонились накануне, обрадовался: «Еще не все потеряно!» Компания давно была в сборе. Старые знакомые – Ашот, Армен и кто-то еще.

В прошлый наш приезд Ашот, пообещавший устроить для «девочек из Молдавии» вечер армянской кухни, позвал всех в гости на долму. А это оказались родные молдавские голубцы. Вот здешний коньяк был вне конкуренции! Сколько-то его употребив, подружки растянулись рядышком на диване. У Светы с подлокотника свешивались ноги в беленьких носочках. А я осталась сидеть с Ашотом (другие выбывшие из строя бойцы тоже спали, в соседней комнате). Почему-то мне втемяшилось в голову, что я непременно должна обеспечить представительство русских женщин за этим замечательным армяно-молдавскими столом. Позднее Ашотик, страшно вращая глазами, признался: «Я, кажется, никогда еще столько не пил!» Когда наконец под заключительный тост мы сумели достойно завершить наше бдение, я с разбегу нырнула к девчонкам на диван под теплый Ирин бок.

Как раз перед поездкой Ира вышла замуж. Ее муж Боря не смог оставить свой рабочий пост и каждое утро присылал из Кишинева в Ереван телеграммы: «Дорогая! Пятый день нашего медового месяца прошел нормально. Выпил пива со Стариком».

Ашот уже в который раз пересказывал все это, и Левон смеялся. Он как-то по-особенному смеялся, как в мультиках, звонкой россыпью – Чудный бы точно изобразил на своих тарелках. Я еще девчонкам по дороге в Ереван обещала: «Познакомлю вас с Левоном. Он потрясающе смеется!» Потом меня спросили про Лениканан. Упомянули о заниженных Москвой баллах. И, разумеется, заговорили о Карабахе. И Левон, наш веселый дружелюбный Левон, вдруг звонко прокричал: «Проклятые турки! Ненавижу их!». Стукнул рукой по столу, стопки посыпались, одна разбилась. Поднимая осколки, он порезался и вновь выкрикнул, размахивая окровавленной рукой: «Проклятые турки!» В Карабахе у него убили сестру. Она влюбилась в карабахца, и хотя родители отговаривали, вышла за него замуж и уехала. И ее убили.

Утром я долго брэнчала ключами у двери своего гостиничного номера, пока ее не помог открыть сосед. Он приехал из Львова месяца два назад, в составе сборной следственной бригады, расследовавшей вроде бы именно карабахское дело. Впрочем, чем конкретно он здесь занимается, Олег не уточнил. И очень-очень просил на вечер ничего не планировать, поскольку непременно будет ждать меня на чай с тортом.

Днем доставила редакторскую посылку адресату.

– Спасибо! Что это? Булгаков и Платонов? О, отличный подарок, – коллега главреда вежливо пошлестел страницами. Затем, привычно заложив пальцем книгу, посмотрел в окно. Довольно долго смотрел. Наконец, громко захлопнув томик, задумчиво побарабанил пальцами по корешку. И что означала эта сцена? Что сегодня уже не до книжек? Но, нет, по завершении аудиенции мне был вручен толстенный каталог картин современных армянских художников – в качестве «алаверды» моему главреду. Похожий альбом, только не такой увесистый, мне уже подарил Левон – на память о совместном посещении здешнего музея современного искусства.

Утратив надежду на облегчение ноши, в знакомом магазинчике я купила еще парочку джезв для кофе в подарок и одну кофемолку, такую, знаете, ручную (сидишь себе вечером в приятной компании и мелешь-мелешь, неспешно вращая ручку). В прошлый приезд я не успела за ней заскочить. Хотя, наверное, во всяком обнаруженном тобою новом симпатичном месте неплохо оставить не купленной какую-нибудь вещицу, чтобы потом за ней вернуться. В одном болгарском городке на черноморском побережье, к примеру, меня дожидается сейчас маленький темного дерева сундучок.

В гостинице я смогла принять душ и даже вымыть наконец голову – с коммуникациями здесь пока был порядок. Разве что лампочки горели в полнакала. Как и сам Ереван, который, казалось, уже не так сиял, как прежде, утратив былую праздничную безмятежность. Хотя, возможно, меня просто заклинило?!

Соседа Олега еще не было. И я отправилась в расположенный под крышей гостиничный ресторанчик, в который пришлось добираться путанными полутемными коридорами. Дорогу показал Артур, севший затем за мой столик на правах старого знакомого. Смуглый, невысокий, крепко сбитый – еще один торговец картинами?

– Нет, вино пить не буду – мне завтра рано утром уезжать. А вы надолго тут остановились? – поинтересовалась я.

– Я здесь живу.

– Понятно, вы остановились в этой гостинице надолго?

– Я здесь живу, – повторил он. – Мы из Карабаха. И пока живем здесь, ждем визы, чтобы выехать за границу. Я не хочу. Но что делать? – он все-таки заказал вино.

– Вы выезжаете с семьей?

– Все уезжают: и родители, и братья, моя жена и сын. Хотя кому мы там будем нужны?!

Вино оказалось тягучим и сладким. Молдавские виноделы называют такое «сиропом».

– А почему у тебя только одна серьга в ухе? – вдруг спросил он.

– Так, попала в неприятную историю в Тбилиси.

– Ну да, сейчас у всех неприятности! И каждый вынужден защищать себя сам.

– А милиция?

– А что милиция?! – он махнул рукой. И в ней каким-то образом появился нож, из которого мягко выплыло посверкивающее лезвие, как диск из DVD. Впрочем, вру. Никаких дисков с DVD тогда еще не было!

– Здорово! Какой ножичек! Продай! Мне он может понадобиться.

– И выйдет еще одна неприятная история? Нет, не проси. Самому нужен.

Артур попросил еще вина. Но официантка сердито ответила, что заведение закрывается, да и ему давно пора вернуться в семью.

Так и сказала – «вернуться в семью». На русском. То есть в первую очередь для меня. Он отмахнулся: «Ты же знаешь, они все уехали в Москву, договариваться насчет виз. Ладно, дай еще одну бутылку и мы пойдем».

Дойдя до номера, я пожелала Артуру всяческих удач. Но не успела раздеться, как в дверь постучали.

– Я подарю тебе этот нож. Только дай за него хотя бы один рубль, – прошел в номер Артур.

– Рубль? Хорошо. Но зачем?

– Ножи нельзя дарить, разве не знаешь? Слушай, можно я у тебя еще немного посижу? Вино есть.

Разумнее было бы, конечно, его отправить, но человек подарил такой нож!

– Только недолго и без глупостей, – предупредила я.

– Да ладно! У меня жена молодая! Поговорим, и я пойду.

Он налил вино в два стакана, стоявших рядом с графином на тумбочке. Опять постучали. Я выглянула. Это был Олег.

– Прости. Задержался на выезде. Думал, ты уже спишь. Но свет горит. Пошли ко мне, я купил торт, – прокурор потянул меня за руку. А за спиной молчал Артур и на столе лежал нож.

– Сейчас приду. Подожди меня в номере.

Артур развеселился: «Ты сходи, конечно. А я пока винца попью, телевизор погляжу, альбомы полистаю». И ткнул пальцем в лежавший рядом каталог с образцами творчества соплеменников.

Олег уже разлил вино и чай и нарезал крупными кусками торт. Он улыбался, но серые глаза глядели устало и сумеречно. Я не вижу в темноте – «куриная слепота», знаете ли. И начинаю терять ориентацию в пространстве именно в сумерках, среди вязких и смутных предметов.

– Что, веселая выдалась командировка?

– Веселая! – выдохнул он и махом опрокинул в рот вино, как водку. – Такое ощущение, словно землетрясение не закончилось, а только набирает обороты.

Я погладила его по затылку. Коротко стриженные светлые волосы мягко пружинили. И сам он был весь такой ладный и готовый спружинить в любую секунду! Олег поцеловал мою руку у запястья и попросил: «Останься, пожалуйста, останься». Притянул к себе – его била дрожь. А это заразная штука! Вот так замрете на минуту, прижавшись друг к другу – и уже обоих заколотит в пароксизме.., да, в пароксизме чего? Я и сама хотела б остаться! И уж тогда постаралась бы, чтобы мы, забывшись, о чем-нибудь да и позабыли бы, вспоминая потом уже как пережитое! И в ушах хотя бы перестал звучать звонкий выкрик Левона – «Проклятые турки!»

Но в номере меня ожидал Артур и не было уверенности, что он чего-нибудь не выкинет.

– Прости! Ты мне очень нравишься! Очень! Но я не в форме сегодня, понимаешь. Прости! Мне надо идти. Я уезжаю завтра рано утром.

Расцеловала его в глаза, в нос и губы и вышла.

Телевизор работал. А Артур на кровати спал. Мои попытки тихонечко его разбудить он проигнорировал, повернувшись на бок и натянув на голову одеяло. Пришлось пристроиться рядом «валетиком» и, поднапрягшись, отвоевать себе кусок одеяла.

В этой поездке я весьма увлекательно проводила время с мужчинами! Нас разбудил звонок «походного» будильника – маленького и голосистого. Мои ноги пригрелись у Артура под мышкой. Он погладил пятку: «Извини, я, кажется, заснул. Ладно, я незаметно выйду и подожду тебя у входа. Посажу на такси».

Но незаметно не получилось. Когда мы вышли, в коридоре раскричалась уборщица: «Ты что тут делаешь?! Вот я твоей жене расскажу!» И уже мне, опять застрявшей с замком: «Как не стыдно водить к себе чужих мужей! Безобразие какое!». На шум выглянул Олег.

– Ты хотел записать мой номер телефона? Давай продиктуй, – я постаралась заглушить вопли уборщицы и прикрикнула даже – ну давай же!

Олег глянул на меня вмиг похолодевшими глазами и что-то чиркнул в блокноте. «Пока!», – бросила я, отступив по коридору под несмолкаемый бранный аккомпанемент техперсонала.

В моей жизни случались мужчины, которым я напрасно сказала «да», о чем они потом не позволяли забыть окружающим. Но бывало и так, что я сожалела об отказе. С Олегом мы совпали в потрясении от сотрясения незыблемых ранее основ. А переспала б с ним тогда, и, кто знает, оказалось бы впоследствии во Львове одним недоброжелателем «москалей» меньше. Хотя это вряд ли! Веселую версию о том, что Союз можно было бы спасти стараниями блудниц из летучих батальонов «черных колготок», придется исключить. Но, кстати, если катаклизмы последних лет проанализировать с гендерной точки зрения, неизбежно придешь к выводу о разрушительной безответственности пребывавших на ответственных постах мужчин. Тогда как женщины, скажем, никогда б не понадеялись на то, что смогут благополучно переждать в собственных суверенных квартирах ими же устроенный пожар в большом общем доме

Русская месь

В автобусе, неспешно трусившем на сей раз в грузинскую столицу, я размышляла о том, что мое тбилиское похищение не мог организовать ночной попутчик Нико, или как там его на самом деле звали! Ведь ему, также сраженному моим имечком, я поведала по дороге и про сербскую царевну, и про бабушку-дворянку. И он, разумеется, не назвал бы меня «Милицией», как тот – любитель минета.

А, скажем, Дато с ряборожим могли проследить за мной, чтобы при первом удобном случае засунуть в машину. Далее же, узнав, что я журналист, они, вероятно, решили подстраховаться. После чего Дато объявился на автовокзале в образе благородного рыцаря и повсюду разъезжал со мной, всячески демонстрируя наши дружественные отношения.

Насторожил его прощальный вопрос (мол, почему я согласилась с ним покататься), ответ на который, при всей нарочитой небрежности тона, был для Дато важен. И еще – запах. Когда на школьных вечеринках выключали свет – а как же иначе! – мальчиков, приглашавших меня танцевать, я обычно сразу узнавала по запаху. А у Дато, похоже, был тот же дезодорант, что и у «минетчика».

Я решила перед отлетом в Кишинев постараться встретиться с ним и все выяснить. И если мои подзрения подтвердятся – хорошенько потрясти перед его большим носом Артуровым ножом, чтобы в следующий раз подумал, прежде чем на русскую-то бабу нападать. Такой вот возник героический замысел.

В тбилиском аэропорту, слегка ошавев уже от толчеи и гулко-многоголосья, я топталась возле спасателя Вити (Юра сгинул в толпе у кассы), когда к нам, рассекая волны, ледоколом подрулил Дато.

– Что, опять проблемы?

– С билетами полная ерунда!

Он вопросительно глянул на Витю.

– Это спасатель из молдавского строительного отряда – Витя. Они с Юрой приехали сюда сразу после землетрясения. А сейчас тоже возвращаются в Кишинев.

– Спасать людей – благородное дело, – Дато потер заросший к вечеру подбородок. – Ладно, попробую и я вас спасти.

В этот раз он не стал протаранивать очередь, тихо куда-то исчез, потом вернулся (к тому времени к нам присоединился обескураженный безуспешным штурмом кассы Юра) и сообщил: «Когда объявят посадку в самолет, скажете, что вы от Гогии, и вас пропустят. Там у кабины летчиков еще свободные сиденья остались».

– Гогия – это кто? – напряглась я.

– Какая разница! Главное, вы улетите. Да, время еще есть. Пойдем, Милица, я тебя на прощанье покатаю.

Теперь наступил мой черед. Когда мы сели в машину, я пылко воскликнула: «Ты так нас выручил! И вообще, очень-очень мне здесь помог! Не знаю, прямо, как и отблагодарить!»

– Есть какие-то предложения? Как насчет сеанса хорошего минета?

– Ну-у, не знаю даже, – неуверенно протянула я, осознавая, что существует только один способ поверить – случайным или не случайным оказалось это предложение.

– Лично я к хорошему минету отношусь исключительно положительно, – весело продолжил он. Развернулся посреди дороги и влетел в какую-то подворотню, проскочив мимо детской песочницы и гаражей в самый дальний угол, в кусты, впрочем, не особенно таясь. В темноте было совершенно невозможно «на глазок» определить подлинность предъявленного для опознания достоинства. «Ну, что же ты? Самолет улетит», – поторопил Дато.

И я вспомнила свою неудавшуюся статью об элитных кишиневских проститутках, которую попробовала написать на волне перестроечного увлечения «интердевочками». Встречу с ними организовал знаковый ресторанный барабанщик. Девушек было две. Ухоженные, дорого и со вкусом одетые, они сидели за столиком, чинно сложив руки, и так же чинно отвечали на мои дурацкие вопросы. Да, у них много мужчин. Но это же лучше, чем если б их не было вовсе, заметила зеленоглазая «ночная бабочка», томно хлопая крыльями ресниц. (Последние, естественно, были аккуратно покрашены дефицитной французской тушью, а не общераспространенной советской, что за рубль продавалась в черной картонной коробочке, в которую сначала следовало поплевать, а затем старательно нанести содержимое щеточкой на ресницы, не допуская образования комочков – увы, напрасные хлопоты!)

И, между прочим, они свои деньги честно отработывают. А потому им хватает, например, на приличные шмотки и косметику. Ведь всякая женщины мечтает хорошо выглядеть, не так ли? Тут был брошен выразительный взгляд на мою огромную потрепанную рыжую сумку, в которой я чего только не таскала! Замуж? Когда-нибудь, когда им наскучит нынешняя жизнь, то почему бы и не обрести тихую гавань с достойным партнером. Да, разумеется, представительницы древнейшей профессии делятся по ранжиру, в зависимости от внешности, статуса и уровня профессионализма. «Элементарный минет тоже можно по-разному исполнить – я в этом случае всегда представляю очень вкусное сладкое эскимо. А вы любите сладкое?», – откровенно забавлялась «жрица любви».

Статья в итоге вышла какая-то растрепанная и растерянная. Мне не хватило тогда самодисциплины, иронии. И понимания того, что при всех своих роскошных аксессуарах эти дамы были лишены главного – возможности выбора (это мне потом уже разъяснил демократически подкованный Сударушкин). По жизни же порой попадают такие уроды, что никакое мороженое не спасет!

Но, кстати, об эскимо. «Взвесив» в руке изучаемый предмет, я последовала советам зеленоглазой. Там, на косогоре, мне было не до примерок, но здесь, пожалуй, я имела дело с иными размерами, все более увеличивавшимися к тому же, по мере приближения финала. Дато застонал. Деловито застегнулся. И, выпятив полную нижнюю губу, изрек:

– Ты не умеешь делать качественный минет.

– Я же говорила, что не умею! Тогда, в первый раз.

– В какой первый раз? В прошлый приезд ты вообще подобных разговоров не заводила! – удивился он. Поглядел на меня, хлопнул по уже отболевшему плечу и великодушно добавил: – Ладно, не расстраивайся, приедешь еще в Тбилиси, и я тебя всему научу как следует!

И расхохотался.

– Точно не он, – подытожила я. И тоже расхохоталась. И продолжала смеяться до тех пор, пока мы не взлетели. Я так и прошла контроль, смеясь, напрочь позабыв про лежавший в сумке нож. Да на прощанье лишь успела спросила у Дато, каким он пользуется дезодорантом?

– А черт его знает! Названия не помню. Сказали, что сейчас это самый крутой. А что?

В самолете я, наверное, и распрощалась и со своим мужем, и с Советским Союзом. То есть СССР, конечно, еще существовал, но, как заметил в Ереване львовский прокурор, «землетрясение набирало обороты». Да и супруг еще в моей жизни присутствовал и встречал меня в аэропорту. Разумеется, он не нес ответственности за то, что в Тбилиси я напилась, вдруг распереживавшись из-за семейных наших обстоятельств, и далее последовало то, что последовало. Но человеку ведь всегда проще переложить свою вину на другого. Возвращаясь в Кишинев, я решила: чтобы не выглядеть виновной в развале семьи перед Глашкой, сама инициировать развод не буду, однако, предоставлю Дэму полную свободу ухода.

Продолжение следует.

Сергей РАКИТЯНСКИЙ

Родился 31 марта 1956 года в г. Омске. С 1973 по 1978 год учился на физфаке Ташкентского университета. С 1978 по 1997-й жил и работал под Москвой: г. Дубна, Объединенный Институт Ядерных Исследований. В 1997 году эмигрировал в ЮАР. В настоящее время профессор физики Университета Претории.

Летучий Голландец

Рассказ

В давние детские годы над столом, за которым я делал уроки, висела географическая карта. Там был весь мир – от края и до края. Задумавшись над какой-нибудь задачкой, я бродил взглядом по далеким континентам, неприступным горным вершинам и безжизненным пустыням. И не такими уж недостижимыми казались они мне тогда: вот – стоит только руку протянуть...

Однажды учительница географии рассказала нам, как в студенческие годы побывала в Кейптауне, у Мыса Доброй Надежды. Ей посчастливилось оказаться в составе какой-то экспедиции на теплоходе, который шел вокруг Африки. Она так интересно говорила, что я потом долго не мог забыть этот рассказ: синий океан, жаркое солнце, скалистые утесы, возвышающиеся над морем... и дома, спускающиеся с окрестных гор к самой воде, словно усталое стадо на водопой.

После этого урока мысленные путешествия по карте стали чаще приводить мой взгляд к южной оконечности Африки – туда, где сходятся два океана. Мне казалось, такое место не может быть обыкновенным. Что-то сказочное, таинственное должно было непременно быть связано с линией, где сливаются столь разные водные стихии. Мыс Доброй Надежды и впрямь окутан легендами – ведь именно здесь затонул бриг капитана Хендрика Ван дер Декена, ставший вечным морским скитальцем, призраком по имени «Летучий Голландец», встречи с которым моряки боятся и по сей день.

Так родилась моя мечта – мечта о том удивительном и загадочном месте, где один океан соединяется с другим, где море уходит за горизонт, за которым уже нет ничего, где находится тот самый край света. Эта мечта была столь же необычна, как и ее предмет. Ну конечно – я был бы счастлив оказаться там – на краю света, но не это было главным. Я вовсе не строил планов, которые можно было бы осуществить. Пожалуй, это была даже не мечта, а фантазии, грёзы. Перед мысленным взором моим возникали картины из прочитанных книг, дополненные и дорисованные воображением.

...Соленый ветер, свистящий в потрепанных снастях, бросает ледяные брызги в изможденное лицо капитана. Он сделал уже семь попыток обогнуть этот проклятый мыс, но все они были тщетными. Каждый раз казалось, что всё – еще несколько галсов, и самое страшное останется позади. Но ветер снова рвал паруса, огромные волны грозили перевернуть бриг, и опять приходилось поворачивать назад. Недаром этот мыс прозван Мысом Бурь.

Хватаясь обеими руками за поручни, на мостик поднялся старший помощник. Полы насквозь мокрого суконного плаща, в который он кутался, неистово трепал ветер. Сгорбленный, словно глубокий старик, с дрожащими от болезни губами стоял он перед своим капитаном.

– Хенрик... Господин капитан, в трюме течь, грот-мачта дала трещину...

– Заделать! – резко оборвал его капитан, кинув взгляд, полный жалости и презрения.

Помощник поднял было глаза, но тут же опустил их, встретившись с холодным, отрешенным взглядом капитана.

– Капитан, команда ненадежна. Могут взбунтоваться.

– Что?! Зачинщиков – повесить! Нет, лучше за борт их, за борт, туда – к дьяволу! – он махнул рукой в сторону правого борта. Бриг подняло на гребень волны и швырнуло вниз, как в бездонную пропасть. Налетевший вал прокатился по палубе, смывая в пучину все, что плохо держалось. Когда вода схлынула, капитан схватил и сжал в кулак ворот плаща своего помощника. Притянув его лицо к себе, он несколько мгновений смотрел на помощника в упор. Огонь безумия светился в глазах капитана.

– У меня на борту пряности и шелк. Я поклялся доставить их в срок. Я – капитан Ван дер Декен, который слов на ветер не бросает. Я – капитан Ван дер Декен, который никогда не отступал и не отступит. Я обогну этот чертов мыс, чего бы мне это ни стоило! – он разжал кулак, и помощник, не удержав равновесия, рухнул к его ногам.

– Будь я проклят! Я все равно пройду в Атлантику, даже если придется для этого отдать душу дьяволу, – гневно продолжил капитан и с вызовом бросил взгляд вверх. – Даже если придется ходить тут до Второго Пришествия!

Будто услышав эти его слова, небо раскололось чудовищным раскатом грома. Три молнии сверкнули одновременно. И вдруг наступила тишина. Казалось – даже ветер стих. Посмотрев на помощника, который стоял на коленях, пытаясь подняться, капитан увидел на лице его ужас. Дрожащей рукой он показывал за спину капитана и пытался что-то сказать, но губы его сковала гримаса страха. Обернувшись, капитан замер. Почти беззвучно на них надвигалась волна таких размеров, что рядом с ней бриг выглядел скорлупкой расколотого ореха. Не в силах произнести даже проклятия, капитан Ван дер Декен, как зачарованный, не отрывал глаз от неумолимо приближавшейся водяной горы, пока она не поглотила его вместе с кораблем...

Сгинув в пучине у Мыса Бурь, как в ту пору именовался Мыс Доброй Надежды, непокорный бриг вернулся легендарным призраком, наводящим ужас на моряков. Страшные проклятия и самоуверенная гордыня капитана обрекли его корабль на вечные скитания по морям и океанам. Чаще всего он бывал замечен все там же – вблизи зловещего Мыса Бурь. И горе тому, кто его увидит! Редко кому удавалось уцелеть после такой встречи. Одним из таких «счастливых» был юный гардемарин принц Георг – будущий король Британской империи. Наверное, он остался жив лишь потому, что не первым заметил «Голландца». А вот вперёдсмотрящему и вахтенному офицеру, оповестившему всех о приближении загадочного брига, избежать печальной участи не удалось. Матрос погиб на следующий день, сорвавшись с мачты, а офицер вскоре заболел и умер.

Говорят, «Летучий Голландец» обычно появляется из тумана. Он идет против ветра – весь черный, озаренный багрово-красным свечением. Несчастные, видевшие его, могли разглядеть все снасти и мелкие предметы на палубе. Словно зачарованные, они не могли оторвать взгляда от корабля, на котором не было людей.

Считается, что встречи с этим вестником смерти происходят не случайно. Он посылается тому, чья душа запятнана гордыней и тщеславием, кто готов идти к своей цели напролом, готов жертвовать не только собой, но и другими, ради исполнения своих желаний.

Тогда, в далеком детстве, зародившаяся в моей душе мечта о таинственном Мысе Бурь была наивной, но по-детски настоящей. Взрослые не умеют так верить ни в сказки, ни в легенды, ни в то, что даже самое невероятное может когда-нибудь осуществиться. Не отягощенный житейским опытом, я не видел препятствий к тому, чтобы в будущем попасть туда – на край света. Вот ведь он здесь – на нашей земле, а не на другой планете. Можно и расстояние измерить – а оно даже чуть меньше, чем протяженность нашей страны с запада на восток.

С годами я понял, как в действительности далеки от моего сибирского города были все эти горы и острова, по которым я путешествовал, глядя на карту. И дело было даже не в расстоянии, а в той атмосфере, в которой мы тогда жили. Каждый из нас ехал по своим рельсам – кто в мягком вагоне курьерского поезда, кто в купе или плацкарте, а большинство, к которому принадлежал и я, тряслось в «теплушках» товарняка. Вся жизнь была расписана наперед, словно на табло железнодорожного вокзала. К тому времени у меня возникла уверенность, например, в том, что у меня никогда не будет машины, не будет дома с садом и, конечно же, в том, что я никогда не побываю за границей. Но мечта о Мысе Доброй Надежды все равно не умерла. Просто из разряда наивных и настоящих она перешла в категорию неосуществимых фантазий.

Впрочем, это было, наверное, правильно. Ведь нельзя, чтобы мечта становилась всепоглощающей страстью, осуществить которую ты стремишься во что бы то ни стало, как делал это капитан «Летучего Голландца». Однажды в автобусе я случайно услышал разговор двух пассажиров. Один рассказывал

другому о своем соседе, который мечтал купить машину. Это было в те советские времена, когда автомобиль был «не роскошью, а средством передвижения». Так вот: он вместе с семьей несколько лет сидел на хлебе и воде, скопил необходимую сумму и наконец осуществил свою мечту. Гаража у него еще не было, поэтому он оставил машину под окном. Несколько раз среди ночи он просыпался и выглядывал в окно – любовался своим сокровищем. Проснувшись утром, он первым делом бросился к окну. Каков же был его ужас – машины на месте не было. Ее так и не нашли. Более того: он еще не успел даже оформить документы на нее, не говоря уж о страховке. После этого трагического случая жизнь его надломилась. Он перестал разговаривать с людьми, сделался рассеянным, ходил словно призрак – совсем как «Летучий Голландец».

Я предавался грёзам, которые согревали душу в минуты печали или отчаяния, и искал «добрую надежду» в мечтах о месте, ставшем недосыгаемо далеким. Вопреки всякой логике, где-то глубоко, глубоко в душе все же теплилась мысль, что я там когда-нибудь побываю. С возрастом эта надежда постепенно угасала. После тридцати пришло ощущение, что многое для меня теперь уже поздно, что выбор жизненной колеи сделан и с нее не свернуть: не поменять профессию, не уехать в другой город, не попасть в морскую экспедицию... Теперь, с высоты моих нынешних лет, я могу только улыбнуться наивности подобных переживаний молодого человека, но тогда всё это меня по-настоящему печалило. С каждым следующим днем рождения моя мечта становилась все более призрачной.

Потом, когда пришла «свобода», все далекие моря и острова стали как будто ближе. Во всяком случае, исчезли многие барьеры, доселе отгораживавшие нас от всего остального мира. Свобода эта, однако, оказалась условной: путь открыт, но рельсы, по которым мы ехали, вдруг кончились. Простому научному сотруднику, каким был я, недоставало денег даже на то, чтобы съездить в соседний город, не говоря уже о дальних странах. С моим мечтательным характером я не имел ни желания, ни сил вливаться в армию деловых людей, которые прокладывали свои собственные рельсы. Поэтому я смирился с призрачностью и нереальностью своей мечты о далеком Мысе Бурь, где два океана, сливаясь, омывают край света.

Смирение – это, наверное, как раз то, что от нас требуется, чтобы сокровенные благие желания наши осуществлялись. Случилось так, что по научной работе я пересекся с коллегами из Претории, которые пригласили меня с визитом в свой университет. После нескольких таких поездок мне предложили постоянную работу в этом университете. И вот я оказался там – почти на краю света. От Претории до Мыса Доброй Надежды довольно далеко – более тысячи километров, но это расстояние вполне осязаемо и преодолимо. Моя мечта вновь стала настоящей и реальной, как в детстве.

Смирению приняв свою судьбу, я получил то, что до этого представлялось невозможным, да и необъяснимым: вдруг оказался за границей, жил в доме с садом и ездил на собственной машине. Мысли о том месте, где сходятся два океана, конечно же, стали посещать меня чаще. Но прошло еще десять лет, прежде чем я наконец побывал там. За эти десять лет я даже несколько раз ездил по делам в Кейптаун, но до Мыса Доброй Надежды, который южнее города на шестьдесят километров, так и не добрался. Этот таинственный мыс отступал от меня, как линия горизонта: кажется, вот-вот за пригорком откроется море, но там опять лишь бегущие вдаль холмы.

Возможно, это было десятилетнее испытание моему смирению. Прошел я его, наверное, успешно, потому что поездка на отдых в Кейптаун, когда мы с семьей наконец смогли себе это позволить, оказалась просто чудесной. Нам везде сопутствовала удача: и с людьми, которые там встречались, и с погодой. Из всего, что есть замечательного в этом удивительном городе и вокруг него, мне, конечно же, больше всего хотелось увидеть Мыс. Но я смирил свое желание еще на три дня. Сделано это было не намеренно – просто так сложились обстоятельства.

И вот этот день настал. Мы ехали на юг по восточному берегу полуострова. По пути заезжали в маленькие городки, о которых я когда-то читал в одном из романов Агаты Кристи; видели колонию пингвинов, мирно соседствующих с военно-морской базой, и еще много чего интересного и удивительного. Километров за двадцать до своей южной оконечности полуостров заметно преобразился. Территория эта заповедная – жилья там нет, да и выглядит она, как тундра. Виной тому суровые ветра, дующие здесь, у Мыса Бурь, большую часть года. Поразительно, но словно специально для нас ветра в тот день не было вовсе, а с безоблачного синего неба ослепительно светило солнце.

В душе моей творилось что-то необъяснимое. Я ли это? Может быть, всё вокруг – просто сон? И в то же время я был совершенно спокоен, как будто ехал на дачу под Москвой. Даже не возникало желания надавить педаль газа, чтобы поскорее оказаться там, куда мечтал попасть столько лет. А может быть, я подсознательно боялся попасть туда и оттягивал время? Там ведь мечта моя осуществится, перестанет быть мечтой и просто исчезнет!

Так или иначе, но мы свернули с дороги и заехали к двум каменным крестам, которые поставлены в память о мореплавателях-первопроходцах: Бартоломео Диаше и Васко да Гама. Эти кресты в совсем еще недавнем прошлом использовались моряками как навигационные ориентиры.

И вот наконец мы почти у цели. Как оказалось, полуостров здесь разделяется на две части, подобно языку змеи: восточный выступ называется Кейп Пойнт, а вот западный и есть тот самый Мыс Доброй Надежды. Мы стояли у развилки дорог, ведущих к ним. Обернувшись назад, можно было увидеть сразу два океана: слева – холодная Атлантика, а справа – теплые воды Индийского. Разделяющий их полуостров в этом месте узок и возвышается над водой метров на сто.

Поколебавшись немного, мы решили ехать сначала на Кейп Пойнт. Этот мыс выдается в океан чуть дальше – всего с полкилометра, но выглядит гораздо более величественно в сравнении со знаменитым Мысом Доброй Надежды. Скалистые утесы его обрываются к воде почти отвесно с высоты в триста-четыре метра, а на самой высшей точке стоит морской маяк со смотровой площадкой, куда и стекаются все туристы.

Оставив машину, мы тоже направились в сторону маяка. Удивительно, но я все еще не испытывал душевного трепета, словно всё это происходило во сне или в кино. К маяку можно было подняться пешком по довольно крутой, извилистой дорожке или на фуникулёре – дизельном трамвайчике, который карабкается на кручу, цепляясь за стальной трос. Взглянув на трамвай, я вздрогнул и впервые с начала этого путешествия ощутил волнение – трамвайчик назывался «Летучий Голландец». Трудно, наверное, отыскать человека, который был бы напрочь лишен суеверий, хотя бы подсознательных. Во всяком случае я к таковым не отношусь. Будь я один, я скорее предпочел бы подниматься на гору пешком, чем вступать на борт «Летучего Голландца», пусть даже и символического. Но заставлять жену и дочерей идти пешком под палящим солнцем я не стал, да и выглядеть смешным не хотелось. Поэтому, скрепя сердце, я шагнул в двери вагончика со столь таинственным и зловещим названием на борту.

Смотровая площадка вокруг маяка была полна людей, говорящих, казалось, на всех языках мира. Стайка вездесущих японцев фотографировала друг друга, белокурые викинги подставляли свои оголенные до пояса тела безжалостному африканскому солнцу, чопорные немцы с бесстрастными лицами вполголоса обменивались впечатлениями... Я стоял среди этой толпы и думал: «Есть ли среди них хоть один, кто стремился сюда так же, как я, кто ждал этого мгновения столько долгих лет? Наверное – нет. Для них это просто одно из чудес света, как Эйфелева башня или Египетские пирамиды, где я тоже побывал и также, как эти люди, не испытывал особого трепета в душе».

От маяка можно было смотреть во все стороны. Там, позади, в туманной дымке остался Кейптаун, к нему уходит полуостров, на самой оконечности которого стоял я. Впереди – бескрайний океан, за которым только Антарктида. А справа и чуть сзади – Мыс Доброй Надежды. Вот теперь уж точно только рукой подать! С высоты, на которую мы поднялись, он казался плоским и невзрачным, с невысоким холмом на конце, но это ничуть не умаляло его в моем сознании. Я смотрел на него и пытался представить, что могли чувствовать моряки, первыми пришедшие сюда на своих утлых парусниках.

Небольшой залив между мысами Доброй Надежды и Кейп Пойнт был необычайно красив своей изумрудно-голубой водой с белыми барашками прибоя, набегаящими на песчаный берег. В бинокль можно было разглядеть стайки рыб и одинокого тюленя, резвящегося в волнах. Красота этого залива была, однако, холодной и недружелюбной. Ледяная вода его заставляла ёжиться даже от одного взгляда на нее. Оказавшись здесь, на краю света, без карты и тех знаний о мире, которыми мы владеем теперь, первые мореходы должны были обладать недюжинной отвагой и целеустремленностью, чтобы не повернуть в страхе назад. Даже сейчас, при полном безветрии, скалистые утесы выглядели величественно и надменно. Сколь пугающими должны они становиться даже в небольшой шторм!

Поглощенный такими мыслями, я поднял взгляд от воды, что плескалась далеко внизу подо мной, к оконечности Мыса Доброй Надежды и содрогнулся: из-за него медленно выходил черный силуэт корабля в ореоле багрового света. Внутри у меня всё похолодело. Первая мысль, которая возникла в лихорадочном сознании, была: «Ну вот и все! – Черная метка. Это за то, что я так хотел попасть сюда. Вот он – “Летучий Голландец”, вестник несчастий, и я заметил его первым». В следующее мгновение я готов был истерически рассмеяться. То, что я принял за зловещий корабль-призрак, было простым рыбацким сейнером, каких мы видели великое множество и в Кейптаунском порту, и по всему побережью. Солнечные блики от воды, ослепившие меня, да воспаленное эмоциями воображение сыграли со мной эту злую шутку.

Маяк, у которого мы стояли, на самом-то деле уже давно не действует. Поставленный на самой высшей точке мыса, он оказался бесполезным во время тумана или низких облаков, скрывавших его свет

от тех, кому он предназначался. После нескольких кораблекрушений, случившихся по этой причине, построили другой маяк – почти на самом конце мыса Кейп Пойнт, что выдается вперед еще на несколько сот метров и лежит гораздо ниже. Там тоже есть смотровая площадка, но лишь немногие туристы спускаются туда – к настоящему краю света. Туда не ходит фуникулёр, а узкая тропинка идет по краю пропасти, обрывающейся в океанскую пучину.

После десятилетий безнадежных мечтаний подобные неудобства, конечно же, не могли остановить меня. Вот оно – то самое место, которое я так много раз рисовал в своем воображении. Последние сотни метров я преодолел с трепетом, даже не обращая внимания на то, что шел по краю пропасти, где на некоторых участках каменистой тропы отсутствовали ограждения.

Достигнув наконец самого края, я долго стоял, всматриваясь вдаль. Я не сумел бы объяснить, что хотел увидеть в синей дымке, где небо сливается с морем. Возникло непреодолимое желание расправить руки как крылья. Я стоял на самом краю земли, словно на носу несущегося вперед парусника.

Прямо от мыса к горизонту уходила извилистая линия, похожая на кильватерный след корабля. Это два течения, спускающиеся вниз вдоль Африканского континента, встречаются здесь. Из Атлантики, вдоль ее западного берега, идет холодное течение, а с другой стороны Индийский океан приносит свои теплые воды. Вот она та самая, совсем не таинственная, а вполне реальная линия, по которой разделены эти два океана. И пусть гидрографы не так давно постановили, что этот водораздел расположен чуть восточнее – у мыса Игольный, я, как и большинство людей, все равно буду считать, что океаны соединяются именно здесь – у этого маяка. Я видел эту линию своими глазами.

Мы были там одни. Тишина не нарушалась ни гомоном японцев, ни даже криками чаек. До моего слуха доносился лишь едва различимый рокот корабельного двигателя. Посмотрев вниз, я увидел тот самый сейнер, который незадолго до того принял за «Летучего Голландца». Огибая мыс, он шел из Атлантического в Индийский океан. Та будничность, обыденность, с которой он это делал, вернула меня к реальности. Я многие годы представлял себе место, где сходятся океаны, в романтических фантазиях, а сейнер, может быть, пересекает эту линию каждый день, как пешеходы переходят дорогу в большом городе.

Я вдруг остро почувствовал, что мечта моя осуществилась и кончилась, словно погас огонек маяка, который согревал душу. Мне стало необыкновенно грустно. Уходить не хотелось. Словно цепляясь за остатки своей мечты, я тянул время. Первый же шаг назад будет означать, что все осталось в прошлом. Вспомнив, что не побывал еще на Мысе Доброй Надежды, я наконец решился на этот шаг.

На этот знаменитый, но, как оказалось, мало примечательный мыс мы приехали спустя час. Там был только знак с названием и точными географическими координатами. Эмоции, кажется, были уже все растрачены. Я понял, что в действительности всю жизнь мечтал не об этом знаке, а о крае света, который там – у маяка на Кейп Пойнт. Зато здесь, на Мысе Доброй Надежды, можно было подойти к самой воде и опустить в нее руки. Вода была ужасно холодной – почти как в Байкале.

В Кейптаун мы вернулись, когда уже стемнело. Я почти всю дорогу молчал. Дочери, утомленные дорогой и переполненные впечатлениями, уснули на заднем сиденье. Жена, сидевшая рядом, сначала говорила со мной, но вскоре, видимо, догадалась о том, что творилось в моей душе, и тоже хранила молчание.

За ужином мы открыли бутылку местного вина с символическим названием «Два Океана». Я взял бокал и сказал: «Мечта – это как свет маяка во время ночного шторма. Суденышко наше бросает вверх и вниз, огромные волны накрывают его, и кажется, что всё – конец. Но вот волна схлынула, и там, вдали, мы видим мерцающий из-за брызг огонек. Он согревает сердце, захохотавшее от студеного ветра и страха. Там земля, там нас ждут, и мы обязательно туда доберемся. Я поднимаю этот бокал за то, чтобы у каждого из нас была мечта – пусть даже самая несбыточная!.. А еще за то, чтобы наконец было снято заклятие с несчастного бедолаги Летучего Голландца».

Виктор КАМЕРИСТЫЙ

Родился 22 июля 1960 года в городе Константиновка Донецкой области. Жизненный путь автора был тернист. Уличное воспитание, армейские будни, работал в шахте забойщиком... Десять лет отдано литературе, изучению основ беллетристики. Член национального союза журналистов. Публикации: «Моя Семья», «Порог», журнал «Новый берег», «Вести республики», «Хрещатик»...

Суд

Виктор Алексеевич был человеком скромным, одаренным и одиноким, зачастую склонным переоценивать себя. Крепкое телосложение, пронзительный взгляд зеленых глаз и плотно сжатые губы. Образцовый мужчина с единственной странностью для жителей небольшого городка: подбор книг для чтения. Мистика и психоаналитика, философия и теология – сам по себе набор столь неоднозначных книг выдавал в нем что-то большее, чем просто увлечение. Книги книгами, но основное, чем он был занят, была работа в транспортной компании.

В тот день он вышел из офиса и медленно направился к дому. Прекрасная летняя погода, легкий ветерок и мысли, навевающие покой. Когда Виктор перешел мостик, отделяющий промышленный район от спального, увидел одинокого старика. Первая мысль: пройти мимо. «Иди своей дорогой. Что тебе за дело до него?»

Прислушавшись к внутреннему голосу, а тот редко давал глупые советы, сделал наоборот, остановился.

– Вам помочь?

Старик медленно распрямылся, тяжело перевел дыхание и, напрягшись, как перед тяжелым подъемом, ответил:

– Помочь мне может только мой пастырь, мой Бог. Тебе необходима помощь, а не мне...

«Странный старик. От подобных людей нужно держаться как можно дальше. Но мои мысли глупы и наивны, очевидно», – такая прозвучала мысль, опережая слово.

– Ты блуждаешь, мечешься, думая, что идешь правильной дорогой, но выход только один... – продолжил старик и неожиданно смолк.

«Сумасшедший? Хотя нет, обычный старик, но явно помешанный или, что хуже, сектант», – мелькнула «правильная» мысль.

– Мир изменился, он стал другим, а выход... всегда рядом, об этом еще две тысячи лет сказал Сенека...

– Виктор запнулся, увидев, что старик, качая седой головой, усмехался.

«Надо мной? Кому я что-то доказываю? Глупость метать бисер перед...», – подумалось Виктору, и механическим движением взъерошил волосы, повернувшись спиной к старику, ушел.

Пока поднимался в свою квартиру, невольно вспоминал мимолетную встречу со стариком. Невольно искал, но не находил, пока не смог нащупать суть их короткого разговора.

Под вечер полил дождь. Виктор всегда тяжело переносил быструю смену погоды. Вот и сейчас почувствовал знакомую тяжесть в сердце. На смену тяжести, спустя час, пришла боль. «Погода меня dokonает», – мелькнула мысль и тут же угасла, уступая место новой вспышке боли. На короткое мгновение он потерял всякое представление о том, где находится. Холодная, режущая боль. По лицу бегут струйки пота. В легких не хватает воздуха, еще несколько секунд, и он падает на пол, отдаваясь в руки безраз-

лично смотрящей на него судьбе. Уставившись в потолок, Виктор понимал, что сейчас действительно произойдет то, о чем он знал, о чем всегда, постоянно думал, но не ожидал, что это именно произойдет. Мелькнули и тут же угасли слова Сенеки: «С рождением, с первым глотком воздуха, мы...»

Мышцы и нервы наливаются страхом, тем состоянием, которым человек измеряет все: смысл желаний, мыслей, поступков. Подсознание превращает окружающие его предметы в бессвязный бред, в безумный ужас, наполненный дикой сердечной болью.

...Все он сейчас видит как будто со стороны. Так, как будто это происходит одновременно и с ним и не с ним. Это не иллюзия, а жуткая реальность.

По небу плывут громадные облака, наполненные грозowymi разрядами – предвестниками грозы (грядущих перемен). Он оглядывается, не понимая, что происходит и, главное, где он. Вся местность – огромная, кажущаяся бескрайней равнина, покрытая кровавого оттенка пылью. Остатки прошлых цивилизаций, строения, потерявшие былое величие. Здесь все будто опалено былыми пожарищами и покрыто таинством застывшего времени. Нет вездесущих птиц, нет следов какой бы то ни было растительной жизни. Нет ничего такого, что привычно глазу человека. Отовсюду, заполняя пространство – длинные, нескончаемые вереницы «людей», опустивших книзу головы, медленно, неисчислимым потоком бредут, подчиняясь могущественной, неведомой им силе. Серая, безликая масса. Их вид его не пугает. Дети и старики, женщины и мужчины, те, кто умер давно и недавно, все молча движутся туда, к шести высоким остроконечным вершинам, откуда слышен гул. Их вид не пугает – он завораживает. Одни припорошены свежей землей, другие, будто покрытые легкой дымкой, полуразложившиеся трупы, оголенная выходящая плоть, лишенные одежд скелеты, они...

Разгул приближающейся смерти? Переполненная чаша человеческих страданий?

Другие – скорбящие, только о ком? Сгорбленные, с ищущим взглядом... О том, что было там, в иной, такой простой земной жизни?.. Ищущие взглядом Создателя?.. Но Он не там!

Праведники и убийцы, дети, отцы семейств и те, кто не знал чувств отцовства. Осквернители могил и сатанисты, самоубийцы и чуткие, нежные, благие... Варвары и правители былых эпох... Монах, протянувший руки к переполненному молниями небу, торговец, брызжащий жиром, и чиновник с ненасытным взглядом, что держит в руке проржавевший крест... Пророки, спешащие отказаться от своей «религии», и абсолютная ненависть, взывающая к Его милосердию...

Неожиданно Виктор замирает... Он видит направленный на него взгляд... Свой собственный. В глазах все: страх, боль и надежда... на скорое освобождение и на Его милость. Все здесь под одним покрывалом судьбы, под одной дланью, под одним перстом судьбы.

– Авва, Отче! – слышны одинокие, но такие запоздалые крики... – Помилуй!

И мысли, мысли, которые Виктор слышит как будто он проводник в этом жутком мире давно умерших людей.

... «Катя! Дитя мое, сердце мое, где ты?»

... «Если бы я только мог снять тяжесть с души моей...»

... «Возможно, что я ошибаюсь, возможно, все будет не так...»

... «Да, и еще раз да, потому что не верил, грешил... и буду грешить».

Виктор читает мысли и видит, что на некоторых «лицах» гримаса страха, отвращения, ярости и... невольного покаяния. Он слышит запоздалые крики, в которых все еще живы ненависть и жажда жизни... Слышит крик человеческих страданий и ересь. Он чувствует напряженное ожидание, чувствует, как немеют мышцы, слышит... Ему сейчас дано такое право: видеть, слышать, чувствовать. Сгущенный страхом ужас, что сжигает последнюю надежду. Он жаждет вместе со всеми убедить Его в искренности своего покаяния, в раскаянии и отрицании грядущей смерти.

Виктор отчетливо понимает чужие мысли, воспринимает ощущение их страха и вспоминает маму, которую забыл.

«Я позабыл ее глаза, слова, обращенные ко мне, любимому сыночку... Сколько раз она одаривала своим ласковым взглядом, целовала мою макушку и благословляла для дел праведных. Разве я – это я? Разве это не я забыл, не исполнил ее последнюю просьбу? Значит, и я должен брести среди поникшей толпы, закрыть глаза, ожидая справедливого Суда. Нет, это все в прошлом. Ты умер, ты уже не существуешь, не видишь, не слышишь, но откуда голоса? Откуда крики и вопль осознавших свое падение, свой грех? Откуда, заполняя пространство, неистовая в своей злобе волна, в которой исчезают последние человеческие надежды?»

Страшный Суд? Зов Судьбы? Удивительный, но пугающий мир мрачных, ни на что не схожих красок, угнетающих остатки сознания? Невидимые ему трубы зовут, но Виктору кажется, что он слышит среди этого звука стук миллионов «сердец». Неожиданно этот стук стихает. Крики бесчисленного числа «людей», заполненных грозowymi раскатами, дышащих безудержной яростью «вулканов», замирают. Все звуки в короткий миг замирают, а им на смену приходит мертвая, пугающая рассудок тишина...

В стороне, будто за невидимым барьером, он видит лики скорбящих ангелов-хранителей, сопровождавших в земном пути всех тех, кто сейчас перед ним. Впереди, на возвышенности, там, где начало шести остроконечных, покрытых снегом вершин, скрывая свои истинные размеры, начинает трубить архангел. Над ним сияет яркий свет, похожий на нимб...

В Викторе разгорается чувство ужасного одиночества, отчаянное желание вернуться назад: туда, где все иное, где все приносит радость. Туда, где он прожил жизнь, земную, свою собственную, ни на что не похожую, но... его желание бесплодно. Оно бесплодно, как бесплодна долина, где грядет... избавление.

Он поднимает голову вверх и там, где только что видел темные, заполненные грозowymi разрядами облака, видит приближение заполняющей весь небосвод одинокой звезды. Там, где исчезает человеческий поток, что-то происходит. Что-то, что сжимает его душу, что-то, что оглушает, дает команду упасть на колени и, застыв, молить о прощении...

Он слышит глухой гомон и слова, шедшие из уст миллионов: Аданаис... Аданаис...

И слышится неземной, лишенный жалости голос: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час Суда Его...»

Неземной, громогласный голос переполнен ненавистью к человечеству, и он жаждет человеческих жертв... Он омывает берега бесчисленного потока людей, тех... кто недавно был человеком. Он поднимает и опускает пыль древней равнины, которая, смешиваясь с яростным завыванием ураганного ветра, обволакивает тех, кто лгал, кто ненавидел, любил и был любимым. Тех, кто не верил и кто, не веря, проклял себя и Его...

Все вокруг – бурлящий, наполненный криками ужаса водоворот человеческих «тел», силуэтов. Тварный огонь... Нетварный... Прошивая все вокруг раскаленным пламенем, он, обжигая человеческую «плоть», не щадит никого. Огонь, проклятия, плач, стон – всё смешалось, всё переплелось в тугой, спянный воедино единой религией (наконец-то) неразрывный жгут. Фигуры тех, кто сейчас стоит по обе стороны «человеческой реки», огромны. Наверное, такими Виктор видел их в своих самых жутких сновидениях. Такими их видит он воочию сейчас... Почти бессознательно он отмечает сходство с тем, что читал в Библии... А еще он ощущает Силу, что движет всем, что окутывает его с ног до головы.

Нет равнины, нет ничего, что напоминало бы земное, обогретое ласковым солнцем бытие. Все безраздельно принадлежит одному Богу. Богу, Создателю, Творцу, создавшему прекрасный в далеком теперь прошлом мир. Кто в конце концов принял Свое, окончательное решение...

Все земное, все, что радовало глаз, – ничтожно. Окружающая действительность, погруженная в огонь, подобна самой жуткой, самой изощренной фантазии сюрреалиста. Войны, рождение и падение империй, все, что создано на протяжении тысячелетий человечеством, – все это ничтожно в сравнении с тем, что сейчас происходит вокруг. Огромная равнина превращается в бурлящий, жаждущий человеческого покаяния «котел», напоенный жуткими звуками. Это не предел наказания.

Всего на короткий миг, но он увидел, что бурлящая просьбами о милости, опаленная огнем, «человеческая» волна падает ниц. Впереди, куда был устремлен взгляд миллионов, появилось, пульсируя, огненное кольцо – Длань. Там, где должен появиться Он, там парит над землей Книга Жизни. Виктор видит все, но не видит лика Бога. Ему такое не дано.

Он кричит. Его душа, если это она, рвется навстречу Ему, в мир огня... И покоя. Туда, где все иное... Чистое, милосердное, благое.

...В чистом, без единого облака небе, расплываясь во все стороны, появилась гигантская паутина. В ней, как в зеркале, он видит застывшие капельки – человеческие души. Те души, что нашли успокоение, нашли свое внеземное пристанище. С замиранием сердца Виктор смотрит на сотканную Творцом паутину, понимая, что из нее никуда не деться. Души праведных, чистых и безвинных, превращаясь в молекулы, застывая, ожидают Его решения. Возможно, оно будет, но не здесь, не на этой планете, носившей прекрасное имя – Земля, а где-то там, в иных, совсем иных мирах... В мире, где все, что было в человеке омерзительным, гадким и уродливым, исчезнет. Где жестокость трансформируется в доброту, а безразличие и алчность – в понимание и благочестие...

Чуть в стороне, где еще недавно возвышались остроконечные вершины, там зияет бездна. В ней горит адский, ненасытный огонь, в котором «сгорают» души грешников. Он чувствует запах опаленной плоти, который раздрает гортань.

А еще он видит, что равнина – это иссушенный огнем кусок суши, застывший в бездне космоса, это все, что осталось от Земли. Мир прошлого, его земной мир исчез навсегда.

Волна ужаса накатывает, сжимая его больное сердце в тиски. Все глубже и глубже ужас вползает в него, готовый испепелить...

Он слышит шепот, который, кажется, пронзает его насквозь:

– Помни! За все полагается достойная плата... От Бога. За грехи – смерть, за покаяние – воскрешение. Помни!

Что-то острое, отчетливо холодное касается его мозга, и вслед – невыносимая боль, последний глоток воздуха, темнота... и погружение в короткое забвение.

Раннее июльское утро... Палата реанимации областного кардиоцентра... Из-за приоткрытых дверей палаты слышны голоса врачей. Виктор поворачивает голову, смотрит в окно и видит, как над верхушками деревьев встает солнце...

Воспоминание об увиденном «там», эмоции слаживаются в рассказ, который он напишет, а еще – в его тихие, пронизанные жалостью слова:

– Все они умерли... Все они живы... Если бы... Если бы я только мог...

Он сожалел о тех, кто «там», вернувшись снова в ад, познает неземные муки и оттуда будет слать весточку своим родным (?), всем тем, кого обидел, унизил, обрек. Весточку, которая не будет услышана. А еще он помнил застывшие в его памяти слова побывавших «там»: мы истребляем жизнь из ненависти, а еще просто так, ради собственного самоутверждения и удовольствия.

На его глазах застыли слезы. Слезы покаяния и благодарности Ему за свое спасение. Он понял, что именно он стал на короткое мгновение тем, кому дано было услышать тех, кто оказался в раю...

Каждую последующую минуту и до конца жизни он будет повторять одни и те же, ранее ничего не значащие для него слова: Верую...

Апостол Павел писал: «Есть святое облако, это – люди, шедшие за Христом, верившие Ему, учившие Вере. К этому святому облаку прилепиться бы духом!»

И нам прилепиться... и плыть... вслед за ним. И верить в исцеление и верить, что надежда для нас все-таки остается.

На берегу

Река, что манила меня в это утро, была шириной метров сорок. Чуть правее от завода через нее был проложен подвесной мост, изрядно изъеденный ржавчиной. На левом берегу собственно находился поселок, захудалый, переживший взлеты и падения. На улице светило солнце, а над рекой, едва касаясь воды, носились вездесущие ласточки. Мысль о дне – солнечном, светлом, радостном, была естественной, уверенной, что так и будет.

Сидя на берегу, я утратил интерес к худой, изнуренной старостью и тяжелым трудом фигуре местного пастуха Сидоркина... и все внимание обратил на лениво колышущийся на воде поплавок.

Когда на противоположном берегу показались проспавшие утреннюю зорьку два рыбака – мужчина лет шестидесяти (для меня старик), несущий на плече удочки, и мальчишка, не старше шести лет, – приободрился. Одно дело, когда смотришь на воду, другое – на людей. Да и рыбалка требует усидчивости и терпения, которые во мне отсутствовали. Интересно мне, холостому, наблюдать за родителями и детьми. Люблю детей, но не хочу обманывать женщин, заменяя чувства фальшивкой. Вдохнул свежий воздух, уставился взглядом на вновь пришедших рыбаков.

«Старик с утомленным лицом и счастливый мальчишка, полный энергии... Мир движется... Мир создан из тех, кто сменяет друг друга. Умираем и возрождаемся в своих детях, внуках...»

Меня несло «по течению», в котором я был упрямым пловцом... Впрочем, это все не важно.

– Папа! – голос мальчишки звенел. – Смотри! Какие облака, какая река!

Терпеливый, заботливый отцовский голос отвечает:

– Да... сынок, красота: природа, река, облака...

Разложили на помосте снасти. Закинули наживку, ожидают клев. Мальчишка неугомонный, все ему на месте не сидится. Но спросить – кто способен поступать рассудительно в таком возрасте? Посидел чуток мальчишка, встал, прошелся по помосту – вперед-назад, скучно. Камыш сломал, бросил в воду, не

легче мальчишке. Постепенно отцу надоело, прикрикнул на сына. Снова затишье. Непокрытую голову напекает, уморила отца рыбалка. И здесь потянулся он за сигаретами, спичек нет, да сосед рядом, только несколько шагов в сторону...

Поднялся, что-то сыну наказал, пошел. Мальчишка затих, на поплавок уставился, вдруг закричал: «Клюет!» Потянул удилище, да крючок, видимо, зацепился, нагнулся мальчишка и... в воду упал. Невслышно так, только вода кругами пошла. Молчать дальше нельзя, крикнул я, что есть силы...

Метнулся отец к сыну, торопливо. Сына спасти, себя спасти от одиночества. Только чудо могло спасти, но чуда не произошло. За все прожитые годы никогда не приходилось такое видеть. Смерть ребенка собственными глазами.

Нырнул отец в воду. Окунулся в темные, разбавленные смертью воды реки. Вынырнул, глотнул воздух и снова на дно. Наверное, в мутной воде осматривал каждый донный кусочек, каждую травинку...

Я понял... Это – конец. Вот показалась голова старика и... головка мальчишки. Как легко потерять и как трудно найти. Вышел на берег отец, наклонился над сыном, искусственное дыхание делает, грудь мальчонке массирует, только напрасно... Несколько мгновений, минут... и вот все решено – именно здесь, на берегу реки.

Я побежал. Нет, я летел к месту трагедии. Смертельный ужас от увиденного. Боль, испуг за собственное больное сердце. Стремление помочь в том, в чем был бессилён. «Как же это! Вода жестокая штука... Все силы отдам, только бы добежать...» Хотел успеть... хотел добежать, помочь спасти. Между двумя желаниями дальнейшее расстояние. Скорей всего в такие минуты мы убеждены, что все то, что происходит, это – галлюцинация, а мы – просто наблюдатели. Но только не возвращаются назад дети, счастливые в своем детстве, нередко... из-за нашей вины.

Сейчас все выглядело так, словно было понарошку. Бледное личико малыша, отданное смерти, и отцовские руки, которые утопали в мокрых волосах сына, перебирали их, замирали. Я видел глаза отца: сейчас не мертвые, а живые. Искрящиеся безумством глаза, видящие живого сына. А потом... глаза умирают. Они не могут, не хотят рассказать мне о том, что они пережили. Зачем? Кому?

Услышал тихое: «Ну хватит, сынок. Хватит спать. Пойдем домой». И след – душераздирающий крик: «За что? Господи, за что мне такое? Почему такая несправедливость ко мне, к сыну моему?»

Он продолжал кричать, взывая к небесам, обливаясь слезами: «Что мне теперь делать? Как мне жить? Зачем же мне теперь жить?»

Никогда прежде я не слышал такого крика, таких слов... А тут, столько всего, столько боли! Нет возврата к жизни. Не отвечают небеса. Тяжелое чувство жалости ударило в голову. Присел на глинистый берег, не мог, не посмел взглянуть на дрожащего в ознобе отца.

Когда прикоснулся к плечу старика, мне показалось, что все увиденное полчаса назад заново поплыло предо мной. Я снова пережил картинку, в которой смерть забирает ребенка... казалось, что явственно слышу отвратительный рык смерти – злой, беспощадный. Все, что произошло, возникло и тут же пропало. Что сейчас написано на его лице? Тень сожаления, раскаяния, отражения заново увиденного момента радости, когда сын впервые произнес: «Папа!»

Старик... слышал и не слышал. А может, его крик, слова, обращенные к небесам, это остаток слабой надежды оправдаться перед Ним? Но как оправдаться, если не повернуть вспять, не изменить произошедшего.

(Сколько же ему лет? Поздняя любовь? За что ему такое? Все могло сложиться иначе...

Мог проспать, придти позже, что-то могло произойти, но не такое! К поздней любви – позднее горе... Вот и река очнулась. Сочувствует горю... Бьет по волнам ветер, пугает. Плачет река. Схватила в смертные объятия ребенка... послушала смерть... А ведь сложилась бы судьба мальчишки... Еще много радостей мог принести родному человеку, стареющему родителю своему... Смотрели бы друг другу в глаза, радовались восходу, рыбалке... Не знал, не думал, что до такого сможет дожить. Теперь что об этом говорить... Что в голову лезет?)

Мы стояли, молчали. Мне обидно – не успел... Старику – больно, но вместе нам – тоскливо. Горе и беда – они ведь разные. Для меня... это беда, а для него... горе. К горю привыкнуть невозможно. Сколько раз встречал горе, но осилить в себе жуткое состояние невозможно. Уходят люди, не возвращаются, не задев чью-то черствую душу, чье-то доброе сердце.

Над головой плывут выцветшие от солнца облака, безразличные к человеческому горю.

Мысли страшные в своей правоте: «Он никогда не услышит глубокое, ровное дыхание своего сына... Сын никогда не узнает чувств отцовских, трудных, порой неимоверно трудных... Порождение сна? Реальность, вот что происходит».

Память – это все, что осталось. Память будет жить, пока будет жив этот человек, и это правильно. Так размышляю. Так устроены мои мысли, что не могут согласиться с трагедией. Я непричастен к смерти, к тому горю, что окутало голову отца белоснежной сединой.

Теперь ему безразлично: жить или умереть. Похолодевшее сердце – кто обогреет? Что он увидит теперь в этой жизни? Никто не вложит в его огрубевшую ладонь детскую ладошку, не воскликнет от упоительного восторга: «Папа!» Этого мальчишку не вернуть. Не вернуть самого близкого, родного ему человека. Мимо печального, сгорбленного от тяжести вины перед сыном старика будут пробегать мальчишки, а он... Старик будет идти мимо школы, мимо радости, без счастья – со своим горем, со своей болью... Он перестанет узнавать знакомых, старик с отечным лицом и потухшим взглядом.

Я плохо сплю после того дня. Часто в странной и тревожной дреме вижу мальчишку, медленно бредущего куда-то, а вслед ему бегущий отец, что кричит сыну, просит остановиться... Часто вижу их вместе: сын, тесно прильнув к отцовскому плечу, счастливо смеется. Преданно и счастливо... по сыновни искренне.

Утром иногда забывается плохое. Но ведь знаю, что там, где катит свои воды река, «живет» мальчишка, а его отец живой, но сломленный судьбой, надеется одарить сына поцелуем, сказать: «Сынок! Как же это я... без тебя, сынок». Или... услышит: «Не спас, не уберег сына. Себя не уберег. За что меня, папа?»

Все в этом мире меняется. Увиденное мной изменится, как изменится через годы мое восприятие. Но... Усохнет от тоски отец. Побледнеет мир, осыплется здоровье и замрет в угрюмом одиночестве. Упадет без сил, как старая ель, без крика, без горестного восклицания рядом стоящих.

Была жизнь? – Была. Только... что теперь о ней вспоминать.

Письмо

...Она проснулась в крошечной темноте. Голова распухла от желания есть, и желудок бунтовал, гудел, а глаза лихорадочно рыскали в поиске пищи. Она понимала рассудком, что здесь ничего нет, но... А еще остро, безумно хотелось выпить. Глоток «левой» водки, глоток пива, что угодно, но выпить и снова забыться.

Спустя час, очнувшись от забытья, она слышит звонок будильника. Пора вставать. А еще часом позже в предрассветной дымке она метет так опротивевшие ей московские тротуары, зная, что ей некуда деться. Забот в ее хозяйстве много. И двор подмести, и мусор в контейнеры собрать, да еще в подъездах прибраться. Забот много, только плохие предчувствия терзают ее душу. «От выпитого вчера или от действительно чего-то плохого?» – так звучит ее мысль-догадка, и первый круг «ада», как она называет уборку двора, окончен. Впереди длинный день, и в самом его конце конура под названием «комната», и скромный ужин, он же обед – то, что сумела приобрести.

Темнота, подкравшись, застаёт ее в привычном занятии. Горка хлеба, рюмка водки и открытая банка – рыбные консервы. Постепенно хмель ударяет в голову, и, скрестив обе ладони, подперев ими тяжелевший каждую минуту подбородок, она замирает. Ей кажется, что она слышит шум голосов, ярость гнавшегoся за ней по пятам проклятого города... Ей казалось, что она все по-прежнему среди столичной суеты, и ее эхо, навсегда засевавшее в голове, никуда не ушло. Оно как заноза, все напоминает о том, кем она была. Кем стала? Да это сейчас неважно, как неважен ей ее внешний вид. Впрочем, как неважно все то, что она стыдливо прячет от себя самой.

Очнувшись, обтерев рукав грязной, давно немойтой ладонью и взглянув на нее, усмехнулась. Не было следов раскаянья, как и не было вопроса, который она задавала себе еще год назад: «Что со мной? Что происходит? Почему я вот здесь, среди убогости и сирости подвального помещения, именуемого общежитием ЖЭКа. Надо мной смеются, издеваются, а я терплю, жалобно канюча подавание у жильцов, машу метлой и порой получаю оскорбление в лицо. Так кто же я? Нет тепла, нет радости, значит, все пережито зря? И что мне остается? Броситься под колеса машины или спрыгнуть с моста? Но мне хочется жить. Как поступить, и где выход?»

Огрызок карандаша бросается в глаза, и в тот же миг она понимает: это единственное, что осталось, то, о чем так долго мечтала. Обведя взглядом свое жилище, она, снова улыбнувшись, резко поднялась, потянулась к старой обветшалой шкатулке. Здесь среди старых, пожелтевших фотографий она нашла письмо. Да, обычный, пожелтевший, как и фотографии, конверт, но со странной почтовой пометкой – возврат отправителю-адресату. Она помнит все, что в нем написано, но сейчас руки, сами не понимая, что делают, открывают конверт. Надев старомодные, обмотанные синей изолентой очки, она тихо шевелит губами, читает:

Здравствуй, мама!

Это пишет Маша, исчезнувшая, как ты недавно еще говорила. Я не исчезла, напротив, жива, здорова и могу сказать тебе, что многого добилась. У меня прекрасная квартира, можно сказать дом – полная чаша. На работу, о которой ты так пошло отзывалась, меня возит личный шофер. Мне хорошо, лучше, чем когда-либо. Ты мимоходом вспоминаешь болезнь отца. Извини, но у меня нет лишних средств, тем более что собираюсь менять квартиру на большую в центре. Больше мне не о чем написать. Да, кстати. Могу прислать немного, ну, скажем, рублей сто. Хотя, зная тебя, ты их вряд ли примешь.

Маша.

Отчетливая и вместе с тем туманная мысль, как и воспоминание, ранит, берedit душу и все то, что скрыто даже от нее. «И вот прошли годы, десятилетия. Маме уже под девяносто, но она, как мне передавали, держится на ногах крепко, все так же, как и раньше, строго оценивает жизнь. Хорошо это или нет? И да и нет. Много с той поры утекло воды, многое забыто. Но сейчас, когда на склоне лет чувствуешь, что внутри еще горит огонек, нужно покаяться, но как? Как выразить то, о чем позабыла, разменялась на пустое и лишнее. Как просить ее, старую девяностолетнюю женщину, вспомнить ее девчонку, свою дочь? Как попросить у нее прощение за то, что не помогла, не приехала на похороны отца. Отца, который в ней души не чаял и который украдкой, когда ушла из дома, высылал ей деньги, но об этом она забыла. Стерла из своей памяти это, как и его самого. Разве можно простить то, что она за все годы, эти прошедшие тридцать лет, ни разу не была у него на могилке, не положила венок, не вспомнила о нем в родительский день перед пасхой? Кто она? Жестокая и грешная или покаявшаяся в своем грехе женщина?» У нее нет ответа на этот вопрос.

Ее руки дрожат, а карандаш обжигает пальцы. А мысль, быстрая и полновесная, как река, возвращается, не давая передышки – «Что делать? Как излить все то, о чем, возможно, завтра пожалею?»

Воспоминание, как снаряд, разрывается в ее голове. Цветущая, полная сил и задора красивая женщина. Ее новая работа, столичные партийные «шишки», и она, ублажающая их. Ей нравилось то, чем она занималась. Она так – хотела. Золотистый загар, прекрасные пляжи летом, вдали от родных берегов, а зимой – работа и еще раз работа. Так шли, летели годы, но однажды все резко изменилось. Почему? Она задавала себе этот вопрос и всегда находила ответ: они, то есть те, кто ей завидовал, они виноваты. Но однажды она услышала правдивый ответ, от такой же «бывшей»: «Ты вышла из игры. Ты просто вышла в тираж. Ищи, милочка, другой путь». Но как? Какой искать путь, если все, к чему шла, что заработала, все в один день превратилось в труху.

Жгущей болью отдает в сердце, душа мечется, не понимая, что ей надо, а рассудок, потерявшись в хмельных парах, молчит. Слеза, одинокая блеснувшая на свету слеза, обжигает щеку, добавляя еще одну боль. Она плачет и дрожащей рукой начинает писать.

Здравствуй, мама.

Пишет тебе свое, возможно, последнее письмо твоя дочь Маша. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, открыв конверт, но погоди, не торопись его рвать, прочти... Мне трудно передать все то, о чем я думала эти годы. Как и то, как трудно было взять за столько лет карандаш и написать тебе. Мое сердце разрывается от боли, а душа, частица ее, она трепещет. Я сейчас прошу тебя об одном: прости, если сможешь. Прости, и будь милосердной только потому, что я от плоти твоя плоть и твоя кровь. Я раскаиваюсь во всем, в чем была моя вина. Прости меня, мама.

Маша.

Всю последующую ночь она не спала. Хмель давно выветрился, а она, прижав к себе рваную подушку, все продолжала глотать слезы. Когда ее мысли прервал звонок будильника, она не встала, не вскочила, озираясь в своей комнате непонимающим сонным взглядом. Сегодняшнее утро обойдется без нее.

Но жизнь, спустя неделю, не угасла. Наоборот, она, после того как отправила конверт, не ожидая, впрочем, ответа, неожиданно изменилась. Ее начальник ЖЭКа долговязый Евгений Иванович неожиданно предложил ей должность. Не высокая, но вместе с тем обязывающая к дисциплине, должность мастера участка. Вот тогда она впервые за прошедшие годы обрадовалась. Пусть не то, о чем мечталось, но все-таки лучше, и, может быть...

А спустя еще десять дней пришел ответ. Но не такой, не в той форме, каким она ждала. Письмо было написано неким Волошиным, директором приюта, где жила ее мама. Он кратко пояснил в нем, что мамы

больше нет. То есть Марта Ивановна умерла еще прошлой зимой. К письму прилагался запечатанный конверт, адресованный именно ей. Она не понимала – зачем? Почему мама не отправила конверт, судя по той дате, что стояла прописью на обратной стороне. Неужели она знала или надеялась, что ее падшая дочь ей напишет? Или это было прощальное письмо?

Дрожащими пальцами она вскрыла конверт и прочла:

Здравствуй, милая Маша. Здравствуй, доченька.

Для тебя, наверное, это прозвучит странно, но именно так я хочу тебя назвать. Я знаю, что когда-то, после моей смерти, ты придешь на мою могилку и только там все поймешь и осознаешь. Я не буду тебя в этом письме учить жизни, как не буду надоедать. Ты сама все осознаешь рано или поздно. Я давно выплакала все слезы. Я давно тебя, милая моя, простила. Мы с отцом любим тебя. Да, именно любим, а не любили, потому что он, его душа, она рядом, он смотрит с небес на тебя, на меня и он ждет нас.

Именно теперь она поняла. Искрой, молнией или вспышкой, это теперь неважно. Боль, раскаяние и пустота. Отчетливо ворвались когда-то прочитанные строки: «Без тепла, без печали, без радости – значит, прожито зря? Значит, ее жизнь без всего этого и вместе с этим – напрасна? Ее жизнь прошла впустую? А призрачная фортуна, та, которую она боготворила, обменяв ее на истинную веру – это лишь иллюзия и самообман? Как же так? Боже! Почему именно так?»

Взгляд медленно перемещается от стола к окну и от него к двери. Все сейчас сделалось отчетливым, как никогда. Ее выбор определен. Краем глаза она замечает именно ту вещь, что ей больше всего нужна. Не очень толстая, но прочная, как сталь, бельевая веревка: это ее выход. Ведь там, на небесах ее ждут. Мама, с ее не исчезнувшими за прожитые годы веснушками, и отец, молчаливый, добрый увалень. Если что-либо и заботит ее душу, так это то, как она будет выглядеть там... Отношение к себе, так и ко всему, что было определено свыше. И только сейчас она поняла свою ошибку, свою подлость, и едва ее рука дотянулась до веревки, тонкая нить, державшая ее на этом свете, резко оборвалась...

Одиночество души

Одиночество души? Плоти? Раз за разом, обретая и теряя нить рассуждений о своей жизни, Полина Марковна возилась на своем участке за пятиэтажным домом, огражденном от уличной суеты кусками шифера. Никакого противостояния в ее внутренней работе чувств не было – обычная неспешная земляная работа, от которой потом приятно протянуть дрожащие ноги. Время от времени она посматривает по сторонам, пытаясь не пропустить Степановну, местного почтальона, приносившего ее скудную пенсию.

Мысли волей-неволей всё возвращаются к собственной, такой одинокой жизни. «В земле копаюсь, а починить кран – нет денег. Имею высшее образование, но... Хорошо, что остались с прошлого раза запчасти, может, не станет слесарь шкуру драть? А Капитоновна все зыркает: как там эта Марковна, весь день ползает на коленях. Нейдется ей, все норовит ужалить, а чуть что... Марковна виновна».

Однажды она услышала о себе: кому любовь, а кому ненависть мать родная. Всех Марковна ненавидит. Тогда она удивилась. «Как же так? Ее обвиняют в ненависти! Ее, женщину, педагога, преподававшего детям литературу! За что?» Но прошло всего полгода и все изменилось. Хотя изменения произошли раньше, намного раньше, только ни она, ни кто другой этого не замечали.

Захлопоталась Полина Марковна сделать перерасчет за тепло и мусор, который отродясь никто не вывозит. Тогда, в тот прихожий майский день всё и началось. В тесном тамбурном коридоре подойти к двери бухгалтерии было делом невозможным. Только спустя три часа Полина Марковна добралась до нужной двери и торопливо отворила ее:

– Можно, Зинаида Семеновна?

– Снова вы приперлись со своим перерасчетом! Сколько вам твердить: нечего там считать. Все обчислено, все согласно инструкции.

– Но... Я в газете читала, что – не так... – пятась к двери.

Полина Марковна теперь жалела, что вообще пришла. Мысли, чувства, все куда-то исчезло, уступив место растерянности и ущербности собственного положения. Она съежилась, подспудно ожидая не столько удара, сколько пылающего костра отборного мата. Зная ее как «божий одуванчик», Зинаида Семеновна, которой, сказать прямо, надоели такие вот старухи, набросилась что называется всерьез.

– Вот видите, – это она, повернувшись, произнесла старшему мастеру, Марте Ивановне и девчонке, будущей мастерице Кате. — Ведь напьются, и давай права качать. Шла бы домой, непутевая. На себя взгляни, улочка подзаборная...

И, совсем расвирепев, когда Полина Марковна исчезала за дверью, бросила вдогонку:

– Чтобы духу твоего здесь не было, пьянь старая.

Полина Марковна услышала последние слова и схватилась за грудь. На глаза наплывал туман, а сердце нещадно рвалось наружу. За всю свою жизнь она не знала такого позора и обиды. Ощущения, как и чувства, то исчезают, то всплывают, все же проясняясь. Медленно, очень медленно она идет к выходу. В голове все плывет, но она должна отсюда уйти. Здесь, в этом коридоре еще хуже, но еще страшной встретиться с ней снова.

Выбравшись на свежий воздух, она продолжает идти, не обращая внимания на прохожих, которые косятся на шаткую походку старухи. Сутулясь, она идет, тяжело дышит, всем своим видом показывая, что несправедливо, страшно и жестоко ее обидели. За что? В глазах бессилие перед хамством, злостью, и потому она вынуждена подчиниться. С трудом находит ключ, вставляет его в замочную скважину и открывает дверь подъезда. Голова раскалывается от обиды, путаных мыслей и желания добраться до своей квартиры. То важное, что она несла в себе еще четыре часа назад, утеряно навсегда. Она еще не понимает, что произошло непоправимое, то самое, что будет преследовать ее до конца жизни. Ну а пока...

Открыв дверь квартиры, она скрывается в ней, при этом не обращая внимания на возглас соседки: «Что случилось, Марковна?» Спустя час, лежа на старом, потертом от времени диване, не снимая со лба мокрую тряпку, пытается сосредоточиться, понять, что же на самом деле произошло. И с ужасом понимает: она просто боится. Толстую, крашеную Зинаиду Семеновну, всех тех, кто находился в тот момент в кабинете. Но еще, и это чем она больше всего поражена – их люто ненавидит. «Значит, не зря о ней так говорили? Нет, этого не может быть!» – кричит разум, но пелена сумасшедшей ненависти, раскинув крылья, накрывает и его, вопящего, сейчас съжившегося, обреченного навсегда.

Полина Марковна снимает высохшую тряпку и медленно приподнимается. В ее глазах иное, совсем иное выражение, чем было два часа назад. Глазами она впивается в окно, как будто хочет прожечь стекло своим взглядом, шепчет:

– Нет, я еще определю вам кару. Эта кара будет страшная, намного хуже той, что преподал когда-то Господь. – Ее тонкие губы, сжавшись в узкую щелочку, напряжены, но через мгновение продолжают шептать: – Да будьте вы прокляты... Пусть вас постигнет самое страшное наказание. Да пусть ваш род сгинет. Да пусть...

Она долго, очень долго шепчет проклятия, не понимая, что они, отразившись от стен, медленно возвращаются к ней. Она не помнит, что все подлое и злое, все то, что делала когда-то людям, вернулось к ней и предстало в ее одиночестве.

Спустя год в ее квартире появился новый житель – кот Матрос, а еще через месяц две кошки – Муся и Пуся. Так теперь они и жили – она, шестидесятилетняя женщина, ненавидевшая людей, и три кошки. Но теперь ей есть, с кем разговаривать, есть, кому доверить свои мысли и надежды:

– Никто никогда не любил меня, – так начинает свое утро Полина Марковна. – Никто, даже покойная мама.

Полина Марковна, наверное, забыла, что ее мама умерла десять лет назад. В голове, мешаясь, выползают совсем не те мысли, которые должны здесь находиться. Сейчас, путаясь, она повторяет имена давно умерших людей, и ей кажется в этот миг, что они все живы. День и ночь, меняясь местами, постепенно меняют время бодрствования и мгновения сумеречного, полного страданий сна. Сна ли? Спустя час она, покормив кошек, продолжает свой монолог:

– Никто меня не понимает, никто меня не слышит. Правду где искать? Нет правды на этом свете, есть только вы, мои дорогие...

Полина Марковна, в халате, накинутом поверх ночнушки, хмурится, но Елене Борисовне ее жаль. Когда-то она была женщиной с высокой меркой собственного достоинства (?), а что теперь? Перед ней стоит дрожащая от холода старуха, стиснувшая губы, которая рукой ловит край почти прозрачной ночной рубашки. Что же произошло? Что стало тем камнем, за которым вниз полетели ее сердечность, принципиальность и немалое человеколюбие. Неужели всему виной, как она слышала, стало ее посещение ЖЭКа? Или это всему виной одиночество? В чем ее внезапная неприязнь к людям? Или...

Если вспомнить когда-то ею заученные слова Сенеки: «...Обычно мы стережем тех, кто в горе или в страхе, чтобы не дать им использовать во зло свое одиночество. Да и никого из людей неразумных не следует предоставлять самим себе...» «Боже! Что же делать?» – мелькают неподдельно пугающие Елену Борисовну мысли.

Полина Марковна молча повернулась, зашлепав облезлыми домашними тапочками, исчезла за дверью своей квартиры. Молча, не произнеся как обычно «Спокойной ночи», – будто она, ее соседка, – пустое место!

А Елена Борисовна, прижав к груди ладонь, звонит соседке этажом ниже, рассказывает о Полине Марковне и слышит то, что было спрятано в ее сердце.

– Да она всегда была такая. Ты что, только поняла? Подожди, то ли еще будет. Ты здесь живешь всего двадцать лет, а вот раньше она...

– Но она как узник в тюрьме! Надо ее спасать. Она больна! Понимаешь – психически больна!

– Да прекрати ты, Борисовна, ересь нести. Спасать! Кого, спрашивается, спасать, если она сама себя загнала в угол и не хочет оттуда выходить. Вон соседского, с первого этажа, парня вчера оскорбила за то, что он хотел только погладить ее кошку. А слова! Ты бы слышала! Хотя для твоих образованных ушей – это гадкие слова. Ты слышала, чтобы она в последнее время вспомнила о своем сыне, который в тюрьме десятый год? Молчишь?

Они еще долго обсуждают соседку, но никто из них так и не удосужился понять – почему? Как и то, как ей помочь.

А Полина Марковна, день за днем находясь в мире своих безумных грез, строит планы на будущее, которого в самом деле нет и не будет. К ней никто не приходит, никто не чинит ее кран, как и потухший навеки телевизор. Ночью, когда ей совсем худо, и страх, посетивший ее, не уходит, а призрак в белом – смерть, почти рядом, она, прижав к себе теплое тельце кота, шепчет... Никто бы не смог понять ее шепота, как и то, зачем она по нескольку раз за день переодевается. А к утру, когда стрелки часов прилепятся к цифре пять, она ложится спать. Но это не сон, а все та же беспокойная дрема. В ней она просит Его о заступничестве, о том, как ей трудно, как тяжело жить, если тебя не понимают, а еще хуже – не слышат. В своей дреме она рассказывает Ему о прошедшем дне, о том, как котенок Пушок перевернул чашку с прокишшим чаем, а еще она смеется и шепчет, шепчет...

Так проходит год, за ним еще один и еще. Кошки, расплодившись, чувствуют себя полновластными хозяевами, а та, которая их кормит, едва передвигает ногами и все так же вслух шепчет:

– Пенсию мне недодают. А спросить не у кого. Пойти на почту? Да Бог с нею. Еще припрутся следом, и тогда...

Ночью она стонет, кричит, но не слышит своего крика, как его, наверно, не слышит никто, хотя рядом через стену живут люди. Полина Марковна с трудом вспоминает, когда к ней приходил в последний раз почтальон и приходил ли вообще. Она забыла, как в последний раз, это было месяц назад, почтальонша, с трудом достучавшись до нее, отскочила в испуге в сторону.

– Вы! Боже мой...

Больше она не произнесла ни слова. Да и что было произнести, глядя на худое, изнеможенное лицо, ее давно невымытые, взлохмаченные волосы. Но главное, что поразило: тяжелый, мерзкий запах, пробиравшийся из-за приоткрытой двери квартиры. Почтальону страшно. Жутко, в кишасей кошками квартире, где сумрак и невыносимая вонь. Каждая деталь этого жилища – это смысл жизни, а вонь... Не худший из возможных запахов...

Но еду необходимо покупать, и Полина Марковна, прячась от соседей, идет в магазин, где ее знают в лицо и, прижав к носу ладонь, стараются обслужить быстро. Протягивая лихорадочным движением руки мятые купюры продавцу, берет покупки, нагруженная, идет домой.

По дороге к дому она жалеет себя, одинокую, брошенную людьми женщину, и ждет беды. Вот от тех замыганных мужиков, что пьют пиво. От детворы, провожающих ее злыми, совсем не детскими взглядами. А еще больше – от таких же женщин, как и она. Она боится полных женщин, похожих на старшего мастера Зинаиду Семеновну. Она боится всех! Проскальзывая мимо своего, заросшего бурьяном участка, не обращает на него внимание. Зачем? Теперь он ей совсем не нужен. Ее сгорбленная, тощая фигура явно здесь не уместна. В ее голове страх, отчаяние, на губах – непонятные прохожим восклицания. Она – отверженная по своей собственной воле, по своим прошлым поступкам.

Вернувшись, Полина Марковна рассыпает по блюдам корм и слышит, как трещит в зубах кошек Вискас. Они любят этот корм, они знают, что та, которая их кормит, принесет еще. А Полина Марковна, присев на загаженный кошачьей шерстью диван, улыбается, глядя на своих питомцев. Ей приятно, ей так хорошо.

Когда обед был окончен, она тяжело поднимается и подходит к серванту. Дрожащими пальцами достает альбом с фотографиями и, раскрыв его, застывает. По ее щекам текут слезы, а руки нервным лихорадочным движением гладят пожелтевшие снимки. Но минутой позже в ее глазах что-то происходит. Она швыряет фотографии на пол, а потом, нагнувшись, рвет их на мелкие части.

Неожиданно из носа появляется кровь. Размазывая ее по лицу, она устало садится на диван и окровавленными ладонями гладит свою любимицу кошку Мусю. Кошки, копошась у ее ног, безразлично топчут лапами остатки того, что было так дорого их хозяйке еще совсем недавно.

Послесловие...

Солнце не может пробиться сквозь пыльные шторы в окнах угловой квартиры. А там все страшно, впрочем, для людей обыденно. Среди мисок, чашек и разбросанных по полу вещей и кусочков фотографий лежит старая, одинокая женщина. Она мертва вот уже пятый день.

Кошки, а их много, понемногу сходят с ума в поиске еды. Визжащее безумие в поиске выхода. Они царапают остекленевшие глаза покойной, дико кричат, дерутся между собой, но кто это слышит? Из квартиры, из-за двойной металлической двери на площадку не доносится ни звука...

А соседи? Разве они не заметили, что из квартиры напротив никто не появляется больше недели? Они безразличны, ибо та, кто там живет, безразлична к ним. Она одинокая, угрюмая старуха, разорвавшая маломальские связи со всеми.

Задержавшись на миг, солнце продолжает свой обычный путь, чтобы завтра снова вернуться к этому дому. Но и завтра, и послезавтра, и через месяц все будет именно так, как и сегодня. И только когда придет долгожданный праздник детворы – первый звонок, только тогда о ней вспомнят, ее найдут.

Виктор ПАНЬКО

Алё! Почём сегодня таланты?

Рассказ

Павел Николаевич, музыкальный руководитель, или, вернее сказать, воспитатель сельского детского сада (это знает в нашем селе каждый житель) с самого раннего детства любит музыку, песенный фольклор и всю свою жизнь занят поисками родственников ему по этому увлечению людей.

Возможно, делает он это в память о безвременно ушедшей матери, Лидии Фоминичны, женщины добросердечной, известной в своё время певуни, знавшей множество украинских народных песен.

Ну а если добавить, что эта его любовь подпитывалась ещё и искренним интересом к разным вокально-инструментальным тонкостям, который он развивал во время своей учёбы в Сорокском культпросветучилище, овладевая теоретическими познаниями в области бемолей, диезов и других премудростей нотной грамоты, да ещё и владением разными музыкальными инструментами, то вы можете себе представить портрет этого человека.

Может быть, вам покажется, что я чересчур сгустил краски, нарисовав этот радужный портрет, но в таком случае я вынужден буду сделать вывод о том, извините, что вы, вероятно, понятия не имеете, какие у нас в Дануле были когда-то музыканты, какое чувство возникало у человека, даже весьма далёкого от музыки, когда духовой оркестр сыграет на свадьбе марш «Прощание Славянки» или вальс «Амурские волны», или «Булгэряску», или молдавскую «Сырбу», или давно уже забытую «Молдовеняску», которую кое-кто не прочь бы переименовать сегодня в «Ромыняску».

Эге-ге! Если бы вы слышали эту музыку оркестра под управлением Георгия Панько или Гавриила Нагорняка, известного по более привычному имени «Гавруша», или Ефимия Деревянского. Когда всё у тебя внутри дрожит от вибрации, и это – не вибрация физического воздействия звуковых волн, а вибрация сильного глубокого чувства и восприимчивой человеческой души. В нашем Дануле каждый второй человек – талантлив в какой-либо сфере, а если я переборщил в этом своём умозаключении, то – пусть. Но тогда вы не уклоняйтесь, как поступают некоторые, от службы в нашей Национальной армии, а идите служить в Бельцкую бригаду инфантерии, и тогда вы узнаете, что представляет собой военный духовой оркестр под управлением Ивана Петровича Урсу, нашего земляка. Кстати, он, Иван Петрович, как и Ефимий Иванович Деревянский, окончил консерваторию в Кишинёве, а без любви к музыке, согласитесь, сделать это уж никак невозможно.

Но если и это не убедит вас в том, что наш Данул – настоящий кладёз талантов, то добавлю, что наш земляк Олег Цыбулько недавно занял на престижном Международном конкурсе имени Глинки в Москве как оперный певец третье место из более ста участников и стал лауреатом! Ну как? А наша землячка Мария Букачарь в той же самой Москве успешно гастролирует в ансамбле «Пропаганда».

А наш, совсем, впрочем, молодой, Сергей Бабуч руководит в Киеве топ-оркестром из 20 музыкантов и побывал с ними с концертами аж в самом Китае!

Что? Ага?!

И вы думаете, что таких высоких результатов в своей творческой деятельности эти талантливые люди смогли бы добиться просто так, сами по себе, так сказать, «индивидуально», без поддержки, пусть самой микроскопической и пусть даже только в виде слов одобрения или похвалы соседей, восхищённых родственников и даже кумовьёв, которые в наших местах пользуются ещё до сих пор уважением и почётом? Нет, не смогли бы. Как сказал один известный в прошлом и усердно замалчиваемый в настоящее время философ, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». И он прав! Потому что музыкант нуждается, во-первых, в учителе-наставнике, а во-вторых, – в слушателе. И если этих «во-первых» и «во-вторых» не будет, то и любой талант завянет, как вянут срезанные розы в цветочном магазине под названием «Живые цветы».

Да-а-а...

Талант без внимательного и бережного к нему отношения окружающих, без поддержки и восхищения им, особенно в детские годы, когда он у человека, способного к творчеству, развивается бурно, так и останется в зачаточном состоянии, увянет, атрофируется и исчезнет.

Мне очень нравится одна притча, не помню, где я её услышал или вычитал. В ней говорится, что однажды Господь и святой Пётр решили обозреть состояние дел на Земле и пролетали вдвоём над разными городами, сёлами, деревнями и хуторами. Наподобие инспекторской проверки. Летят они, значит, над одним южным городом и видят в центре его большой базар. Господь Бог и говорит:

– Мэй, Петре, ты видишь вон того человека, что торгует рядом с большой кучей арбузов?

– Да, вижу!

– Так знай, этот человек – выдающийся на Земле военачальник. Если бы он захотел, то мог бы победить любых врагов и стать властелином всего мира, такие у него большие способности!

– О-го-го! Сильно! Такой он талантливый? Так почему же, Господи, он торгует арбузами в этом маленьком захудалом городишке?

– А-а-а, Петрикэ, ведь он-то не знает, на что способен, поэтому и торгует!

Такая вот замечательная притча...

Было бы хорошо, если бы каждый человек знал о своих способностях, да и встречал бы на своём жизненном пути таких людей, которые помогли бы ему обратить на эти способности его внимание! Именно такой человек наш Павел Николаевич Мотря, музыкальный руководитель детского сада, который десятилетиями стремится выявить и развить способности каждого маленького человечка, следит за его ростом и успехами, приобретает необходимые видеозаписи, организует утренники и концерты. И делает это по той простой причине, что получает удовольствие от этой работы, вкладывая в неё свою душу.

И вот тут самое время ввести в наше повествование образ кума.

«Ну и при чём же тут кум?» – спросите вы.

Правильный вопрос. Поговорим о куме, но не сразу. Без некоторых комментариев так просто к его личности не подступиться.

Но сначала я задам вам вопрос. Почему в последние лет двадцать мы ничего, говоря о талантливых людях, не слышим о таком незаурядном человеке, как писатель Алексей Максимович Горький? А ведь он оставил, не имея ни одного класса начального, среднего или высшего образования, как считалось раньше, глубокий след в мировой литературе, стал признанным академиком. Его именем назван самый главный институт, обучающий литературному мастерству талантливых писателей – Московский литературный институт имени А.М.Горького. Вряд ли вы знаете ответ на этот вопрос. А у меня вот позавчера ночью возникла догадка. Такое, знаете, прозрение. Потому, подумал я, что в условиях рыночной экономики происходят своеобразные вещи, не всегда укладывающиеся в рамки здравого смысла, порядочности и честности. Ещё Анахарсис, древнегреческий философ, происходивший из скифов, родом откуда-то из наших мест, ещё за 400 лет до нашей эры сказал: «Рынок – это место, специально предназначенное для того, чтобы люди обманывали и обкрадывали друг друга». А мы, как известно, всеми фибрами каких-то душ стремимся к этой самой рыночной экономике, то есть – к рынку. И для чего, вы думаете, мы к этому рынку стремимся? Читайте Анахарсиса.

В условиях рыночной экономики и широкой однобокой демократии, предполагающей неограниченную свободу для владельцев долларов, евро и леев во всех областях нашей жизни, как-то неудобно упоминать такие произведения Горького, как «Город жёлтого дьявола» и «Песня о Буревестнике». По-видимому, жёлтый дьявол уже превратился в жёлтого бога, а о Буре пока ничего не слышно и в скором времени как будто бы не предвидится, так что и Буревестник устарел, да и сам Горький вместе с этой нехорошей птицей, считает кое-кто, забывая о Священном Писании – «пути Господни неисповедимы».

И вот как раз к теме жёлтого дьявола, то есть к теме денег в нашей жизни, и приближаемся мы постепенно, рассказывая об этом самом куме. Во-первых, мне ни в коем случае не хотелось бы называть его имени. Мой кум, благодаря своему священному праву на свободомыслие, считает, во-первых, что у нас сегодня всё продаётся и всё покупается. С этой мыслью, как ни крути, приходится, скрепя сердце, согласиться и нам. Во-вторых, он, исходя из первого тезиса, считает, что нет теперь в нашей жизни такого человека, который способен сделать что-либо для блага своего ближнего бескорыстно и бесплатно, а также – по велению души и сердца из элементарных соображений доброжелательности, искренности, порядочности и сочувствия.

Но вот тут-то кум и дал маху! Да такого маху! Слава Богу, что у Павла Николаевича – море кумовьёв и разных ближних и дальних родственников, и тот кум, я думаю, конечно, затеряется в таком их большом количестве.

Если честно сказать, я даже и сам не уверен, приходится эта личность Павлу Николаевичу кумом, соседом или обыкновенным простым односельчанином. Но вы же знаете, что литературное произведение немного отличается от реальной жизни и поэтому предполагает фантазию. Как раз по литературным соображениям очень удобно считать этого типа, о котором идет речь, именно кумом, а не нанашком, фином, сватом, братом или племянником. Почему – узнаете немного позже.

Я хотел назвать это своё произведение «Рассказ о том, как поссорился Павел Николаевич со своим кумом», но затем своевременно вспомнил, что подобная повесть уже была написана на эту тему автором,

значительно более талантливым, чем ваш покорный слуга, и, вздохнув, отказался от этого намерения. Но отказаться от слова «кум» так и не смог. Простите великодушно!

А то, что герои нашего повествования поссорились, это точно.

Дело было вот как.

В один прекрасный летний день этот самый кум привёл в детский сад свою маленькую дочурку, которая, естественно, является крестной дочерью музыкального руководителя Павла Николаевича. У девочки обнаружились блестящие музыкальные способности: отличный слух, превосходная память и звонкий серебряный голосочек. И Павел Николаевич стал уделять ей повышенное внимание, как, впрочем, и другим одаренным детям. Делал он это от души, не претендуя ни на какие гонорары, дополнительную оплату и т.д. Просто ему нравилось помогать раскрываться юному дарованию. Хотя, чем это может кончиться, он и предположить не мог.

Стала девочка выступать. Сначала – с другими детьми. Потом – отдельно. Сначала перед родителями, в детсаду. Потом – перед учащимися лица и даже на каком-то районном празднике или фестивале. Были аплодисменты, успех. Пока не произошел этот самый конфликт, который можно в этом рассказе расценивать как кульминацию, или развязку.

Собрались однажды утром несколько человек, кумовья и соседи, на сенокос, помогать друг другу в заготовке корма на зиму скотине. Так в селе принято.

Косили, значит, косили. Закончили косить и сели отдохнуть. Закусили. Выпили. То ли под воздействием паров, то ли от усталости, то ли по каким другим причинам, но кум заикнулся на одной идее-фикс.

– А скажи-ка, Павел Николаевич, – спросил он, икая, – что ты имеешь с музыкального таланта моей дочери?

Павел Николаевич поначалу не придал значения вопросу.

– Ничего не имею. А что я могу иметь?

– А вот я – не верю, – упёрся кум. – Не верю, и всё! Она у меня способная! И может быть артисткой. А артистам платят деньги. И тебе тоже, наверно, платят деньги за эти концерты. Признавайся!

– Да ничего мне не платят! Я за свою работу зарплату получаю.

– Да не верю я! – распался кум. – Моя дочь – талант! Где такую, как она, найдёшь? А вам нужно, чтобы кто-то на утренниках выступал, на концертах. Значит – выгодно. А где выгодно – там деньги, это всем известно! Ты что-то от меня скрываешь!

– Да не скрываю я! Просто хочу помочь. Да и денег у тебя, кум, за дополнительные занятия никогда не просил, мне и в голову это не приходило! Своё личное время трачу. Заметь – бескорыстно. Помочь ей хочу...

– Смотри ты! Бескорыстно! Где теперь найдёшь бескорыстного человека?! Что ты мне мозги пудришь, что я тебе – пацан? Признавайся!

От неожиданных беспочвенных и диких обвинений у Павла Николаевича перехватило дыхание, обида подступала из груди к пересохшему горлу горьковатым, видно, от желчи, комом. Он смотрел на кума широко открытыми глазами, не понимая, шутит тот или всерьёз выдвигает эти абсурдные обвинения, затем заметил повышенный интерес к этому разговору всех присутствующих, понял, что комок застрял в горле, резко встал, взял косу и ушёл домой, не попрощавшись.

... На следующее утро Павел Николаевич встретил кума. Тот выглядел трезвым и, видимо, не помня вчерашнего инцидента, махнул Павлу рукой:

– Привет, кум!

Павел промолчал.

– Привет, говорю!

Надо было что-то ответить.

И он ответил:

– Вы знаете, куме, коли я бачу вас, мени хочется рыгати!*

* (укр.) Вы знаете, кум, когда я вас вижу, мне хочется рыгать!

Валерий РЕНИЦЭ

Взятка Богу

Первый джинсовый костюм я приобрёл в Кишинёве. Хотя, если быть до конца честным, то костюма я не покупал, а собирал по частям. Джинсы купил у штатного фарцовщика на факультете. Добротные, потёртые, светло-голубого цвета. Правда, секонд-хэнд. А потом, на втором или третьем курсе, подвернулась подходящая куртка, которую я то и дело одалживал у соседа по общежитию и носил как свою. Я рассказываю с такой аккуратностью про джинсовую ткань, потому что она очень органично вяжется в моих воспоминаниях с понятием свободы. Такой, какой мы её воспринимали за десять лет до перестройки. Жёсткий и в то же время легкий котон, густого цвета спекулянтской синьки или небесной расцветки был бессленной приметой американских фильмов того времени.

Свои лучшие джинсы, «Леви Страусс», цвета вечернего моря, в плотной материи которых угадывались белые крапинки, я купил у болгарского дальнобойщика. Я долго торговался у открытой кабины длинной фуры, что стояла под разгрузку у железнодорожного склада в окрестностях Кишинёва, и он сбросил в конце концов три червонца. Из-за джинсов я приехал к своим отдыхающим в Сергеевке родителям на автобусе. Они каждый год в июле снимали на неделю комнатушку в одноэтажном доме. В ней жили мать с сестрёнкой, а мы с отцом и братом Васей, царство ему небесное, в военной палатке. Под тентом цвета хаки я показал брату мои первые настоящие джинсы. Я установил их посреди шатра. Штанины стояли очень туго, как две водосточные трубы. Брат качал головой и удивлялся. Он уже знал, что если хлопковые штаны стоят, то это настоящие джинсы, а не самопал. Для верности он взял обмокшую во рту спичку и осторожно протер добела место сгиба наизнанку, одоббив кивком строгий шов восьмеркой.

Папа был начальником – председателем сельпо, а мама фельдшером-акушером. Тем не менее образ жизни нашей семьи был крестьянским. Собираясь на море, папа цеплял к старенькой «Волге» самодельный прицеп, в который он с нашей помощью загружал необходимое для отдыха барахло и запасы на неделю: пару ящиков помидоров и огурцов, вёдра с яблоками и абрикосами, кастрюли с овечьей брынзой и соленьями, лук и прочую зелень, а также домашнюю птицу в специальной клетке. Покупать всё это на курортном базаре было слишком дорогим удовольствием. Пятидесятилитровый бочонок красного сухого гибридного вина устанавливался с огромной осторожностью. Отец лично проверял узлы бечёвки, для пушей верности натягивал концы и с удовольствием хлопал ладошкой по дубовому бочонку.

Вечерами родители засиживались за стаканчиком вина со своими новыми знакомыми. Мы гуляли до утра на танцплощадках, где длинноволосые музыканты орали неприличные одесские припевы, а потом обнимались с девчонками в прибрежных беседках. Смесь морского воздуха, жёлто-коричневого песка и голубой джинсовой ткани навсегда сохранилась в моей памяти. Такое же чувство я испытал два десятилетия спустя в порту Сан-Диего в компании бывших молдавских журналистов, которые решили поменять страну и жизнь. Происходившее слегка отличалось от облезлой Сергеевки, но парад белых парусов на берегу Тихого океана, разноцветные лавки с безделушками и джинсовые шорты на загорелых ногах отдыхающих пробудили во мне светло-джинсовые воспоминания о семидесятых. С берегов советской действительности Америка выглядела привлекательней. Потом наступало утро с едкой морской свежестью, новизной красок и золотым пляжем, которое быстро приводило в чувство. Оно придавало, заодно с наспех проглоченными бутербродами и чаем, новые жизненные силы.

В моей магале на берегу притока речки Лэпушница, который мы называли «рыпой», меня называли «хохлому». Хохлом я был всего три месяца, когда мать, в возрасте пяти лет, решила меня отдать на лето к родным в небольшое село Винницкой области. В масштабе огромной страны расстояния казались намного меньше, да и само понятие самостоятельных республик было весьма размытым. Нас не разъединяли границы и государственные идеологии. Те несколько десятков километров, что отделяли малую родину матери от Днестра, ничего не значили. Требовалось всего два часа езды до Ямполья и около двадцати копеек, чтобы паромом попасть в молдавскую Сороку. Сейчас на пути из Украины в Молдову появились непреодолимая наглость таможенников с обеих сторон и свободопахнущий приднестровский сепаратизм.

В то лето, когда меня впервые оставили у дедушки, Григория Валявского, я столкнулся с совершенно новой языковой средой. Через два месяца натиск маленьких украинских дразнил ослаб. Не сбылось и пророчество беззубой «тёти Мотры», которая была уверена, что «худющий як скрипка мулдуван» пойдет

домой пешком, даже если его будут исправно кормить салом, варениками с картошкой и поить парным молоком. Через три месяца я сразил молдавскую родню своей украинской мовой, которая выражалась в напрочь забытом молдавском и в обращении «Михайло» к своему дяде Михаяу.

Спустя годы я снова проверил на прочность свой интернационализм. Я готовился к экзаменам в Политехнический институт, и отец пристроил меня в еврейскую семью на Малой Малине. Мне выделили отдельную комнату с невысоким столом и настольной лампой. Друг отца – дядя Лёва, и его семья почтительно отнеслись к намерениям сельского гостя стать электрофизиком. Я завтракал и ужинал вместе с ними, а обедал в городе. После одиннадцати нужно было ехать на Рышкановку в новые корпуса института, где наши будущие преподаватели давали консультации. Вечером, перед ужином, сын дяди Лёвы приглашал меня на свои тренировки. Он подтягивался на самодельном турнике, поднимал штангу, а потом долго вытирал голый торс полотенцем и деловито начинал разговор: «Иногда мне ужасно хочется выйти на улицу и дать по морде этим кишинёвцам». Не знаю, что было на уме у этого юного еврея, но его слова звучали неестественно в этом тихом дворике, где всегда пахло жареным луком и перегоревшим сахаром.

К тому времени евреи рвались из Советского Союза, и это было для меня, по меньшей мере, политически соблазнительно. Я не знал про гетто и Холокост. Я не знал, что перед двумя большими войнами, которые потрясли мир в двадцатом веке, евреи составляли большинство населения Одессы и Ясс. Если разобраться, то я ничего не знал о евреях, кроме того, что они живут среди нас, и они мне казались не лучше и не хуже других. Хотя позже, рассказывая о том, что я жил некоторое время в еврейской семье, я слышал странные замечания: «Как, и тебе не претил их запах?» «Ты ел с ними за одним столом?» И, конечно, не раз от наших братьев-христиан звучало знакомое: «Они распяли Христа...»

Я вспоминаю первого еврея, которого я увидел в своей жизни – скупщика тряпья и хлама. Его каруца размеренно скрипела по пыльным улочкам, и раздавался знакомый голос: «Кырпе, кырпе! Балоане, сынялэ!» За старые вещи он давал детям разноцветные шары, взрослым – синьку, которую хозяйки добавляли в известь. Он всегда появлялся в первые весенние дни, до великого праздника Пасхи, когда хозяйки готовят свои жилища к новому хозяйственному году. Может быть, у старого еврея был и другой товар для обмена?! Не знаю. Его незатейливая торговля была понятной и взаимовыгодной. После ухода жида, как называли за глаза тряпичника некоторые из нас, ветер носил синие и красные шары, а дворы пахли свежей известью.

Сохранилась чёрно-белая фотография, где я, в байковом костюмчике, босой, стою возле дубовой двери на широком каменном пороге нашей школы. Мы становимся мужчинами, но если помним детство и свою мечту – тогда у нас остается тихая гавань – гавань спасения. Наверное, потому я не перестаю любить Чёрное море. Моё детство пришлось на мирное и сытое время. Мы постоянно чувствовали контраст, потому что в памяти родителей, а особенно дедов, ещё жила война, голод и ссылки. Богу показалось, что сорок лет относительного достатка слишком много для молдавского края.

В 1985 году молдаване узнали о новом правителе – Горбачёве. Стала меняться не только Молдова, но и весь мир.

Яссы – Пятра Нямц

Второй джинсовый костюм я купил в Яссах. Прошло чуть больше года после румынской революции. Люди пытались свыкнуться с неожиданно обрушившейся на них свободой. С голодухи и хронического дефицита румыны гребли всё, что везли молдаване на продажу в свою бывшую, средневековую столицу Яссы: запасные части для «москвичей» и «жигулей», швейные и стиральные машины, шубы и газовые баллоны.

Я мёрз за прилавком на рынке Хала Централэ и пытался продать виниловые пластинки с записями Битлз и три шапки на заячем меху. Я осваивал профессию бабушки, которая всю жизнь что-то продавала на базаре в соседнем селе, так как на одну пенсию прожить ей было невозможно. В Яссах я появился в составе кишинёвской делегации писателей и журналистов. Дома меня еще не печатали, поэтому я приехал на день раньше, чтобы как-то заработать.

Двое подростков, неплохо одетых, предложили сбыть мои шапки под совсем скромный процент. Я сразу согласился, но через некоторое время понял, что опростоволосился. Как мне объяснили, на рынке орудовал «отряд куманов» и связываться с ним было небезопасно. Речь шла не о цыганах, а именно о куманах. Тысячелетием раньше прибывшие из Азии, куманы основали, оказывается, своё царство рядом с молдавскими землями, выживая соседей. Позже они и стали валахами или цыганами, кто знает?

Я нащупал в кармане выручку с десятка проданных пластинок и, решив больше не испытывать судьбу, пошёл искать своих молдаван, которые отправились учиться грамоте. Тогда ещё не было заключённых правительственных соглашений об обучении и обеспечении стипендиями лучшей части молдавской молодежи в румынских лицеях и высших учебных заведениях. Прибывшие после учёбы в Кишинёв первые орумыненные студенты строго спросили с порога, почему в их отсутствие граждане Молдовы ещё не стали румынами. Это начиналось на моих глазах, в Яссах.

За полгода молдаванин, даже если ему 20 лет, мало меняется, поэтому земляки приняли меня добродушно. Я, как истинный сурученец, запасся домашним вином, а местная колбаса мало чем отличалась от советской. Мы соорудили на одной из кроватей наш небогатый стол. Не исключаю, что этот январский вечер 1990 года, отуманенный сурученским вином, и был первым заседанием Альянса за Европейскую интеграцию.

Второе заседание АЕИ, через двадцать лет, проходило без меня. На первой встрече не было тостов за Великую Румынию, не было никакого пафоса и слов восхваления. В памяти остался сладкий привкус вина – прекрасного гибрида «Лидии» и «Молдовы». Мы говорили о потенциале здешних профессоров, и те, кто успел проучиться в Кишинёве год-два, пускались в осторожные сравнения.

По тому, как мои земляки были одеты, как тянули руки к столу и как прикладывались к бокалу, было ясно, что голод и холод они испытывают наряду с румынами, что уехали они из сытой и богатой страны ради какой-то зыбкой перспективы. Но они угадали!.. Или угадали их политически зрелые родители, которые уже писали под столом реквием по большой стране. Кто-то из их наставников в Вашингтоне уже знал, что за румынским социализмом падёт советский. Через румынскую диаспору в США эти сведения просачивались к тем, кто желал мне здоровья за общежитским столом. Отправившись в Румынию в конце 80-х, они догадывались, что вернутся не в МССР, а в другую страну, и что им предстоит сорвать большой куш. Ничего такого я тогда не знал. В тот памятный вечер участники застолья больше интересовались стихами румынских поэтов-диссидентов да двумя робкими, как лань, девушками с севера Молдовы, у которых от вина нарисовался румянец на бледных щеках.

Оставшиеся пластинки мне помог продать молодой ясский литератор, имя которого сегодня мало что значит для румынского Парнаса. Он был гидом нашей делегации, гоняя нас по проторенным туристическим маршрутам с перерывами на обед и покупки. Я искренне удивился пристанищу Иона Крянгэ, где он принимал Михая Еминеску. Стоять в той лачуге не мог даже я при моём скромном росте. Я подозревал, что из-за тесноты могучий Крянгэ сносил всё на своём пути, в том числе и глиняные миски со знаменитыми плациндами и сармалуцами Смаранды. Вечером мы уже сидели в знаменитом клубе ясской богемы «Каса Погор». Наши запрутские братья разливали в прозрачные бутылки нежное вино «Мускат Отонелл». Далеко за полночь в «Каса Погор» звучали стихи, играли лэутары и, как в знаменитых финалах сказок Крянгэ, лились реки прекрасного вина.

Перед отправкой в Пятра Нямц наш гид отрапортовал, как ушли пластинки и по какой цене. Он вручил мне деньги и отказался от процента. Как все-таки изменились румынские дельцы лет за десять после моей торгово-культурной миссии на берегу Бахлуя! Я опять ударился в торговлю и рискнул в конце 90-х отдать румынскому бизнесмену на реализацию три тонны молдавского сахара. Только потом я сообразил, что этот бизнесмен очень походил на одного из тех мошенников, которые украли мои шапки в Хала Централэ.

Я бережно храню воспоминания о Пятра Нямц, этом чистом, наполненном горным воздухом городке. Он окружен с трёх сторон высокими горами и похож на чашу с чёрными краями, наполненную благоухающими лепестками роз, которую хочется схватить. Нас устроили в пятизвёздочном отеле – в Гостином доме Чаушеску, построенном двумя годами раньше румынской революции. Блеск спален и туалетных комнат меня ошарашил. Три года спустя я остановился в нью-йоркском гостиничном апартаменте с невообразимой платой за одну ночь в рамках государственной туристической программы США. Может, я что-то подзабыл, но по роскоши Гостиный дом в Пятра Нямц ничем не уступал шедевру американской гостиничной архитектуры.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не завернуть в эти места, когда ееду дорогой через Брашов.

Мне запомнился монастырь Агапия, что расположен близко к Пятра Нямц. Нас проводил к старцу монах, стихи которого мы слышали на встрече с читателями в муниципальной библиотеке. Служители монастыря, одетые в чёрное, двигались как живая ртуть. Обед был королевским. К столу подали простые деревенские блюда, которые я обожал: круги мамалыги на толстых досках, как жёлтые солнца, зама, а по желанию, борщ со свиными ребрами и свежей капустой, молдавский омлет – скроб со шкварками,

солёные красные помидоры, грозящие разорваться от переполняющего их сока, и сухое красное вино, напоминающее по вкусу сурученский гибрид.

По пути домой я остановился в Яссах, где в одном из магазинов купил джинсовый костюм. Хотя в его расцветке не хватало оригинальной голубизны, куртка была добротной и тёплой, как раз по погоде. Сопровождал нас молодой худощавый человек на иномарке. Его коллеги по юридическому факультету говорили, что он неплохо разбирается не только в университетских науках, но и в жизни. Парень уже успел сколотить небольшой капитал на приграничной торговле. Это был наш будущий премьер...

Одесса

После рождения третьего ребёнка джинсы мне стала покупать жена. Последние были в меру узкие и в меру распоротые, так чтобы сильно не контрастировать с моим возрастом. Жена предпочитает классический стиль, но уважает моё сопротивление галстукам и пиджакам. Именно в этих джинсах я и поехал однажды в Одессу.

Мы вместе с моим другом ехали на стареньком джипе, и я то и дело всматривался в цвет джинсов. Тоска по настоящему пиву сокрушала наши сердца, и мы стоически переносили проверку на таможах. Моя «Хонда», как мудрая лошадь, устремлялась в сторону первого украинского поселения через Днестр, а потом на всей скорости к заветному городу. В Одессу, к морю!.. Мы полгода рвались в эту крепость. С некоторых пор у нас появилось много свободного времени и много преданных друзей: Бунин, Паустовский, Бабель и, конечно, Куприн. На горизонте немедленно появился и знаменитый погребок «Гамбринус».

Попав впервые в это заведение, на углу вице-адмирала Жукова и Дерибасовской, мы заказали пиво в тяжелых бокалах, ледяную водку и «Шаланды, полные кефали». Мы вглядывались в стены подвала и еле удерживались от желания задать вопрос, который привел двоих уже не юных молдо-украинцев в знаменитую пивную. Мы увидели и сцену, на которой (как нам казалось) когда-то играл волшебник – Сашка-музыкант. После третьего бокала, пользуясь галантностью или нерасторопностью моего друга, я подозвал официантку и вместо очередного заказа задал ей вопрос, ради которого мы и приехали в Одессу: «А за каким столиком сидел Куприн?» Ее безразличные глаза потухли. Последовала нудная и, видимо, давно заготовленная история о кочующем «Гамбринусе». Разочарование было настолько глубоким, что было решено порвать с этим городом навсегда.

Мы определенно недооценивали одесситов! Мы подозревали их в нечестности и циничности, понимая, что одесские официанты могут обвести нас вокруг пальца, подать как свежую разогретую трехдневную картошку и оглушить убойным счётом. Но чтобы, вот так вероломно кинуть в нашу душу куском тухлой рульки?! Оказывается, сайт «Гамбринуса» был рассчитан на наивных. Нет, разнообразное меню существовало на самом деле, и в подвальных колонках раздавались, как на самом сайте, песни Утесова... Не сохранился не только столик Куприна, но и сам подвал подменили незаметно для несведущих... Оказывается, после войны «Гамбринус» передвинулся к центру старого города – поближе к богатым клиентам.

Так развеялась мечта попить пива за столами знаменитостей. Но мы не были снобами... Мы приезжали в город дешёвого золота и вкусной рыбы ещё и ещё, пока в одно похмельное утро в недорогом гостевом доме «Де Ришелье» мы спросили себя, а что собственно нас тянет сюда? В Кишинёве нет моря, но и в Одессе мы его почти не видим... У нас что, хуже готовят? У нас что, нет старого города? У нас что, нет своего хорошего пива? На последний вопрос мы ответили сразу, в то же утро. Пускай не обижаются на нас молдавские пивовары, но такого пива, как в «Люсдорфе», ресторане со своей пивоварней, мы в Кишинёве не пробовали. Но в конце концов не ради одного же пива мы снаряжали каждый месяц экспедицию для очередного набега на порт...

Вряд ли это был литературный вопрос, так как литераторами в то время не был ни я, ни мой друг. Дикий молдавский капитализм давно уже заставил нас предать своё филологическое образование. Так почему же нас манила Одесса? Мы не романтики. И в Молдове вряд ли найдется хоть один романтик. Власть доморощенных олигархов и политического туризма давно заставила нас уйти в себя или за границу. Под впечатлением эзотерической литературы я попытался объяснить другу, что, оказывается, там, возле моря, мы становимся самими собой и нам удастся главное в жизни – поуправлять реальностью. Ведь счастье заключается в том, чтобы жить так, как хочется, чтобы нам не мешали умными советами и давали заниматься любимым делом. Я полагал, что, оторвавшись от нескончаемых дел, от работы, которую нужно делать за деньги, мы переступали не порог гамбринусов, а царства свободы. И, может быть, воображаемый берег моря усиливал это ощущение. Моя философия была скорее временным или частич-

ным решением вопроса. В следующий раз, говорили мы себе, мы поедem в другой погребок – «Трубадур» или «Пивной Сад», и новые ощущения подтолкнут нас к ответу.

Моих родителей уже нет в живых. Несколько лет назад я похоронил своего любимого брата Васю. Он снял на время погoны полицейского и устроился шофёром на микроавтобус, чтобы дважды в неделю возить посылки и деньги наших итальянских гастарбайтеров по маршруту Кишинёв – Анкона. Он погиб ночью, недалеко от румынского городка Сфынтул Георге... Брат уже проехал горные серпантины в районе Брашова и потом доверил руль своему сменщику, молодому водителю. На краю дороги, возле высокого тополя, в который врезался микроавтобус, стоит памятный крест. Несколько раз я бывал в тех местах. Я зажигаю крохотную лампадку, сажусь на траву и вспоминаю Сергеевку. Мне уже не забыть чарующих мгновений, когда мы разглядывали сквозь желтый свет палатки стоящие джинсы... Его дочь работает в Италии, в том самом городке, куда он возил посылки для родных.

Думая о брате и о молдавских шоферах, которые проезжают этот маршрут, я иногда ловлю себя на мысли, что они проделывают тот же путь, которым пришли в наши края предки молдаван с Марамурештских гор. Они охотились вдоль дороги то ли на зубра, то ли на татар – своеобразных заднеcтровских рэкетиров. Дети, старики и огромные отары овец, «бэлцате», охраняемые большими, умными псами, шли за ними. Они кочевали медленнее сегодняшних микроавтобусов, но всё равно в назначенный день их поджидала на дороге смерть. Так, наверное, заведено на небесах, чтобы дорога от восточных Карпатских гор до Лэпушны и Орхея была вымощена нашими костями.

Мы остались без работы. Уже не совсем худощавый парень, который помог мне выбрать когда-то джинсовый костюм, решил обойтись без нас. Наши семьи доклевывают последние гроши. А мы мечтаем об Одессе. Залить бы полбака – и к морю... Зайти в фальшивый «Габринус» и, укрывшись от зноя, заказать литровый холодный бокал пива. Мы не сидим у разбитого корыта. Всегда найдётся подходящая программка от работодателя. Можно же на время сдать себя в аренду, не утрачивая главной цели. Жаль, что Бог не берёт мзду. Дали бы Ему на лапу министерский бакшиш и решили бы главную проблему.

Мы становимся одинокими. Мы теряем в пути дорогие воспоминания. Впрочем, кроме воспоминаний у человека ничего нет. Мы сидим с моим другом за столом на террасе старого города и пьём турецкий чай. Над нами цветут липы, а наши мысли об Одессе. Мы ещё не ответили на наш главный вопрос. По крайней мере, пока.

Сергей РЯЗАНОВ

Родился 4 июня 1987 года в городе Окница. Первые шаги в творчестве начались в 10 лет. Учился в Академии искусств на факультете «Режиссура эстрады». Пробовал свои силы в создании прозы и драматургии. Есть цикл пьес, связанных одной нитью слова, но совершенно разных по подаче материала. Так называемые автором «эмоциональные триты», то есть произведения, которые вызовут у читателя эмоцию в картинках и ощущениях. Мечтает о постановке своей пьесы в театре.

Люций

Посвящаю другу, чьи строки написаны в этом произведении.

Спасибо, что все так, как есть, не более...

Старинный замок на холме. Разговор на верхней башне.

Иуда: Господин, я готов для последнего шага. *(Он стоял перед зеркалом на коленях).*

Дай мне сил, чтобы нести правду твою. Чтоб неверные гибли при мысли сбить меня с верного пути. Я до последнего вдоха буду служить тебе, только поддержи меня сейчас. *(Слышны голоса поднимающихся по лестнице).* Неужели я не заслужил твоего ответа, мой господин, услышь меня. Где же ты?! Покажись, а то... Я уничтожу...

(Он поднял нож, чтобы направить в свою грудь, но его успели схватить. Его связали, поставив на колени)

Астрай: Я уже думал, что не успею.

Иуда: Отпусти меня, ты не ведаешь, что творишь.

Астрай: Отпустить? Зачем? Ты мне нужен, чтобы доказать всем, насколько ты и твой господин ничтожны. Увести его!

Иуда: Я проклинаю сей миг во имя своего господина. Надежда вскоре покинет этот мир, ибо не дано ему более существовать. Тебя, Астрай, будет преследовать моё лицо в веки веков, проклинаю всё, слышишь, всё.

Саурен: Астрай, его следует убить.

Астрай: Забрать жизнь успеем, а вот дойти до истины без возвращения веры нашему городу и жителям его – нет. Он нужен, чтоб равновесие было поставлено на место.

Саурен: Будем видеть.

(Саурен удалился, оставив Астрай наедине с зеркалом, где стоял Иуда)

Астрай: Я знаю, ты всё видишь. И ждешь, пока всё будет в огне. Я остановлю тебя, если не я, так мои дети, дети моих детей, пока не уничтожу всё, что с тобой связано.

(Зеркало разбилось от удара Астрай. Темнота, и крики Иуды в темнице)

Иуда: Спаси и сохрани меня. Они меня схватили. Они не ведают, что творят. Мой дух был бы сильнее, если б услышал твой голос. Где же ты? Почему покинул меня? Спаси и сохрани.

Саурен: Никуда не спеша, застыла вечность,

Окутавшись светом на луне.

Мечтать так просто, глядя в небо, что отражается в воде.

Мираж рисуется в пустыне, как Млечный путь созвездий пыли.

Как чёрный Бератид даруя радость, читая мысли всех песков.

Таится мудрость всех веков, на месте сжатой пирамиды,

Её на землю уместили и положили в Кошкин Взор.

И там, читая на Кхмерском все пять столбцов из нашей жизни,
Горит загадочно и вечно нефритовой лампочки свет.
Твой господин может мне показать ее свет?

Иуда: Дело не в том, покажет ли он тебе свет этот божественный...

Саурен: У каждого свой свет, и не смей указывать, что он один!

Иуда: Свет лишь один, но по-разному видим его божество.

Саурен: Посмотрим, как тебя спасет твой господин. Ведь он тебя бросил.

Иуда: Нет, он внутри, он никогда не покинет души моей, а ты живешь в сомнениях и падаешь от рук своих же.

Саурен: Смешно тебя слушать в твоём положении. Ты один, совсем одинок, и, может, он внутри, но скажи мне одно, как он спасет тебя, когда мы до него доберемся и убьем. Можешь ответить? Мы скоро узнаем, где он, и ты нам в этом поможешь.

Иуда: Я не скажу никогда.

Саурен: Ты, может, и нет, а вот твоё тело расскажет всё.

Иуда: Тишина в этих стенах содрогнется, и огонь поднимет щиты, тогда вы падете, и падет вся ваша рать. Вы неверные...

Саурен: Что, по-твоему, неверие, если веришь ты в одного лишь господина, а ты спроси себя, верит ли он в тебя.

Иуда: Я верю!

Саурен: Посмотрим, что твоё тело скажет, когда мы преступим.

(Саурен оставил Иуду в темноте и неведении перед расправой, а в замке тем временем царили Хаосиса со своими подданными и Астрай)

Хаосиса: Прости, но нам нужен мир.

Астрай: Я не могу склонить голову, не проси меня об этом.

Хаосиса: Пойми же, если мы начнем эту борьбу, то проиграем. У нас нет легиона.

Астрай: Я есть легион!

Хаосиса: Я согласна с тобой, храбрый воин, но мы не можем потерять всё из-за твоей гордыни.

Астрай: Если я сейчас отступлю, то проиграю.

Хаосиса: Не проиграешь, а выиграешь время на месть. Тебя сегодня съедают эмоции и страсть, а это гибель воину. Воин должен быть хладнокровен, чтобы нести знамя правды.

Астрай: Хаосиса, ты мудрая женщина, но...

Хаосиса: Ты великий воин, Астрай, и поэтому прислушайся к своему холодному сердцу или тебя ждет гибель.

(В палату врывается воевода)

Воевода: Астрай, скорее! В темнице Саурен, он пытается пленника.

Астрай: Хаосиса, я подумаю над тем, что ты предложила. Я должен удалиться.

(Иуда висит на привязанных сзади руках, Саурен кричит, чтобы тот отказался от своего слова, тогда Саурен прекратит пытку)

Саурен: Где твоя вера, когда боль пронизывает всё твоё тело? Говори, что отказываешься от слов, и тогда всё прекратится.

Астрай: Саурен!

Саурен: Астрай, смотри, как ему хорошо.

Иуда: Я отказываюсь от всего!

Саурен: Потяните еще, я не расслышал.

Иуда: Я отказываюсь от своей веры, от слов, только прекратите, прошу вас!

Астрай: Я не верю тебе.

Саурен: Опустите его вниз... Понимаешь, Астрай, боль тела сильнее духа. И что теперь, мой дружище Иуда, ты никто и звать тебя никак. Мне жаль, что ты так быстро сломился.

Астрай: Прекрати унижать его. Он твой враг. Иуда, ты отказался от своего господина. Почему?

Иуда: Не важно почему, Астрай, вы освободили зверя, которого придется укротить. Я уже в прошлом, судите меня как смертного по всем законам. Я готов!

Саурен: Нет. Ты будешь гнить в темнице. И когда я решу, что тебе пришло время отправиться через море на другой берег, тогда это и будет. Заберите его.

Иуда: Ты сказал, если я признаюсь, то отпустишь.

Саурен: Как сказал, так и будет, только тогда, когда мне захочется.

Иуда: Я выберусь из темницы, и тогда будьте осторожны, дабы огонь вас не сжег. Слышите, каждый смертный почувствует мою месть и прогремит гром во имя справедливости.

(Иуду удалили из камеры пыток в темницу. Саурен и Астрай остались наедине)

Астрай: Сломить дух через боль тела, разве это возможно?

Саурен: Как видишь, брат мой.

(Из стен появились незнакомцы в черных накидках)

Один из незнакомцев: Меня звать Михей. Моих братьев Фрецци и Спинелло.

Астрай: Кто вы?

Михей: Мы начало...

Фрецци: И конец...

Спинелло: И теперешнее!

Саурен: Вы демоны?

Михей: Нет.

Фрецци: Не важно, кто есть мы, важно одно – мы пришли к вам и у нас есть желание помочь.

Спинелло: Пришли мы из земель, которых не видно простым смертным.

Астрай: Хорошо. Рассказывайте. Мы с братом слушаем вас.

Михей: Ваш дух силен. Но этот мир исчезнет, если вы не найдете источник.

Саурен: Источник чего?

Спинелло: Абсолютного Бога.

Астрай: Бога? Какого еще Бога?

Фрецци: Судьба привела нас к вам. Значит, только вам дано остановить реакцию.

Астрай: А если не остановим, что тогда?

Михей: Мир, в котором вы живете, исчезнет.

Фрецци: Великое свершится пророчество про смертного, стоявшего на краю, у которого глаза горели местью. Она затмила его голову. И это привело к гибели всего живого. Потому что неизвестно, до чего может привести горящее сердце мести.

Спинелло: И в этом пророчестве говорится еще об одном...

Михей: Лишь начавший конец может предотвратить его.

Саурен: Я не понимаю, что требуется от нас?

Астрай: От вашего королевства требуются два воина, два брата, верных друг другу, так что не возможно их сломить ни духом, ни телом.

Фрецци: Мы вас наделим особой силой, чтобы никакой смертный не смог поразить ваши доспехи.

Астрай: Вы все даете, а что требуете взамен?

Михей: Чтобы вы поклонились нам и отказались от престолов своих.

Саурен: Нет. Никогда!

Астрай: Вы явились в наш дом, чтобы отнять его?

Михей: Ваше оружие против нас не действует.

Фрецци: Вы можете ослепнуть, если мы захотим.

Спинелло: Или стать глухими.

Саурен: Я вас не боюсь!

Михей: Хаосиса! Явись немедля!!!

Фрецци: Ведь она ваша королева.

Спинелло: Она красива и мудра.

Михей: Не глупите, воины. Воин должен быть с холодным сердцем, чтобы...

Астрай: Хаосиса, нет!

(Она появилась распятой накрест и висящей в воздухе)

Астрай: Отпустите её или я вас уничтожу.

Михей: Если один из нас будет тронут смертным, она тут же погибнет.

(Саурен поднял меч на Фрецци, и Хаосиса тут же упала, и тишина. Фрецци стоит без движения, еще миг, и он падает без чувств)

Михей: Что вы наделали?!

Спинелло: Будьте вы прокляты, гибните в муках, чтобы боль была вечна...

(Он не успел закончить фразу, как его остановил удар Астрая)

Михей: Почти... Что же вы? Все будет быстро. Вскоре свет исчезнет из вашего царства, и вы не сможете сдвинуться с места, караван неясных видений, и все это будет за пределами круга. Вы не сможете дышать, потому что течение мягкого воздуха покинет вас, облака тихо шепчут о том, что все это может внезапно исчезнуть. Круги встретятся, видя друг друга. Все абсолютное и недоступное желание в ослепительном всплеске смерти. Вы можете меня убить, как убили моих братьев, я не боюсь, я готов.

Астрай: Это ошибка. Что ты натворил, Саурен? Зачем?

Саурен: Позволь искупить мою вину.

Астрай: Михей, прости за смерть братьев. Мы не контролировали свои действия.

Михей: Уже поздно, обратного пути нет. Я буду молиться за ваши души. В вас вселился бес.

Саурен: А может, бесы это вы?

Астрай: Саурен, прошу тебя. Скажи, что с Хаосисой?

Михей: Она теперь царица миров, куда вам нет пути.

Астрай: Как?..

Саурен: Где это царство? Отвечай немедленно!

Михей: Оно находится там, где закат солнца, где все беспорядочно. Её душа не будет помнить вас, потому что она уже стала другой.

Астрай: Я оставлю тебе жизнь, если скажешь, как ее вернуть.

Михей: Даешь слово рыцаря?

Астрай: Да.

Михей: Есть одно место в нашем мире, куда пройти можно, лишь выдержав несколько испытаний. Никто туда много веков не ходил, потому что неизвестно, кем ты оттуда выйдешь. Эти испытания меняют тебя, но, дойдя до дерева знаний, его нельзя трогать. Возьми только лепестки, они спасут Хаосису. И беги, что есть сил, с того места, потому что все павшие воины, когда-либо ходившие туда, захотят у тебя отнять лепестки, потому что их души навеки судьбою должны жить рядом с этим деревом. И дело в том, что им нельзя до него дотрагиваться, а у тебя будут лепестки, которые могут их освободить от векового заточения души.

Астрай: Как его найти?

Михей: Нужно идти, где царствуют темные леса, потом начнется царство немых, и где говорят на разных языках, солнце и песок. Посреди песков можно найти оазис, где растет фаниаль, там вход в подземелье. Осветит путь вам нефритовой лампочки свет. Теперь я свободен?

Астрай: Свободен, но за то, что вы осмелились забрать душу Хаосисы, я имею права отнять у тебя зрение и язык, чтобы ты больше, Михей, не смог помешать мне. И скажи спасибо, что оставил тебя в живых, чтобы ты знал, как мешать справедливости. Саурен, в темницу его.

Саурен: Но, господин, это же безумие.

Астрай: Саурен, они забрали Хаосису! Это не безумие, а наказание.

(Они ушли вместе с Михеем, который будет блуждать в темноте всю вечность своего существования)
(Смех в темнице)

Иуда: Смерть в темноте. Какой печальный конец для меня. Все планы исчезли, осталась лишь темнота, в которой я буду жить. Смирение, да, смирение перед неизбежным. Я здесь навсегда, и вера на спасение... Интересно, какого спасения, я же предатель, я предал своего господина. Я ничтожен.

Печальный клоун: Да уж, да уж, печально, печально.

Иуда: Кто здесь?

Клоун: Я-то? Твой единственный друг, который может составить тебе кампанию. В этом очищенном месте.

Иуда: Как давно ты здесь?

Клоун: Я-то? Печально, печально, что я тут уже, наверное, с рождения.

Иуда: Что за мычание в темноте? Друг, скажи, что это?

Клоун: Ну, это довольно-таки печальная история, если его сюда бросили без глаз и языка.

Иуда: Что? Господи...

Клоун: Поверь, он здесь ни при чем. Я слышал, он знал многое и видел тоже, а теперь вечно будет блуждать в темнице немой и слепой. Печально, печально, что ему досталась такая участь.

Иуда: Бродить в темноте без света. А тебя как звать?

Клоун: Меня-то, печально, печально, Печальным клоуном кличут. Не помню, с каких пор, но давненько. Всё очень, очень печально. А тебя?

Иуда: Я теперь без имени, у меня забрали его. А в той жизни меня звали Иуда из Рахона.

Клоун: Печальная история с именем. Ну что ж, будем теперь тебя называть Люций.

Иуда: Кто он?

Клоун: Он легенда, которая стала мифом и жизнью мщения. Он – это ты! Его предали, как тебя, его бросили в темницу, в тюрьму, которая стала для него мукой, но он воскрес для отмщения. Он был здесь давным-давно. Его красота не знала границ человеческих, и за свою гордыню он был свергнут во тьму. Но его желание отомстить было намного сильнее.

Иуда: А за что Люция поместили в тюрьму?

Клоун: Он рассказал мне только однажды, и больше я его не видел. Как он был прекрасен, печально, печально, как его любила судьба. Он был сыном великих королей, и это было его проклятием. Отец изгнал его, когда он его спросил: «Почему его дети поклоняются самому младшему из них? Откуда у него такое право?» Я тогда видел в его глазах такую ярость, которую не в силах сдержать внутри. Этот огонь горел в нем, и я видел, как он испил его королевскую кровь, превращая в нечто страшное. И он исчез, сказав: «Я вернусь и верну всё, что у меня забрали». Печально, печально, печальная история одного имени. Хорошо, хоть я его помню, а то всё в этом грязном мире забывается. Стоит тебе исчезнуть, как всё забыто. Но он живет во мне, потому что я помню его имя, и теперь он живет в тебе.

Иуда: Я гордо буду носить его имя и отомщу обидчикам за него.

Клоун: Наконец-то печальной истории настал печальный конец, я знаю выход из этой тюрьмы. Идти за мной, если хочешь отомстить.

Иуда: Подожди, почему именно сейчас ты уходишь, если знал выход отсюда раньше?

Клоун: Не знаю, не думал об этом, а может, потому что ждал тебя! Быстрее уходим в подземелье.

Иуда: Жди... Немой мой друг, по темнице идем с нами. Махни головой, если согласен иди с нами.

Клоун: Печально, печально. Не знал, что путь будет наш такой.

Иуда: Он согласен, дай мне руку, я поведу тебя. Направляй, печальный друг судьбы.

(Они исчезли в пещере, оставив пустое место. Спящий лес. Астрай в одиночестве проходит сквозь лес, не щадя ни себя, ни деревья. Он присел, открыл письмо Хаосисы)

Астрай: Любовь моя, твой запах еще есть на этой бумажке, которую ты мне вручила, когда я уничтожил всех твоих врагов, не верящих в тебя. Всех, кто противился твоему имени. А теперь я проклят. Ты была права, воин должен быть хладнокровным, чтобы вершить правосудие. Как тебя не хватает. Луна, подсмотри в то царство, куда мне не пройти и где она меня не узнает, и расскажи, как она там. Как же одиноко внутри. Кажется, пустота съедает меня, я боюсь потерять себя в этих поисках на твоё спасение. Деревья, вы такие могучие, почему не можете просто пропустить меня к воротам, чтобы я спас свою любовь, пока я – ее чувствую. Почему нет прохода в то царство, где она царит. Почему я проклят? За что так судьба не справедлива ко мне? Ведь я здесь стою и жду своей смерти. Приходите и заберите меня, чтобы прекратились мои страдания. Как я устал быть бойцом судьбы, пусть кто-нибудь другой, но не я, только не я. Неужели нет выхода из этих лесов?

Гелеана: Есть, есть, есть... *(Эхо)*

Астрай: Кто здесь? Выходи и прими бой как воин.

Гелеана: Боюсь, что, увидя меня, ты передумаешь и опустишь свой меч.

Астрай: Даже не надейся на это. Выходи немедленно!

Гелеана: Сколько милых, добрых слов я слышала из уст твоих, а сейчас ты ничем не отличаешься от животного.

Астрай: Что тебе нужно? Я знаю силу леса, и ты можешь меня провести к воротам, которые ищу.

Гелеана: Конечно, никто просто так не помогает. Ты звал, и я пришла помочь тебе. Сразу к делу перейдем, чтобы ты успел помочь своей королеве. Но мне нужны лишь твои глаза.

Астрай: Что?! Мои глаза... Как я найду дерево? Без зеркал этого мира.

Гелеана: Ты хочешь спасти свою королеву?

Астрай: Да.

Гелеана: Цена прохода бесценна, ведь это дерево живет своей жизнью.

Астрай: Дерево, которого нет.

Гелеана: Дерево, которое не увидеть смертным взором.

Астрай: Как мне найти волшебный взор?

Гелеана: Ты должен будешь лишиться своего языка. Помнишь Михея, которого ты заточил в темницу и который рассказал тебе про спасение Хаосисы?

Астрай: Вы уже всё знаете?

Гелеана: Мы это знали ещё до твоего прихода сюда. У тебя есть выбор – уйти или согласиться. Всегда есть право выбора. Если его нет, то на что нам свобода?!

Астрай: Ты знала Михея?

Гелеана: Я его любила, когда-то давным-давно.

Астрай: Прости меня, лесная девица. Все, что с ним произошло, это только моя вина. Я не контролировал свою ярость. Хаосиса предупреждала о моей страсти.

Гелеана: Что сделано, то сделано, и повернуть время нельзя.

Астрай: Я готов дать тебе всё, что пожелаешь. Все дары во имя спасения имени моего.

Гелеана: Астрай, милый, ты проклят жить в муках вечно. Я заберу у тебя царство. Ты станешь нищим. Вместо меча у тебя будет палка, и прозреешь ты лишь тогда, когда прощенье к тебе придет. Я укажу тебе путь только раз и лишу тебя зрения. Иди по чувствам сквозь лес. Может, у него проснется жалость к тебе за всех тех братьев, которых ты погубил, пробираясь сюда. Прощай, и до встречи у ворот. Может, когда-нибудь ты их найдешь. Вот тебе карта, которую ты не в состоянии увидеть.

Астрай: Стой! Стой! Ты же обещала показать мне дерево. Не уходи. Не оставляй меня в темноте. Не уходи, не уходи, не уходи...

(Коридор, через который пробираются Люций, немой и печальный клоун, был насыщен сверкающими огнями, уходящими в пустоту)

Люций: Клоун, расскажи еще свои печальные истории.

Клоун: Ах, Люций, Люций. Печально, печально, печальных историй я больше не знаю, но вот жизнь одну печальную могу поведать.

(Пробежал немой)

Люций: Стой! Что это?

Клоун: Печальный свет.

Люций: Мы нашли наконец-то выход.

(Немой подтолкнул камень вперед)

Люций: Мне очень интересно, как ты нашел его, не видя ничего.

Клоун: Думаю, он научился чувствовать. Многие живущие забыли о своем даре чувствовать. Я слышал, что человек не слепой, он просто погружается в какую-то свою реальность. Зрячему это не понять.

Люций: Молодец, дружище, ты нас вывел.

(Немой начал показывать, что туда им нельзя идти)

Люций: Что? Я не понимаю. Объясни.

Клоун: Кажется, он нас предупреждает.

(Немой подбежал к клоуну, отдал ему свою записку и скрылся в темном лесу)

Люций: Куда?! Стой, подожди нас. Клоун, он исчез... Непонятно, куда? Что с ним?

Клоун: Печально, печальный немой с очень печальной судьбой.

Люций: Слышишь, крики.

Клоун: Они раздаются оттуда.

Люций: Немой, немой, мы идем.

(Они увидели, как дряхлого, в серой порванной одежде разрывают лесные чудища)

Люций: Я повелеваю вам исчезнуть, потому что перед вами Люций, сын мести.

Клоун: Какие печальные цвета окружают этого странника леса.

Люций: С вами всё в порядке?

Клоун: Печальные боги, он слеп.

Люций: Успокойся, друг мой, и назови свое имя.

Старец: Называй меня так, как видишь.

Клоун: Печальный старый странник леса.

Старец: Называй меня старцем.

Люций: Меня зовут Люций, а рядом – мой друг Печальный Клоун, еще одного друга мы потеряли в лесу.

Старец: Этот лес безжалостен ко всем, кроме своих чудищ.

Люций: Хочешь, поможем тебе выйти отсюда?

Старец: Нет, попросите еще что-нибудь у бедного старца.

Клоун: Мы не воры.

Люций: Мы в бегах.

Старец: Покиньте меня, я проклят высшими силами и нет мне прощенья. Я слеп, потому что заслужил, а те, кто рядом со мной, могут погибнуть. Давным-давно я брожу по этому лесу в поисках одних ворот.

Клоун: Оставь его, не видишь, он с ума сошел. Он совсем печальный человек, которому нужно прощение. Я встречал таких, на них метка стоит. Мы ее не видим, но раньше он был зрячим.

Люций: Кем мы будем, если не поможем ему. Что за врата?

Старец: Мне сказали, если я найду эти врата, то с меня снимут проклятье. Я был сыном королей, а теперь бродяга. У меня есть только то, что видишь. Я проиграл самому себе и отправился в странствие, чтобы спасти свою любовь. Я дошел до своей грани души, оставив своего друга в сомненьях. Я слышал его голос за пределами этих лесов, но боялся ему показаться. Я сейчас никто, и смерть для меня лишь сказка.

Люций: Поверь во спасение. Нужно верить, и мы тебе поможем найти врата и спасти любимую.

Клоун: Люций, пойдем с ним, погибель ждет нас. Нам нужно найти нашего друга. Это всего лишь грань, которая вокруг судьбы плетет свою паутину. Судьба – грань стороны души, причём эта грань меняет свою форму в зависимости от того, как она отражается в линии бесконечности, она неконтролируема. При этом её кто-то пишет, причём не зная её регенерирующего свойства изменяться. Так что мы спокойно можем сказать о ней так: Судьба – живое существо, обладающее собственным характером и собственной душой. При этом душа судьбы имеет иное значение, чем просто душа, для неё душа – это более широкое значение вымысла. Вымысел же – главная идея, благодаря которой мы все существуем... Не нужно думать, что мы конкретно зависим от судьбы, ведь судьба в такой же мере зависит от нас, если нас не будет, она погибнет, и в отличие от судьбы нам бывает всё равно, поэтому мы и пугаем судьбу и даже можем её шантажировать. Но есть множество сил, которые владеют мудростью вымысла, так называемого смысла смыслов. Нам, к сожалению, не понять эту мудрость, так как она скрыта, но всё тайное когда-нибудь становится явным, и есть ошибки так называемого вымысла, может, эти ошибки и есть высшее – поэтому им дано менять судьбу... Если это есть она, то так должно быть. Мы идем с тобой, старец. Печально, печальная история.

(Как только зашли они в лес, на поляне появляется немой)

Гелеана: Милый мой Михаелиус! Что они с тобой сделали, эти бесполезные людишки. За это смерть им. Что ты машешь головой? Говори, теперь ты дома, можешь говорить, и посмотри на свет.

Немой: Я вернулся. Этого не может быть. Моя голубка чудесна, как утренняя заря, как мои глаза рады увидеть тебя.

Род: Она не одна, братец мой.

Гелеана: Мы тебя ждали, но надежды было мало.

Род: Вернись к нам, Михей, сын всего живого, верни себе красоту, которую ты утратил.

Михей: Благодарю вас. Наконец-то я с вами.

Гелеана: Как думаешь, наш план сработает?

Михей: Гелеана, любовь моя, красота лучей волшебной радуги, я теперь другой. Прости меня, Род, ты приготовил моё возвращение, но там, во тьме я понял, что все это не нужно нам. Все планы рушатся, как только начинаются. В темноте начинаешь о многом задумываться, и самое страшное то, что мы и есть начало нашего конца, как бы печально это ни звучало. Зверь вышел из клетки, и теперь всё решено за нас.

Гелеана: Но подожди же. Что ты видел в темноте?

Михей: Слепоты нет, как сказал мой недавний друг, в слепоте лишь другой мир, а когда лишают всех чувств, тогда миры соединяются во что-то новое, ранее неизведанное, даже для нас. Там чистый свет, который угасает в этом мире.

Род: Михей, как это возможно, мы же всё знаем и всё видим?

Михей: Я увидел конец всего, что нас окружает.

Гелеана: Расскажи, расскажи, что ты видел?

Михей: Пророчество, которое исполнится. И встанет тот, кому не позволено, и будет он вершить правосудие, как некогда вершили над ним, и у него есть полное право на месть. Только, получив эту месть, остановится ли он? Вот в чем загадка.

Род: Отец про это знает?

Гелеана: Михей, прошу, не закрывайся от нас.

Михей: Как печально, печально необратимо.

Род: А люди? Зачем ты сюда их привел. Ведь ты знаешь, для чего они приходят в этот лес.

Михей: Род, родненький, люди в этой Вселенной переменные, а не постоянные. У них есть шанс еще всё изменить.

Гелеана: Но они направились к древу, которое защищено рыцарями нашего отца.

Михей: Кто они?

Род: Твои друзья пошли вместе с Астраем к дереву, которое дает жизнь.

Михей: Стена, всему виной она.

Времени совсем не осталось.

Люди смотрят друг на друга,

Они смотрят на меня, и внутри меня волна.

Повсюду тупик.

Бессмысленно она меня сбила с ног.

Все выкинула за окно.

Правда оказалась звонком.

Асфальт.

Стена.

Это я.

И внутри меня она.

Сколько можно. Уходи,

Оставь меня в покое,

Я устал говорить деревьям,

Что люблю тебя.

Ветер меняет направление,

Я исчезаю за твоим окном.

И все казалось нам каплями.

А есть ли я на свете?

Только свет, и краски не меркнут.

Незаметно рядом мы остались.

Веришь мне?

Я изменяюсь,

Превращаюсь в пепел.

Глаза смотрели на меня.

И солнце не гаснет,

И там краски не исчезнут.

Почему?

Вокруг стена.

Попробуй отдать,

Души людей обожают

Решать, мешать, любить!

Страх – это любовь.

Стена – наше окно.

Вредная сволочь,

Прочь!

Милая, останься лежать смотреть,

Услышь, остановись, прошу, остановись!

Перестань идти, себя уничтожая.

Мир – разрушают, используют, грабят.

Нам решать – страх!

Вокруг она,

Повсюду распустила свои крылья,

В надежде остаться

Я стою один над обрывом,

Надо мной сгущаются лучи света,

Не унеси меня.

Поверь. Я здесь еще живу. Отец мой, где твоё благо, не можем мы, в одиночку справиться. Прощу, явись же.

Я там медленно умираю, смотря на свою стену.

А где же ты?

Я не буду больше смотреть вниз...

Там я вижу твое отражение...

Род: Почему мы его не слышим?

Гелеана: Нам мешают.

Михей: Мы должны бороться за души этих смертных, потому что столкновение двух мстителей возле древа жизни ни к чему хорошему не приведет. Иуда и Астрай узнают друг друга.

Род: Я с тобой до конца.

Гелеана: Нам следует поторопиться, потому что они уже дошли.

Михей: Как можно надеется на страсти людские. Как можно знать всё, ничего не делая, отец, где же ты? Почему бросил нас в такой час?

Род: Не вправе мы сомневаться в его решениях.

Михей: Я понимаю. Ну что ж, нас ждут лишь две дороги, которые охраняются псами ада, давайте накормим правильно, чтобы потом не жалеть.

(Сказочные ворота перед нашими героями)

Клоун: Обладать гневом – это самый великий дар из всех даров. Так как гнев – это искушение...

Представь себе, у тебя есть ключ ко всем замкам, но нужно ли тебе это.

Думаю, что нужно, так как ошибки заставляют находить новое... А новое иногда и печально.

Старец: Вот скажите мне, пока мы не вошли внутрь. Кто решает, кому жить, а кому умирать. Ведь я видел многое, когда был зрел. Я сам лишал людей жизни без сожаления.

Люций: Эх, старик, старик, я думаю, что мы не зря сюда пришли.

Клоун: Может, решает всё выбор. Случайности не случайны. Нас судьба сводит с людьми, которые влияют на нашу судьбу. Не думаю, что есть Всевышний, которому дана такая власть. Ведь когда такая власть в руках у тебя, ты самый ужасный и безжалостный, и бескостный, и печальный с печальными глазами, кто бы там ни был. Только глаза не могут врать, язык рожден для лжи, уши, чтобы слушать её, а вот наши зеркальца не смогут солгать никогда.

Старец: Нет, я всё же верю, что мы все отчитываемся перед кем-то после жизни.

Люций: А тебя не посещала мысль, что смерть – это всего лишь дверь в другую жизнь, ничем не отличающуюся от этой. Как вам такая версия?

Старец: Извините меня, но тогда к кому обращаться за прощением.

Люций: В первую очередь нужно простить себя.

Клоун: Успокойся, печальный старикашка. Если ты считаешь, что он есть, тогда расскажи, почему умирают дети, когда какие-то педофилы насилуют их. И поверь, среди них есть служители веры. Расскажи, почему какие-то полурослые уродцы считают, что у них есть власть забирать жизнь. И они заходят в дома и вырезают все семьи. Печально это, не правда ли? И я знаю, кто ты! Ты ничем не отличаешься от них. Потому что ты так делал, и то, что признаешься в этом, не дает никакого права быть прощенным! Пойди-ка, попроси милости у тех, у кого отнял всё. Посмотрим, как они простят. Знаешь, зачем ты сюда пришел? Я тебе скажу – чтобы утвердиться и якобы спасти свою любимую. А ты спрашивал ее, хочет ли она вернуться к тебе? Может, ей и там хорошо, а ты эгоист. Хоть раз слышал её зов о помощи? Скажи! Что молчишь?

Старец: Меня сюда привела месть!

Люций: Клоун, оставь старца!

Клоун: А ты, Люций, зачем сюда пришел?

Люций: Я считаю, каждый имеет право на прощение, как и этот старец, он заплатил сполна... Что?

Астрай: Я вижу, я могу видеть.

Люций: Астрай?

Астрай: Иуда?

Иуда: Как это возможно?

Астрай: Я не знаю, что сказать.

Иуда: Клоун, я простил того, кому хотел отомстить. Клоун, печальный клоун?! Ты где?

Астрай: Иуда, я многое понял, пока бродил в темноте, можешь меня простить? Вот я стою перед тобой на коленях.

Иуда: Что? Нет, я хочу мщения за свои муки, за сомнения, которые ты мне внушил. Ты погубил всё, что я любил, а теперь хочешь прощения. Попробуй, скажи об этом моей жене, сыну. Как?! Получится?

Астрай: Не в силах я вернуть время. Прости.

Иуда: Никогда! Никогда! Как думаешь, твоё тело точно так же будет хрустеть от моих ударов, как от твоих воинов хрустело тело сына или же когда моя жена просила пощадить ребенка. Вы ее послушали? Нет! Нет, нет, нет. Так скажи, почему я должен быть милосердным. Почему?

Саурен: Может, найдешь себе ровню, лживая тварь.

Иуда: Умри!

Саурен: Астрай, помоги, прошу тебя. Астрай!

Астрай: Остановись.

Саурен: Астрай!

Астрай: Остановись, остановись, остановись. Иуда!

(Удар Астрая пришелся в спину Иуде)

Иуда: Что это? Легкость в ногах, что же ты наделал? Имя мое исчезнет в этих краях. Ну и пусть, ну и пусть...

Может, когда откроешь окно,

Там никого не будет.

Может, когда помотришь в сад,

Там никого не станет.

Очнуться в белой простыне и забыться,

Отправиться в облака,

Куда не долетают слова,

Именно там задержаться и...

Сказать, я теперь вернулся.

Обратно

Вернуть нельзя,

Остается верить, что не зря,

Всё не зря...

(Иуда встал на колени, смотря на звезды, и упал)

Астрай: Что же мы наделали?

Саурен: Да уж. Печально. Печальный конец у него.

Астрай: Нет! Это неправда.

Саурен: Печальный конец истории у ворот вечного древа жизни.

Астрай: Саурен, ты убил его, заняв место. Ты не Саурен, ты не можешь быть моим братом.

Саурен: Может, у тебя никогда не было брата.

Астрай: Что? Тогда кто ты?

Михей: Он есть Люций!

Род: Первый павший сыном.

Гелеана: Красив, как солнце.

Люций: Хаосиса! Хаосиса! Иди сюда.

Астрай: Хаосиса, любимая моя.

Люций: Кстати, она тоже является частью плана.

Михей: Люций, как свет во тьме, зачем тебе это? Оставь их души.

Люций: Чью, Иуды? А она не моя, это он его убил.

Род: Зачем тебе эта битва?

Люций: Вы слышите его? Скажите, слышите? Нет, правда. Мой план не они, а вы. Теперь вы сомневаетесь в его правоте. Людей искусить проще, а вот ангела сложнее. Но вы поддались моим играм и пророчеству, которое нашли. Кстати, его я вам подбросил. А что касается того, кто есть, и он везде. Слышно, как я громко говорю?

Астрай: Я стал твоим слугой, когда боролся против тебя, и мой враг оказался мне другом, которого я погубил, спасая тебя.

Михей: В этом нет твоей вины.

Люций: Что? Нет его вины! Не смешите мои крылья. Астрай, я хочу тебе рассказать одну историю. Когда-то давным-давно я был со всеми своими братьями. Я был первый из них. И вот наш отец создал себе сына. Смеха ради. И ангелы не знали, кому теперь служить. Ну они, конечно, пришли ко мне. Они стали сомневаться в правоте его действий. Я пошел к отцу, чтобы сказать ему об этом, а он мне – поклонись моему сыну. Сказал, что теперь он мой отец. Я не сделал этого и поднял восстание, хотя догадывался о поражении, но все же шел вперед. Первую битву мы проиграли, ты, Михей, меня поразил тогда, я помню. Наступил второй день битвы. Победа была близка, но появился сын отца, мы стали чувствовать боль, которую не выдержать никому. Он создал для падших тюрьму с подходящим интерьером. Мы пали, но в этом и заключалась наша роль. Моя роль, я буду правителем этой тюрьмы и буду ждать, пока найду выход из нее. И что я услышал – он создал вас. Люди без греха и мыслей. Только я знаю, как добрался до Адема. Заключил союз с владыкой Хаоса, она есть Хаосиса. Нечестно

строить новое и разрушать старое, не найдя место для живущих в старом. Печально, печально, печально... Я искусил тогда, но и в этом выгода его была. Я помог ему, не зная этого. И тогда стало понятно, что без меня не будет его, а без него не будет меня. Вот такая печальная история.

Михей: Ты говоришь...

Люций: Мне не понятно одно, за что вы так держитесь. Он же эгоист! Неужели вы еще не поняли, что он создал меня, вас, их только для того, чтобы подтвердить свою власть.

Род: Я погибну во имя его.

Гелеана: Михей, почему мы не слышим своего отца?

Михей: Гелеана, не сомневайся, прошу тебя. Люций хитер, и он выиграет эту битву, если...

Род: Она сомневается? Для таких существует лишь один закон.

Михей: Мы их создавали, нам их и менять!

Род: Ты слышишь себя, Михей, твоими устами говорит Люций.

Михей: Нет! Это говорю я!

(Михей пронзил Рода в сердце, тот упал на пол, опустив крылья)

Гелеана: Что ты натворил?

Люций: Теперь вы мои.

Астрай: Люций, ты мой враг, забравший у меня царство, королеву, друга, брата. Ты руководил мною, я тебя убью этим мечом моего павшего врага, а теперь единственного друга.

Люций: Смертных ору... Что? Что за...

(Люций упал на колени перед Астраем)

Астрай: Пока вы тут говорили, я побежал к дереву жизни, воткнул в него меч и пришел тебя сразить.

Люций: Ты смертный, я еще приду за тобой.

Астрай: Не дожدهшься. Я проклят так же, как и ты – бродить в вечности. И пока я жив, буду истреблять тебя и тебе подобных. До встречи!

(Астрай воткнул в Люция свой меч, и Михей с Гелеаной с благодарностью смотрят на своего спасителя)

Люций: Печально, печально, печальная история.

Астрай: Я пойду к древу жизни, чтобы стать ее стражем вместе со всеми.

Михей: Но ты же свободен, почему не уйдешь в свое царство?

Астрай: Царство у меня не там, а здесь. Я обрел его, пока ходил в темноте по лесу. Было о чем подумать.

Гелеана: Я буду следить за твоим царством в знак милости твоей.

Михей: И назовем твое царство Молдовой.

Астрай: Спасибо, но что это значит?

Гелеана: Это означает процветание и битва между силами тьмы и света, где свет будет всегда одерживать победу.

Михей: Астрай, твое имя не забудут.

Астрай: Мне все равно. Вот имя моего друга... Иуда... Пойду-ка я начеркаю на древе жизни его имя, чтобы жило вечно в памяти каждого из Молдовы.

Михей: Но...

Гелеана: Пусть. Мы никому не скажем. Прощай, Астрай.

Астрай: Прощайте, кем бы вы ни были.

(Михей с Гелеаной исчезли в зарослях леса, а Астрай взял свой меч и пошел за ворота. На сцене стало пусто и темно)

Клоун: Печально, печально, печально всё как-то. А ну-ка зажгите свет за кулисами и в зале. И начнется пирушка во имя Печального клоуна. Я вот хотел вам рассказать одну историю...

Иуда (Люций): Клоун, перестань людей занимать, у них дела, пошли лучше праздновать.

Клоун: Хорошо, хорошо, только вот, вы помните имя?

Кулисы закрываются.

Алексей БОРЫЧЕВ

Член Союза писателей России, Московской городской организации СП РФ. Кандидат технических наук. Автор четырёх книг стихотворений «Иду на восток» (Москва, 2004), «Снежное полнолуние» (Москва, 2006), «Солнечные слёзы» (Москва, 2008), «Сонеты» (Москва, 2008), публикаций в журналах «Юность», «Нева», «Наш современник», «Московский вестник» и др. Лауреат литературной медали «А. С. Грибоедов».

Война

Куда ни посмотри – везде святынь
Лучистые забытые останки...
От воли очумев, цветут цветы,
Наполнив ожиданьем полустанки.

Здесь время, откричав, отголосив
Сирено-канонадным плачем, воем,
Бродило вдоль запретной полосы
Под памяти всевидящим конвоем.

Здесь небо, утолив печаль по дням,
Когда мертвящий дух стоял в пространстве
И рок войны над всеми меч поднял,
Оглохло, пребывая в скорбном трансе.

Кто знает – над болотами потерь –
Ещё, быть может, мгла воспоминаний
Рассеется, но крикнет: «Нет, не верь!...»
Нам ворон, пролетев над валунами.

Куда ни посмотри – сквозь пламя дней –
Иных огней мерцающие знаки...
О мире вспоминаем на войне,
Покуда мир бесчинствует во мраке.

Война – не поругание святынь,
Не смерть людей, не плач вдовы солдата...
Война – когда в лугах цветут цветы
Ни для кого... и ничего не свято!

Ни судьбы, ни страны...

Холода обжигают лицо.
Блики солнца упали на снег.
Закатилось судьбы колесо.
Воет ветер, а слышится – смех!

Догорает рубиновый день.
Голубая ложится вуаль
На просторы лесов, где везде
Розовела закатная даль,

Где берёзы, осины, дубы
Тщетно тянутся ветками вверх.
Ни зимы, ни страны, ни судьбы...
И прозрение разум отверг.

Холода обжигают лицо.
В синеве утопая, бреду.
Замыкается снова кольцо.
Снова мир в одноцветном бреду.

Открывается медленно глаз –
Равнодушной к земному – луны...
Ни покоя, ни жестов, ни фраз.
Ни любви, ни судьбы, ни страны...

Ностальгия

Я так хочу в Москву восьмидесятых! –
В пятиэтажек тихие дворы.
По улицам, от флагов полосатым,
Пройтись под щебетанье детворы...

Я так хочу в Москву восьмидесятых!
От страшного позора наших лет.
Идей добра (в безумии распятых)
Пускай струится тёплый тихий свет!

Я так хочу в мой милый город детства!
Ведь там остались добрыми они, –
Все те, что не могли стерпеть последствий
Крушения отчизны в злые дни.

Я так хочу в объятия Былого,
Где ранние лета мои текли.
Но не могу забыть я, сколько злого
Года разрухи в мир мой принесли.

Я так хочу в Москву восьмидесятых!
Ведь там осталось счастье у меня...
Дождусь ли я когда-нибудь заката
Сегодняшнего рыночного дня?!

Николаю Рубцову

Это были стихи. Это были стихи!
Просто были стихи... но какие! –
Отмывалась душа. Отпускались грехи.
Это – вечная боль по России.

Это были не рифмы, а рифы, на них
Разбивались бесчувствия шхуны.
Вот таков и бывает он, подлинный стих.
Вот такие звенящие струны!

Кто осмелится после ещё написать –
Это будет подобье подобий.
Устреми мысль и чувства под небеса –
Не получится; даже не пробуй!

Только чистый простор ненаписанных строк, –
Он всё манит тебя, он всё манит.
Кто же, кто преподаст тебе новый урок
В этом горестном жизни тумане?

Лесная клубника

В цветении солнечных бликов
Храня постоянство своё,
Багряной лесною клубничкой
Дремало моё бытиё.

Оно равнодушно качалось
На стеблях, пригнутых к земле,
И ягод созревшая алость
Блестела в небесном стекле

То красно-лиловою тучей,
То облаком цвета зари,
Которых полуденный лучик
Сияньем своим одарил.

Стрекозы беспечного детства
И пчёлы печальной поры
На ягоде спелой, чудесной
Не раз пировали пиры...

Но поздние сроки настали.
Последние вёсны пришли.
И стали родными печали
Моей постаревшей Земли.

Звенело последнее лето
Осколками тёплых секунд
И ржавым кромсало стилетом
Скорбей и печалей лоскут.

И ленты весёлых событий
Обвили стволы пустоты,
Пронзавшие трепет наитий,
Бросавшие тень на мечты...

Но спелой клубничкой июля
Дремало моё бытиё;
Все радости быстро уснули,
Не смея отведать её.

Русский мотив

Берёзой седой на опушке
Ты встретила мне, моя Русь.
До боли родной мне избушке
И топям болот поклонюсь.

Плескают хмельную истому,
Прохладу струят родники...
Мне слышны гармоники стоны
За далью родимой реки.

Там волю собрав, мои братья
Играют, поют о Тебе...
Раскинь же пошире объятия
Навстречу нелёгкой судьбе.

Лесная память

Лесная память собирает
В ларец янтарных поздних дней
И то, что мне казалось раем,
И то, что грустного грустней.

Лесная память солнценосна
И вечна, будто небеса.
Их яркий мёд испили сосны,
Открыв туманные глаза...

В сплетённой солнцем паутине
Осенних дней трепещет боль
О том, чего не стало ныне –
Мне душу выевшая моль.

А сам гляжу я на овраги
Уставшей осени моей,
В лесное царство светлой влаги,
В хрустящий свет календарей.

На корабли осенних далей,
На их цветные паруса,
В сырую тьму моих печалей,
И в сосен влажные глаза.

И вижу в них огни былого,
Давно отцветшие огни,
Которые во мгле лиловой
Лесная память сохранит.

В России быть...

Быть гением при жизни –
не успеть!
Великим быть при жизни –
позабиться.
Чтоб гением стать –
нужно умереть.
А чтоб великим –
вовремя родиться!

Александр ПЕТРУША

Родился в 1952 году. Окончил Киевский политехнический институт. Работал в НИИ и КБ. Живет в Киеве.

Прощание с друзьями

Мы повторяемся в друзьях,
Неповторимых, незабытых,
Как повторяются в стихах
Открытия в строке избитой.

Раскаиваюсь во стихе
Неправом, зыбком, ненадежном.
Благодарю за то, что можно
Раскаиваться во грехе,

В том, что за поиском хлебов
Незримо кроется расплата.
И измеряется утрата
Всеискуплением грехов.

Простите мне, что не искал
Прощения в стихе открытом.
Простите мне, что вам не стал
Неповторимым, незабытым.

Простите строчек бесталанность
И безудержную хвальбу,
И безнадежную борьбу,
Обыкновенную усталость.

Я упрощаю жизнь свою:
Биенье сердца укрощаю,
Коварный черновик прощаю
За кровь его, за боль мою.

Я уезжаю, до свиданья!
Прощаньем дней, прощеньем книг
Останутся воспоминанья
О грустных подвигах моих.

О, время старых дневников!
К тебе я снова возвращаюсь.
Друзьям, однако, обещаю
Неразгласимость двойников.

Реанимация. Круг второй

Зашивала мне рваные раны в душе
И усталую грудь целовала.
Уходящую жизнь на последней меже
Останавливала, возвращала.

Обжигала, любовью дарила
В предрассветный, предутренний час.
Заговаривала, говорила
О себе, о судьбе и о нас.

И два спутанных, два вороненых крыла
За мою спиной распрямляла.
И в полет провожала, из боя ждала,
И огонь в очаге зажигала.

Ожидала, а снами парила
Мне навстречу несмелой весной.
Боже мой, да когда это было,
Да и было ли с нами, со мной?

Не забыть тех ночей, не вернуть этих дней
Мне – тебе, а тебе – для меня.
Но в прекраснейших лицах наших детей
Вижу свет твоего я огня.

Нашу общую память с тобой никому
Не дано разделить и отнять.
Мне тебя суждено долюбить, потому
Не хочу, не могу умирать.

* * *

Благодарение труду,
А удивленье – лотерее.
Из миллиона слов найду
Такое, что других вернее.

Найду, сомнениям назло,
Полжизни в поисках истрачу,
Однажды крикнув: «Вот удача,
Мне наконец-то повезло!»

Осень-2

Давай запомним этот день кинжальный
Среди дождей начала октября.
И тополиный силуэт пирамидальный,
Темно-зеленый среди меди и огня.
Глоток свободы, чистый и кристальный,
Добытый с боем у календаря,
Мы, улыбаясь, тратим беспечально,
Возможно, с пользой, а скорей – зазря.

Для нас сегодня время высокоосно.
Унять природу не достанет сил.
И безответна память, небо безвопросно,
Все, что захочешь, большего проси!
Невозвратима жизнь, но исправимы строки,
Все до одной, вплоть до последнего «прости».
У Времени терпенья вышли сроки:
Винить, виниться, – боже упаси!

Нам обещают мощные пространства
В чередованье вечных бед провал.
Мне совершенно непонятно постоянство,
С которым я судьбы не понимал.
Ты скоро сбросишь яркое убранство,
И нежность рук возьмет свои права...
Ах, парк «Победа»! Я могу признаться,
Что раньше никогда здесь не бывал.

И для того всегда мне «нет» ты отвечала,
Прошедших дней ушедшая вода,
Чтоб лист каштана, теплый, пятипалый,
Схватив за плечи, повторял мне «да»!
Все принимаю. У последнего причала
Я понимаю – это осень-2.
Я уходил, но ты не отпускала.
Ну, здравствуй, осень! Здравствуй навсегда!

* * *

Как клен листву, надежды я теряю.
И не приходит даже и на ум
Ждать перемен. Я думаю, я знаю,
Что не дождусь и вряд ли доживу.

Мадам, давно все облетели листья,
Как кудри с непокорной головы.
Вы до сих пор мои храните письма,
Но в том, что было, вашей нет вины.

Зачем же вам дались мои печали?
Ведь думалось, все улеглось давно.
За двадцать лет мы столько намолчали,
Куда ни глянешь – золота полно!

Когда стихов серебряные нити
Растянет клином журавлиный лет,
Меня простите и благословите
Все то, что будет, что еще придет.

Так почему мучительно и трудно, и
Невозможно прошлое менять?
Не разрыдаться бы той семиструнной,
Что по ночам так мучила меня!

Лейтенанты 45-го года

У старой польской границы.
Но ждут их манчжурские сопки,
Не в песнях, а наяву.
А ждут их карпатские тропки,
С засадами на берегу.
Их ждут сахалинские доты
С атаками на перевале,
Который ценою роты
Для Родины отвоевал.
Вернулись с войны лейтенанты,
Живыми вернулись из боя.
Вернулись с войны лейтенанты,
Немало хлебнувшие горя.
Девчонки глядели и млели:
Ах, господи, сапоги!
Ах, боже мой, портупея,
Медали звенят на груди!
Казалось бы, все, ребята!
У каждого будет дом,
Хорошая будет работа,
И встречи за дружным столом.
Все будет, жена, ребятишки, –
Как просто сейчас жениться!
Вот в этом шальном городишке,
Все в форме армейской, летней
На карточке пожелтевшей.
Вот этот, двадцатилетний,
Единственный уцелевший.

* * *

В.Д.

Уходят старые друзья...
Казалось, что еще не вечер.
И все нам можно, что нельзя,
Но наши сроки недалече.

Казалось, есть еще запас,
Казалось, сил пока избыток.
Подход к снаряду – еще раз,
Еще есть множество попыток!

Но прорван наш передний край,
В сплошном аду передовая.
Наш знаменщик, не умирай,
Полотнище передавая!

Расформируют батальон,
Потери спишут и пропажи,
Но до скончания времен
В одном мы будем экипаже.

Помянут нас, сомкнется строй.
Подразделения на марше!
А в жизни мирной, остальной,
Нас сыновья заменят наши.

Роза АБРАМЯН

Родилась 21 декабря 1934 года в Азербайджане в семье военнослужащего. В Москве получила медицинское образование. Двадцать три года проработала в Молдавском НИИ онкологии. Первая публикация – в 1962 году в газете «Советский патриот». Свои рассказы, сказки и стихи публиковала в газетах «Вечерний Кишинев», «Кишиневские новости», «Молодежь Молдавии», «Семья», «Ноев ковчег».

Проводы друзей в Америку

Уезжают друзья,
Словно птицы на юг улетают,
К лучшей жизни,
К далеким чужим берегам.

Что увозят с собою –
Не ведают, не понимают,
Что оставили здесь –
Много позже поймут только там...

Одобрям отъезд,
Пожелания, тосты, прощанье,
Мол, увидимся, может,
Звоните, пишите, друзья,

Будем помнить и ждать,
Не забудьте свои обещанья –
Дрогнул голос и выдал,
Но плакать нельзя...

Береги их, чужбина,
Далекая, благополучная,
Приюти, дай им кров,
Боль утрат и тоску приглуши.

Пусть достанется доля им
Светлая, самая лучшая –
Я молю тебя, Господи,
Как о спасенье души...

* * *

Посвящается Р. И. Кодице

Есть в осени особенная прелесть,
Своя краса, свой благородный лик,
Полуденная полнота и зрелость,
Весны минувшей неувядший блик.

Вопрос в глазах, в лучах морщинок,
И боль в душе от горестных утрат,
Все уже круг друзей на именинах,
Судьба и годы... не вернуть назад.

Друзья часов вечерних – книги.
Круг света, тень печальных хризантем,
А в сумерках – давно ушедших лики
И думы о земном: «Ну что взамен?»
Пока еще струится кровь живая
И сердце бьется, как в молодые дни,
Еще себя работе посвящая,
Свет прежних дней ты бережно храни.
Жизнь без любви для женщины пустая,
Но вот пришел другой любви черед –
Всю без остатка внуку отдавая,
Она как будто заново живет.
Вновь детство, юность часто вспоминая,
Смеется, плачет, бегаёт, поет,
Танцует и как будто молодая,
Как в день весенний заново живет.
Есть в женщине особенная прелесть –
Осенней красоты неповторимый блик,
Явившаяся вдруг невиданная зрелость,
Прозрачный листопад и журавлиный крик

Наши мамы

*«Все на свете могут наши мамы –
Только не умеют не стареть...»*

И. Шафран

Наши мамы... Седые красавицы наши,
Нам тепло и любовь,
Свою нежность отдавшие,
Нас на радость и горе себе воспитавшие,
Бремя истины тяжкое
Сердцем познавшие.

Нас с секунды рожденья
Навек полюбившие,
Свою душу и сердце
И чаянья бывшие –
В нашу хрупкую жизнь
Навсегда заключившие.

Пред несчастьем и горем
Голов не склонившие,
Свой прижизненный подвиг
Уже совершившие,
За нечастые письма
Давно нас простившие.

Руки в добрых морщинках
Еще не сложившие.
Мы – свой долг неоплатный
Пред вами забывшие!
Наши мамы...
Подольше вас Боже храни...

Мужу в день рождения

Мой лучший друг, мой первый враг,
Моя любовь, моё мученье,
Тот, кто всегда со мною встрече рад
И спорит кто со мной до умопомраченья!

Супруги мы – упряжка тяжела...
А юности нет ничего на свете краше.
Жизнь брэнная на плечи нам легла,
А радость – это дети наши.

Иду, как в старой сказке, за тобой,
Презрев невзгоды, горести, печали,
И вновь хочу, чтоб для меня одной
Глаза твои сияли, как вначале!

А годы, седина – всё это вздор.
Ты мудр и молод, весел и печален,
Не оскудел души твоей простор,
А жизни путь у всех неидеален.

Здоровья, счастья, радости тебе,
Тепла у очага и много света,
Дом полный внуков – память о себе
И впереди ещё «многая лета...»

Мой самый близкий, самый верный друг,
Моя судьба, моя земная тяжесть,
В последний час, пусть позже, а не вдруг,
На нас один надгробный камень ляжет...

Ностальгия

Да! Я из того
Охаянного поколения
Романтиков-идеалистов,
Героев нашего времени.

Верящих в силу слова,
В газетную передовицу,
Где труд был жизни основа
И не указ заграница!

Да, выросла я в стране,
Которой могла гордиться,
Где жить я могла везде
И где хотела учиться!

Где слово «любовь» не знало
Национальных барьеров,
Где мы говорили «Браво!»
Искусству любого нацмена.

Где мы, духовно богатые,
Умели счастливыми быть
И с совестью незапятнанной
Пусть трудно, но праведно жить!

А ныне? Молвою распятые,
Познавшие тысячу бед,
Мы, без вины виноватые,
Виновны на склоне лет!

И все же в летопись жизни
Свою мы вписали страницу.
Мы уходим, уходим... с синицей,
А вам оставляем жар-птицу!

Светлана СУПРУНОВА

Родилась в 1960 году в г. Львове. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас – начальник редакции научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат Международных конкурсов «Литературная Вена-2012» и «Согласование времён-2012» (Германия), член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников.

Поминки

Осенний день. Безмолвье околотка.
Дешёвый гроб трясётся на возу.
В пальтишке куцем сухонькая тётка
Смахнула пальцем пьяную слезу.

Ни всхлипа и ни воя от ухода,
Ну, что ж, пожил, пора и на покой.
Всего-то горстка хмурого народа
Застыла над развернутой землёй.

Сюда, сюда сбегаются дороги,
Сошлись сегодня тот и этот свет.
Под белый саван положили в ноги
Бутылку водки, пачку сигарет.

Потом в избе раскладывали ложки,
Звенели чарки, люд повеселел.
И дождь пошёл, и крест торчал в окошке,
Но вот никто в окошко не глядел.

И гармонист уселся посередке,
Запели песню, как шумел камыш.
«А что за праздник нынче в околотке?» –
«Дак много всяких... Разве уследишь?».

* * *

В пути – светло, в пути – покой.
Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой
Перекрестила на дорогу.

Меня возили поезда,
Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда
Дорог российских не хватало.

Так и жила – на стороне,
И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне
Про хворь свою и сны плохие,

Что тягостно в доме одной
И нелегко ей без подмоги,
Что носят пенсию домой –
До почты не доходят ноги,

И что не выйти в старый сад,
А уж куда там по сугробам,
Что жизнь и есть тот самый ад.
А есть ли дивный рай за гробом?

* * *

Мало жизни в сердце, мысли мелки,
И живу как будто по нужде.
Ивовые листья, словно стрелки,
На остывшей замерли воде.

Улеглись под небом как попало,
На людские указав пути.
Где же мой – спустившийся устало? –
Подсказал бы мне, куда идти.

Гляну вверх – немыслимые вёрсты,
Ничего не вижу дальше гнёзд.
На Кремле как будто тоже звёзды,
Только грустно от фальшивых звёзд –

Не мигают вовсе, нету света,
Не ведут ни в стужу, ни в дожди.
Ни с земли, ни с неба нет ответа,
Хоть бы голос чей-то впереди!

Ничего-то, глупая, не знаю
И ничем всерьёз не дорожу.
Справа храм – туда ли я шагаю?
Слева крест – туда ли я гляжу?

* * *

Преет сено в скирдах залежалых,
Пуст сегодня высохший загон,
В тихом доме на обоях старых
Светлые квадраты от икон.

Вон сундук, и мебель не по моде,
И в печи холодная зола,
Лебеда по пояс в огороде.
Где хозяйка? Слышу: «Померла».

У реки заросшая могила,
Сколько их, заброшенных, кругом!
Чую, что-то в жизни пропустила,
Проболтавшись в городе большом,

Что-то поважнее кабинета,
Ванны на девятом этаже.
Что тут скажешь, тело-то согрето,
Только вечно холодно душе.

* * *

Я повернулась на восход безродно,
Мне показалось, что на полчаса,
И вот уже кириллица не модна,
И с запада слышнее голоса.

Уже с востока тащат разносолы,
Пестры наряды, в золоте персты –
То новые татары и монголы
Идут сюда, под древние кресты.

И спеть бы про туманы-растуманы,
И выпить чарку, и тоску забыть –
Везде базар, и лысые Иваны
Торгуются, боясь продешевить.

Распутная, а может быть, святая,
Какие силы есть в тебе, о Русь,
Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
Сто раз уйду и столько же – вернусь!

* * *

Падает снег за окошками низкими,
Плавают яблоки в кадке мочёные.
Были мы дальними, стали мы близкими –
Полосы белые, полосы чёрные.

Слева заброшено, справа не кошено,
И по обочинам ягоды спелые.
Словно тельняшка мне под ноги брошена –
Полосы чёрные, полосы белые.

Как беспризорные ветры шатаются,
Чувства нездешние, мысли безродные.
Чёрные полосы часто сливаются
В реки широкие, реки холодные.

Боль не уляжется, боль не отвяжется,
Страшно от грая ворон оголтелого,
И не доплыть мне до берега, кажется,
Дальнего-дальнего, белого-белого.

Водопроводная вода

В страну кисельных берегов,
С её красой живой и яркой,
Хозяин каменных домов
Явился с трубами и сваркой.

Достал Алёнушку со дна,
Прогнал притихшего козлёнка.
Взбодрился – ох и глубина,
Повеселел – что за сторонка!

С водой схватился он – устал,
Шумели вековые ели...
Одели, бедную, в металл –
И потекла, куда велели.

И не бряцал никто ведром,
И поднялась вода до крыши.
Всё ближе звёзды, громче гром,
А плач козлёночка всё тише.

Алёнушка пришла сюда,
Открыла кран с водой холодной –
Её не вспомнила вода,
Навеки став водопроводной.

* * *

Всё будет, наверно, как прежде:
Я в комнату робко войду
И, в новой копясь одежде,
Красивое платье найду –

Всё белое, в мелкий горошек,
Я буду как в белом дыму,
И мне не отбиться от кошек –
Я каждую в руки возьму.

А к вечеру туча прибьётся,
И к ночи начнётся гроза,
Уставшая бабка вернётся
И дочери глянет в глаза,

И, ссору учуяв, поддакнет,
С бельём заспешит на чердак,
А мать, похмелившись, обмякнет
И сунет мне старый пятак.

Все годы путёвой купчихой
Я буду копить пятаки –
На домик у заводи тихой
И долгую нежность строки.

А платье? – сниму виновато,
И бабка одёжку с тоской
До праздника спрячет куда-то.
А будет ли праздник какой?

Алла СТУПИНА

Родилась 5 августа 1950 года в с. Згурица Дрокиевского района Молдовы. Окончила филологический факультет Кишиневского педагогического института им. Иона Крянгэ. Работала в школе, затем – экскурсоводом в Кишинёвском бюро путешествий. Составляла тексты экскурсий по природоведению, истории, литературе, военной тематике. В настоящее время на пенсии.

Встреча с любовью

Организуем встречу с любовью,
Пусть за окном февраль.
Белым ковром покрываются кровли,
Дышет туманами даль.

Сон прогони, и теплом повеет,
Словно сидишь у костра.
Зимнее солнце охотно согреет
Тех, кто открыт для добра.

В чём состоит настоящее чудо,
И для чего стоит жить?
Этот вопрос задавать себе будут
Все, кто способен любить.

Вздор! Что случилось с седою старушкой,
Ей ли писать о любви?
Впору в компании с чайною кружкой
Дни коротать свои.

Глаз разленился, и тело устало,
Дома сиди и молчи.
А на вопросы ответ запоздалый
В жизненной книге ищи.

Перелистав этой книги страницы,
Я нахожу ответ:
Сила любви заставляет учиться
Даже на склоне лет.

Знаю теперь, что нельзя обижаться,
Можно понять и простить,
Если с любимыми не расставаться
И научиться любить.

Свет и тепло подари своим близким,
Не оставайся один.
Снега февральского кружатся искры.
Здравствуй, святой Валентин!

Весенняя шутка

Постарайся меня обмануть,
Я сегодня всему поверю.
В день веселья одно не забудь:
Можно врать, но нельзя лицемерить.

Нынче радует всякий вздор,
Лишь бы было над чем смеяться.
Если в шутку пойдет разговор,
Обещаю не обижаться.

В этот день календарный лист
Открывает простор для обмана.
Подшутить надо мной, юморист,
Огорчаться и плакать не стану.

Расскажи мне, что очень умна,
А вдобавок – стройна и красива,
Что любима и всем нужна,
И я сразу стану счастливой.

Оптимисты, сегодня ваш день –
Праздник тех, кто хотел обмануться,
Повод есть для прекрасных тем
И возможности оттянуться.

Не печальтесь, вам хватит подарков,
Их готовили целый год.
Будет юмора праздник яркий,
Конкурс тех, кто получше соврет.

Задержи же, лапша на ушах,
Не желаем с тобой расставаться.
От печали устала душа,
Так давайте шутить и смеяться.

Позабудем сегодня о том,
Что придет трудовая неделя,
А пока не ушел дивный сон,
Поздравляем вас с Первым Апреля!

Женское счастье

*...во всякой одежде красива,
ко всякой работе ловка!*

Н. Некрасов

Постараемся быть красивыми
После зимних холодных дней,
Беззаботными и счастливыми,
Чтобы радовать наших мужей.

Перекличка эпох и поэтов
Нам раскроет страницы любви,
А в сегодняшнем Интернете
Остроумием удивит.

Мы получим чудесные письма,
Где расскажут, как изменить
Отношение к людям и жизни,
Чтобы вечно счастливыми быть.

Наш прекрасный, но трудный жребий
Нужно тихо благословить.
В благодарность весеннему небу
Строки новые сочинить.

Если быстро переключаться –
Это очень сложный процесс,
В магазин и на рынок помчаться,
Где так шумно для поэтесс.

Покажу продуктовый список:
Лук зелёный, капуста, лаваш,
В довершение – пару сосисок,
Полбатона и рыбный фарш.

Сотворю кулинарное чудо,
А рецепт будет очень простой:
Нужно щедро добавить в блюдо
Доброту и душевный покой.

Не хочу быть унылой и скучной,
Радость праздника омрачать,
И поэтому будет лучше
Бабью долю не проклинать.

Потрудились неплохо годы,
Но уже ничего не болит.
Приходите в любую погоду,
Вас тепло женских глаз озарит.

А о том, что живётся непросто,
Много раз рассказали в стихах.
И стоят на моём перекрестке
Все царицы в пуховых платках.

Пожелание другу

Поздравляю тебя с круглой датой.
Разве можно такое забыть?
Ежедневно встречались когда-то,
Не могли друг без друга прожить.

Слово за слово, выпивки море,
Вспоминаем, хохочем, грустим,
Поскандалим и шумно поспорим,
И вполголоса поговорим.

Для стихов уже слишком поздно,
Так зачем же людей смешить?
Если даже приняться за прозу
И попробовать мир удивить.

Ты услышишь фальшивую ноту
И мгновенно подловишь на лжи –
За плечами богатый опыт
И ликбез под названием жизнь.

Пусть сегодня исчезнут проблемы,
А усталость, болезнь и печаль
Превратятся в запретные темы.
И умчатся в туманную даль.

Поздравляю тебя с круглой датой.
И желаю подольше пожить.
Ведь друзьями мы были когда-то.
И сейчас продолжаем дружить.

Заветные слова

В феврале к нам приходит Святой Валентин,
Чтобы мир стал добрее и лучше,
Чтобы радость, тепло, торжество именин
Были с нами как добрый попутчик.

В этот день поздравляют любимых друзей,
Всех, кто дорог, кто нас окружает,
Не забыв тех родителей и детей,
Кто так редко домой приезжает.

Сотни раз зазвучите на всех языках
Три заветных знакомых нам слова,
На огромной планете во всех уголках
Повторим мы их снова и снова.

Валентинки подарим любимым, друзьям
На румынском, испанском и русском,
Потому, что везде трем заветным словам
Будут рады, как доброму чувству!

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Буквоеды

Май в этом году выдался на удивление жарким. За околицей отцвела черёмуха, щедро осыпав всё вокруг душистым цветом. Настала очередь сирени показать себя во всей красе. У бабушки Настёны в палисаднике росли два куста сирени, один с белыми соцветиями, а другой – с розовыми. Её внуку Ване, по прозвищу Огонёк за рыжий цвет волос, нравилась белая сирень. А его подруга Тоньша, которая жила в соседнем доме, отдавала предпочтение розовой сирени. Вот и сегодня у детей возник спор о том, какая сирень лучше. Конец спору положила бабушка Настёна.

– На вкус и цвет товарища нет! Поэтому не о чем спорить. Пахнут одинаково, что белая, что розовая, – сказала она и покачала головой. Затем она сорвала каждому по веточке сирени. Тоньша взяла веточку розовой сирени и стала её нюхать.

– Ты её не нюхай, а домой носи. Поставишь в вазу с водой, и в комнате будет приятный запах. У вас-то своей сирени нет, – с сожалением произнесла Ванина бабушка.

– Ура! – закричала девочка и помчалась домой, чтобы поставить сирень в любимую мамину вазу.

– Вот егоза! – воскликнула бабушка Настёна, провожая подругу внука ласковым взглядом.

– Она такая, – подтвердил Ваня. Ему вдруг захотелось рассказать бабушке о том, что ребята с улицы Весенней единогласно выбрали Тоньшу командиром отряда правдолюбцев, а его – помощником командира, и это несмотря на то, что Ваня с Тоньшей жили на улице Ангарской. Но, вспомнив, что Тоньша запретила говорить кому-либо об отряде и его командирах, вовремя прикусил язык. Не хватало ещё, чтобы у командира был болтливый помощник. Да и бабушка Настёна болтунов не уважает. Не раз слышал, как она говорила деду Матвею про болтливую соседку Татьяну Фёдоровну: «Болтун – находка для шпиона!»

За завтраком бабушка попросила его помочь высадить в клумбы цветочную рассаду, и он с радостью согласился. Но после ухода Тоньши радость куда-то подевалась. Мальчик взглянул на стоящий у забора ящик с рассадой астр и анютиных глазок и вздохнул. Бабушка Настёна расценила его вздох по-своему.

– Устал, голуба моя? Так ведь не работали ещё, – заметила она, с удивлением взглянув на внука.

– Не устал я, – ответил тот, аккуратно выкапывая детским совочком цветочную рассаду из ящика. – Просто цветочки жалко.

– А чего их жалеть? Им на клумбе лучше будет. В ящике тесно, расти некуда, вот и цепляются друг за друга. Ванятка, ты хилые растения оставляй в ящике. Мы их потом посадим вдоль забора, – с этими словами бабушка Настёна наклонилась над клумбой и стала делать в ней углубления, возле которых Ваня раскладывал по одному растению. Когда все растения были разложены, мальчик взял пустую консервную банку из-под тушёнки и, зачерпывая по полбанки из полиэтиленового ведёрка, стал разливать воду по ямкам. Бабушка Настёна в образовавшуюся жижу ставила растеньице и присыпала землёй.

– Сверху поливать не будем, чтобы корочка не образовалась. День будет жарким, – сказала она, увидев, что Ваня собирается полить уже посаженные растения.

Когда из ящика на клумбы были высажены все астры и анютины глазки, в проёме калитки появилась Тоньша. Первой её заметила бабушка Настёна.

– Батюшки! – всплеснула она руками. – Это кто же тебя так вырядил?

Ваня повернул голову и увидел свою подружку во всей красе. На ногах у Тоньши были обуты немыслимые сандалии с завязками крест-накрест возле колен. Шорты насыщенного жёлтого цвета, красная футболка, на которой красовалась оскаленная пасть леопарда, и кепка зелёного цвета с длинным козырьком выглядели на девочке столь нелепо, что даже дед Матвей, окапывающий старую яблоню, растущую у забора, не удержался от замечания.

– Вылитый светофор! – сказал он и усмехнулся.

– Подумаешь! – фыркнула Тоньша. – Сейчас у детей мода такая: три в одном называется. Дедушка Василий сказал, что все дети в Индии так одеваются.

– Это в Индии, – заметила бабушка Настёна. – Они, чтобы в джунглях не потеряться, так выряжаются.

– Дед Василий из командировки такой подарок привёз? – спросил дед Матвей. – Не похоже на человека с хорошим вкусом.

– Я же уже говорила, что три в одном, – ответила Тоньша и подмигнула Ване левым глазом. – А ещё он мне разноцветные камешки привёз и ракушки разные.

– Покажешь? – у Вани глаза заблестели от любопытства.

– Потом покажу. А сейчас, я чего-то такое знаю, что только правдолюбцам сказать могу, – и Тоньша указала рукой на гору.

– Ладно, идите, погуляйте, – разрешила бабушка Настёна и не успела и глазом моргнуть, как детей и след простыл.

– Матвей, а чего это Тоньша всё про три в одном говорила? – обратилась она к мужу.

– Да, видать, Василий ей три костюмчика привёз, а она от каждого комплекта по одной вещице надела. Вот и получается: три в одном, – пояснил дед Матвей.

– Ну и башка! – с восхищением произнесла бабушка Настёна.

– Голова у девчонки и впрямь хорошо варит, – согласился дед Матвей. – Хорошо, что наш внук с ней дружит. Она его научит нестандартно мыслить, а то дети сейчас все на компьютерных играх помешаны. Ни ума, ни фантазии – просто зомби какие-то.

А тем временем нестандартно мыслящие дети во всю прыть неслись вверх по улице к вершине горы, где в окружении берёз на узеньких скамейках сидели в ожидании своей командирши Колька с Васькой и Петька.

Как ни старался Ваня, но обогнать Тоньшу не смог. Она первая добежала до крайней скамейки и с гордым видом улеглась на неё отдышаться. Знай, мол, наших! Ваня уселся на краешек скамейки и, глядя на подружку, спросил:

– Что сказать-то хотела?

Но Тоньша сделала вид, что не расслышала его вопроса, и, сменив лежачую позу на сидячую, обратилась к Кольке:

– Принёс то, что просила?

Тот молча протянул ей целлофановый пакет. Тоньша взяла пакет и высыпала его содержимое на скамейку. Увидев ворох нарезанных букв из разрезной азбуки, мальчишки переглянулись между собой и с удивлением уставились на Тоньшу:

– И что дальше?

– Это буквы, – пояснила та.

– Видим, не слепые. Нам-то они зачем? Вроде из щенячьего возраста все выросли. Читать умеем, – недовольно пробурчал Петька.

– А мы и не будем их читать, – сказала Тоньша. – Мы их будем есть.

– Ты что, Тоньша, на солнце перегрелась? Кто же буквы ест? – в наступившей тишине Петькин голос прозвучал, как гром с ясного неба.

– Сам ты перегрелый! – огрызнулась командирша. – Своими ушами слышала, как дед Василий говорил деду Мише, что ему буквоеды надоели.

– А мы-то здесь причём? – спросил Ваня. Ему Тоньшина затея с буквоедством не понравилась.

– Ну и пожалуйста, – обиженно проговорила Тоньша, – хотите жить глупцами, так и живите.

Но так как глупцом быть никому неохота, то мальчишки наперебой стали расспрашивать Тоньшу о лекарстве от глупости. Та немного поломалась, дескать, сначала обидели, а теперь, пожалуйста, выложи им готовый рецепт на блюдечке с голубой каёмочкой. Но, сменив гнев на милость, рассказала о подслушанном разговоре своих дедов.

– Бабушка Настёна говорит, что подслушивать нехорошо, – заметил Ваня.

– А я и не подслушивала. Разве я виновата, что слова сами в уши лезут?

– Ты, Огонёк, не встревай в разговор. Пусть Тоньша рассказывает, что и как, – то ли попросил, то ли приказал Петька. На что Ваня обиделся и, отвернувшись, стал смотреть на дорогу.

– Так вот, – услышал он вкрадчивый голос подружки и вздохнул.

– Ну не томи! – простонал Колька.

- А я не люблю, когда от меня отворачиваются, – закапризничала Тоньша.
- Ваня, ты обиделся что ли? – спросил Васька.
- Нет, – ответил Ваня и повернулся к подружке лицом. Та хмыкнула и продолжила рассказ.
- Дед Василий сказал, что эти буквоеды пользуются своим высоким положением. А кто достигает высокого положения? – девочка взглянула на Петьку.
- Тот, кто умный! – крикнул тот.
- Значит, чтобы стать умным, надо есть буквы, – с этими словами Тоньша взяла со скамейки несколько букв и засунула их в рот. Ребята последовали её примеру. Все принялись усиленно жевать буквы, но проглотить бумажную жвачку оказалось не так-то просто.
- А я слышал, как бабушка Настёна говорила деду Матвею, что есть люди, которые проглатывают буквы при разговоре. А мы даже молча не можем, – заметил Ваня. Сам он с трудом проглотил три буквы, поэтому посочувствовал Петьке, который сдуру разжевал десять букв и теперь силился проглотить их. «Вот если бы можно было запивать водой, тогда другое дело», – подумал мальчик, глядя на оставшиеся три буквы Щ, Э и Ю.
- Чем вы тут занимаетесь?
- Ребята повернули головы на звук голоса и увидели необычно одетую незнакомую молодую женщину. На ней было длинное платье, расшитое золотыми нитями и жемчугом. Первой нашлась Тоньша. Она подошла к женщине и потрогала платье. Потом смущённо посмотрела на свой наряд и вздохнула:
- Мы буквы едим.
- Зачем? – удивилась женщина и подмигнула Петьке. Тот, хотя и узнал свою старшую сестру, студентку театрального училища, но выдавать её не стал и решил подыграть ей.
- Чтобы стать умными, – сказал Петька, которому удалось всё-таки проглотить бумажный комок.
- Чтобы стать умными, надо дружить с буквами, а не есть их, – возразила женщина.
- А как же тогда буквоеды? Они потому и занимают высокое положение, что умные и буквы едят, – возразил Колька.
- Так Тоньшин дед Василий говорил. А он – технический доктор наук и всё знает, – добавил Васька, посчитав Колькино объяснение не столь убедительным.
- Эх, вы, глупыши! – засмеялась женщина. – Буквоеды – это люди, которые всё понимают буквально, причём порою в ущерб смыслу и содержанию. Особенно они не любят поэтов и писателей за их образный язык. Поэтому творческим людям они доставляют много неприятностей. А Тоньша, вероятнее всего, услышала начало разговора своих дедов и сделала свои выводы.
- Я же не буду целый день стоять за дверью и ждать, когда дед Василий расшифрует слово «буквоеды». Я и сама – не дура! – Тоньшино объяснение на минуту ввело всех в шоковое состояние. Первым засмеялся Петька, а за ним и остальные ребята. Подождав, пока дети вдоволь насмеются, незнакомка пригласила их посетить свою страну Буквандию.
- А где находится эта страна? – полюбопытствовала Тоньша. – Что-то я о такой стране ничего не слышала.
- Да тут, рядом, – ответила женщина. Ваня хотел узнать подробности о неизвестной стране, но не знал, как обратиться к незнакомке. А та, словно подслушав его мысли, сказала: – Называйте меня госпожой Алфа Вит.
- Я понял, в какую страну нас приглашают! – воскликнул Ваня. – В той стране живут одни буквы.
- А можно мне вас проводить до Буквандии? – послышался голос бабушки Настёны, которая шла из магазина и, проходя мимо лавочек, стала невольной свидетельницей разговора. Она незаметно кивнула головой Петькиной сестре, и та разрешила. Бабушка Настёна сделала вид, что не знакома с госпожой Алфа Вит, которую в детстве нянчила на руках.
- Если всё поняли и не боитесь встретиться с буквами, которых обидели, тогда идём, – предложила госпожа Алфа Вит. И они пошли.
- Идти пришлось недолго. На соседней улице находилась школа, к дверям которой и привела детей госпожа Алфа Вит. Возле дверей школы бабушка Настёна попрощалась со всеми, сославшись на срочные дела. И не успел Ваня и слово молвить, как она исчезла.
- Сегодня школа закрыта, учителя уехали в город на ЕГЭ, – заметил Колька.

– А у меня есть волшебный ключик, который открывает все двери, – ответила госпожа Алфа Вит. Она прикоснулась рукой к двери, и та тотчас же открылась.

– Вот здорово! Мне бы такой ключик! – воскликнул Петька, который постоянно терял ключи от дома, за что ему частенько доставалось на орехи. Ваня подумал, что Петьке хоть какой волшебности ключ ни дай, всё одно потеряет. Великой рассеянностью и забывчивостью обладал этот мальчик, что, однако, не помешало ему на «отлично» окончить первый класс. Но госпожа Алфа Вит никак не прореагировала на Петькины слова. Она прошла в конец коридора и открыла дверь кабинета русского языка.

– Добро пожаловать в Буквандию! – произнесла госпожа Алфа Вит и исчезла в дверном проёме.

– Ух, ты! – послышался возглас Васьки, первым переступившего порог кабинета. И было чему удивляться. За партами сидели буквы, разодетые, как кавалеры и дамы при дворе королевы. Нетрудно догадаться, что королевой страны Буквандия была госпожа Алфа Вит. Но не все буквы были в роскошных одеждах. У некоторых дам были разорваны платья и оторваны рукава, а у кавалеров и того хуже – шёлковые камзолы превратились в лохмотья и панталоны были измяты так, словно их долго жевали чьи-то мощные челюсти.

– Полюбуйтесь на свою работу, – сказала госпожа Алфа Вит.

– Миленькие буквочки, простите меня, глупую, – заголосила Тоньша. – Это я одна виновата, что вы такие пожёванные и оборванные.

Буквы были добрые, поэтому Тоньша и её друзья получили прощение. Как только был прощён последний участник трапезы под названием «Буквоедство», ребята с удивлением увидели, что очутились перед золотыми воротами, на которых светящимися буквами было написано «Вход». Ворота распахнулись, и дети вошли в сказочный мир.

Буквандия

– У ра! Красота спасёт детский мир! – воскликнула Тоньша и даже зажмурилась от удовольствия, которое ей доставляло сказочное зрелище. Игра, предложенная бывшей госпожой, а ныне королевой Алфа Вит, продолжилась вне стен кабинета русского языка. Основным условием игры было – верить в то, что видишь, даже если в природе этого нет. Дети, не раздумывая, согласились.

– Ослепнуть можно от таких чудес, – пробурчал Петька, который всегда был чем-то недоволен.

– Что-то я не слышал про детский мир, – заметил Ваня, который первым шёл за королевой Алфа Вит по длинному коридору, на обеих стенах которого были развешаны картины известных русских художников и детские рисунки, и поэтому он сейчас назывался аллеей. Возглавлять шествие Ваня удостоился за то, что меньше всех съел бумажных букв. Вслед за ним шагали Колька с Васькой, у них был одинаковый результат по буквоедению. Тоньша и Петька замыкали шествие к главному дворцу Буквандии, который назывался Буквинским дворцом, а на самом деле был школьной библиотекой.

– Это я так придумала, – ответила Тоньша и недовольно поморщилась. «Вечно этот умник лезет со своими замечаниями. Вот возьму и обижусь на него. Не понимает, видно, что если я с ним играть не буду, он с тоски помрёт», – подумала она. Но, представив, как придёт зелёная тоска с длинными острыми зубами и будет грызть её друга, поёжилась и прогнала прочь нехорошую мысль.

– А дед Матвей говорил, что «Красота спасёт мир» – это слова русского писателя Достоевского. Только там про детский мир нет, – возразил Ваня. Очень ему не понравилось, что Тоньша чужую мудрость себе приписывает. Но Тоньшу не так-то просто сбить с толку.

– Нет? Так будет! – произнесла она тоном, не терпящим возражения.

– Но ведь это плагиант! – возмутился Ваня.

– Не плагиант, а плагиат, – поправила королева Алфа Вит.

– Что такое? Почему не знаю? – попробовал пошутить Колька. Но Ваня так на него глянул, что Колька язык прикусил.

– Плагиат – это когда чужие слова выдают за свои. Так мне дедушка Василий объяснял, – сказала Тоньша и с вызовом посмотрела на Ваню.

– А ты, что делаешь? – ответил тот.

– Я же не говорила, что всё придумала. Я только одно слово прибавила. Думаешь, что я такая неграмотная? Да у дедушки Михаила в библиотеке целая полка книгами Достоевского заставлена, – возразила Тоньша.

– Главное – это прочитать книги, а не заставлять ими полки. Вон у Татьяны Фёдоровны, бабушкиной подружки, во всех комнатах стеллажи с книгами, а она всего несколько книг за свою жизнь прочитала. Поэтому дед Матвей называет её недоразвитым интеллектом, – продолжал умничать Ваня.

– Для меня ваша Татьяна Фёдоровна не пример, – огрызнулась Тоньша.

Видя, что обстановка накаляется, Васька решил вмешаться:

– Что ты, Вань, к ней прицепился? Ведь про детский мир она здорово придумала.

А так как от Петьки тоже возражений не последовало, то Ване пришлось согласиться, что Тоньша и на этот раз оказалась в центре внимания. Только королева Алфа Вит ничего не сказала. Она шла по фруктово-ягодной аллее, как теперь назывался школьный коридор, не глядя по сторонам и ничему не удивляясь. Чего нельзя было сказать про детей. Они вертели головами в разные стороны, от восхищения обмениваясь междометиями.

– Ох! Мне бы апельсинчиков, – простонал Петька, большой любитель много и вкусно поесть.

– Ах! А мне бы ананасик, – сказала Тоньша и судорожно сглотнула слюну. Ваня хотел было сказать, что он тоже не отказался бы съесть какой-нибудь фрукт с названием на букву «А», но вовремя передумал. На него вдруг снизошло озарение, раз аллея начинается с буквы «А», то и все названия фруктов и ягод, мимо которых они будут проходить, будут начинаться с буквы «А». Потому что это и есть сама буква «А».

– Эти фрукты и ягоды есть нельзя! – крикнул Ваня и повернулся к Кольке. Тот кивнул головой в ответ, таким образом давая понять другу, что догадался, в чём дело. Но не до всех так быстро доходит.

– Это почему же? – удивилась Тоньша.

– Потому, – сказал Васька.

– А если я хочу? – заупрямилась она.

– Хочется – перехочется, – резко ответил Колька, – слушай, что тебе умные люди говорят, и не своевольничай.

– Подумаешь! Какие умники нашлись! – с этими словами девочка протянула руку к ананасу, стоящему на красивом блюде.

– Не трогай! – закричал Колька и, видя, что Тоньша никак не реагирует на его окрик, подскочил к ней и дёрнул за руку.

– Ты что? В лоб захотел? – возмутилась та.

– Ваня, да объясни ты ей, – взмолился Колька, – где-то она умная, а тут сообразить не может.

– Всё, что мы здесь видим, это живые буквы, жительницы Буквандии. Поэтому ничего пить и есть нельзя. Не ананас ты хотела съесть, а букву «А», – сказал Ваня и с удивлением посмотрел на подружку. Надо же было ей так опростоволоситься перед ребятами.

– А трогать можно? – спросила Тоньша, как ни в чём не бывало.

– Трогать можно всё, но только аккуратно, – разрешила королева Алфа Вит, которая с улыбкой слушала детские перепалки.

– А ты меня ни за что за руку дёрнул! – возмутилась Тоньша и смерила Кольку с ног до головы презрительным взглядом.

– Он не знал, что можно, – Ваня попытался заступиться за друга. Но Тоньша даже не посмотрела на него. Она демонстративно подошла к нарисованному на листе бумаги ананасу и погладила его. Рядом висела картина «Девочка с персиками», которая Ване очень нравилась из-за внешнего сходства нарисованной девочки с его подружкой. Но Тоньша даже не удостоила взглядом известную картину Серова.

«И что это я так разволновался? Ведь у её деда Михаила десять томов «Истории искусств» Гнедича. Вот где красотища! Тоньша каждый день может разглядывать иллюстрации в книгах. Поэтому и не интересна ей эта школьная галерея», – подумал Ваня. Но он ошибся. Вовсе не поэтому его подружка проигнорировала любимую Ванину картину. Причиной её поведения послужило высказывание королевы Алфа Вит.

– А ты, Ваня, молодец! – сказала та, подходя к мальчику. – Быстро сообразил, что к чему. Не то что некоторые.

Тоньша отнесла себя к тем некоторым, которые по понятиям королевы Алфа Вит были тугодумами, и обиделась на Ваню. Когда уязвляется женское самолюбие, то мстят обычно тому, по чьей

вине это самолюбие уязвляется. И хотя дед Михаил учил внучку относиться ко всему философски и даже половицу привёл в пример: «На каждый роток не накинешь платок!», девочка не стала внимать голосу рассудка. Она подождала, пока рассудок замолчит и позволит ей высказаться.

– Как любит говорить мой дед Михаил: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь!» Поэтому ваши слова никто ловить не собирается, – сказала Тоньша, глядя в упор на королеву Алфа Вит. Та сразу же поняла, что в девочке говорит обида, и поспешила извиниться.

– Простите меня, ребята, если мои слова вас обидели, – сказала она и, подойдя к Тоньше, протянула ей руку. Пожать руку самой королеве, пусть даже и не настоящей, было весьма почётно, чем Тоньша и не преминула воспользоваться.

«Вот если бы все взрослые были такими умными, как королева Алфа Вит, и всегда просили прощения у детей за свои ошибки в воспитании, какая бы хорошая жизнь у нас была! – подумал Ваня. – Но, к сожалению, не всегда хорошие мысли воплощаются в хорошие дела. Иногда случается и наоборот».

Тем временем королева Алфа Вит придумала детям новое развлечение для ума.

– Я вижу, что с воображением у вас всё в порядке и вы хорошо умеете вживаться в роль, – сказала она, – но вот так ли хорошо обстоят у вас дела со зрительной памятью, я не знаю.

– Так это можно проверить, – заметил Петька. – Как говорили древние: «Зри в корень!»

– Это сказал Козьма Прутков, – заметила королева Алфа Вит.

– А он что, не древний? Жил аж в позапрошлом веке, – Тоньша попыталась помочь Петьке, но сама попала впросак.

– Не он, а они, – пояснил Колька, только вчера листавший «Новую Иллюстрированную Энциклопедию», а уже сегодня получивший возможность блеснуть эрудицией.

– Их что ли много? – удивился Васька, который больше интересовался музыкальными группами, чем литературными.

– Их там целый квартет поэтов: Толстой и братья Жемчужниковы, – пояснила королева Алфа Вит.

– А почему тогда Козьма Прутков? – не унимался Васька, которому очень нравилось смотреть на то, как умничает Тоньша, когда он притворяется недотёпой. Вот и сейчас он усмехнулся, заметив, как она оглядела его с ног до головы, сделав круглые глаза, и спросила ехиднёвым голосом этакой всезнайки:

– Ты что, и про псевдоним ничего не знаешь?

– Нет, – ответил Васька. – Это твой новый знакомый?

– Ты что, Васька, издеваешься? – вспылила девочка. – Все грамотные дети знают о том, что псевдоним у взрослых, как прозвище у детей. Музыкой увлекаешься, а того не знаешь, что у многих певцов есть псевдонимы.

– Ага, – ответил Васька и захохотал во весь голос.

Глядя на него, засмеялись и другие ребята. Даже Тоньша умудрилась быстро проглотить обиду и теперь подхихкивала тоненьким голоском.

– Да ну тебя, Васька, – сказала она, – никогда не поймёшь, когда ты шутишь, а когда говоришь серьёзно.

– Так мы будем свою память проверять или будем диспуты устраивать? – в разговор вмешался Петька, которому не терпелось одержать победу в конкурсе «гляделок». Ребята переглянулись между собой. Они так увлеклись собственным бахвальством, что совсем забыли о королеве Алфа Вит и её предложении. Первым опомнился Ваня.

– А что мы должны делать? – обратился он к королеве Алфа Вит.

– Да ничего особенного, – улыбнулась та. – Вы должны мне назвать все предметы, которые вам встретились по пути, название которых начинается с буквы «А». Кто больше предметов назовёт и на ком счет закончится, тот и победил.

– Чур, я первая! – закричала Тоньша.

– Это почему же? – удивился Васька.

– Потому, что воспитанные мальчики всегда девочек вперёд пропускают, – ответила Тоньша. – Девочка – это звучит гордо!

– Горький сказал, что «Человек – это звучит гордо!» – заметила королева Алфа Вит.

– Опять ты умничаешь! – сказал Ваня и посмотрел на Тоньшу.

На что у его подружки нашёлся железный аргумент.

– А что, девочка – это не человек? – спросила она, с вызовом глядя на ребят. Дескать, попробуйте мне возразить, вмиг словами заклюю.

Но все мальчики оказались воспитанными и возражать не стали.

– Чтобы не было споров, я буду всё записывать, – сказала королева Алфа Вит, доставая из потайного кармана платья блокнотик с привязанным к нему карандашиком.

Тоньша закрыла глаза и стала называть всё, что она видела с названием на букву «А», проходя по фруктово-ягодной аллее:

– Ананас, абрикос, арбуз и всё.

– Что-то маловато, – заметил Колька.

– А никто не предупреждал, что надо запоминать всё, что видишь, – огрызнулась девочка. – У самого-то ещё меньше будет.

– К тому, что ты назвала, я прибавлю автобус и акацию. У тебя три слова, а у меня пять, – сказал Колька и с усмешкой посмотрел на Тоньшу.

– А к тому, что ты сказал, я прибавлю аиста и алычу. И у меня будет семь, – ответила она.

– Тогда я добавлю астры, и у меня будет восемь, – сказал Петька и посмотрел на Ваню.

– А я бы добавил анютины глазки, чтобы получилось девять, – предложил тот. Настал Васькин черёд.

– Что-то вы, ребята, перешли на цветочки. Есть же техника. Лично я добавляю автомобиль, и у меня будет десять, – с этими словами Васька повернулся к Тоньше и подмигнул ей правым глазом.

– Ах, так! – воскликнула Тоньша. – Тогда я прибавлю аллею и артиллериста.

– Где это ты артиллериста увидела? – удивился Колька.

– А в начале аллеи на рисунке у одного мальчика, – ответила девочка. Колька не поленился, сбегал и проверил.

– И в самом деле есть, – растерянно произнёс он. – А я думал, что присочинила, как всегда.

– Сам ты – сочинитель, а я девочка честная, – возмутилась Тоньша.

– Пока лидирует Тоньша. У неё двенадцать слов, – сообщила королева Алфа Вит предварительные результаты конкурса.

Ребята переглянулись друг с другом, а Петька с Васькой о чём-то пошептались. После чего Петька произнёс со вздохом:

– Сдаюсь, больше ничего не могу вспомнить.

– И мы тоже, – в один голос заявили Васька с Колькой. А Ваня подошёл к Тоньше и молча пожал ей руку, тем самым признавая за ней победу в конкурсе.

– Ура! – закричала Тоньша. – Значит, я хорошо зрю.

– Тем, кто хорошо зрит, полагается приз, – сказала королева Алфа Вит и, подойдя к двери библиотеки, распахнула её.

– Добро пожаловать в Буквинский дворец, – пригласила она ребят.

В Буквинском дворцовом зале, куда привела ребят королева Алфа Вит, вдоль стен были расставлены пуфики и маленькие столики с наборами чайной посуды и вазочками с печеньем и конфетами.

– Рассаживайтесь там, где понравится, – предложила детям первая леди дворца по имени Олеся, так её представила королева Алфа Вит.

«И никакая она не леди, а наша библиотечка Олеся Сергеевна», – подумал Ваня, но возражать не стал. Промолчали и другие ребята. Им нравилась игра, предложенная королевой Алфа Вит, и они не хотели возвращаться в реальность.

– А теперь обещанный приз победительнице вручает первая леди, – объявила королева Алфа Вит. Ребята захлопали в ладоши. Щёки у Тоньши заалели, что маков цвет. Она встала из-за столика и подошла к первой леди Олеся. Та протянула ей детскую энциклопедию «От А до Я», в которой на каждой странице были цветные иллюстрации. Точно такую же книгу Тоньша видела в доме у своего друга Вани, по прозвищу Огонёк за рыжий цвет волос.

– Смотри, Ваня, и у меня теперь будет такая же умная книжка, как у тебя, – обратилась она к другу.

«Ну, и хитрая же у меня бабушка Настёна, придумала, как подарить книгу, которая Тоньше понравилась, – подумал Ваня. – Теперь стало понятно, зачем она нас до Буквандии провожала. Наверняка, что и всё остальное придумала, с неё станется. Дед Матвей рассказывал, что бабушка

Настёна, когда в институте училась, была капитаном КВН. Видимо, она и Петькину сестру Ольгу подговорила стать королевой Алфа Вит. Они думали, что мы ни о чём не догадаемся, но мы-то сразу Петькину сестру узнали, хотя грима она на лицо наложила в палец толщиной».

– Ты что, не рад? – обиделась Тоньша.

– Да рад я, рад, – сказал Ваня. Тоньша улыбнулась и поспешила с призом к своему столику.

– Вань, ты что, Тоньше свою книгу отдал? – спросил Колька, сидевший за соседним столиком.

Ваня оглянулся на Тоньшу. Она сидела от него через два столика и листала книгу. Он подумал, что ей сейчас не до подслушивания, и ответил:

– У меня было две книги. Одну отец привёз, а другую дед Матвей по почте выписал. А бабушка Настёна решила Тоньше одну книгу по-хитрому подарить, чтобы та не знала от кого.

– Значит, поэтому она нас с Васькой попросила помочь Тоньше победить, – сказал Колька. – Как у вас всё запущено, долго разгребать придётся.

– Мы и сами с усами, разгребём, не поморщимся, – услышал Колька в ответ и ухмыльнулся. Это у них с Ваней такая игра была.

Тем временем к Ваниному столику подошла с чайником первая леди Олеся.

– Ты будешь чай пить с сахаром или с конфетами? – спросила она, наливая чай в фарфоровую чашечку.

– С конфетами и печеньем, – ответил Ваня и улыбнулся.

– И я тоже, – сказал Колька.

– С сахаром мы и дома чай попить можем, а в гостях надо с конфетами, – заметила Тоньша. И все стали пить чай с конфетами.

Может быть, последовали Тоньшину указанию: «Когда я ем, то глух и нем!» Онемели, но не оглохли, поэтому услышали, как королева Алфа Вит прошептала первой леди Олесе, чтобы та поговорила с детьми о букве «Ё».

– А чего с нами-то говорить. Вот я сейчас чай допью и сама вам расскажу про букву «Ё», – слышался Тоньшин голос.

– Это как раз тот случай, когда яйца курицу учат, – заметила королева Алфа Вит.

– «Век живи, век учись!» – возразила первая леди Олеся. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

«Молодые ещё, что с них возьмёшь!» – вспомнилось Ване дедушкино выражение. Однако Тоньша подумала иначе, но озвучивать не стала. Она быстро допила чай и выпорхнула из-за стола на середину зала.

– Стихотворение называется «О букве Ё», – объявила она громким голосом.

– Сама что ли написала? – не удержался Петька.

– Я что, Пушкин? – удивилась Тоньша.

– Сейчас все, кому не лень, стихи пишут, – заметил Васька.

– Пишут все, да поэты не все. Это стихотворение написал мой друг Ваня Огонёк. Бабушка сказала, что оно написано от души, – пояснила Тоньша и стала наизусть декламировать стихотворение, особо выделяя ударные слоги с буквами Е и Ё:

«Ё-моё, Ё-моё,

Как нам жить без буквы Ё?

Не пойдёшь и не споешь,

И пропажу не найдёшь!

Дяди – буки, тёти – бяки,

и большие забияки,

если с буквами воюют.

И живут, и в ус не дуют,

– Тоньша остановилась перевести дыхание.

– Во, даёт! А тёти кому в ус не дуют? И где вы с Ваней столько усатых тётенок нашли? – не удержался Петька, чтобы не подковырнуть Тоньшу.

– Это же не вправду усатые тёти и дяди. Так принято говорить про тех, кто не боится, – возразила девочка.

- Вот я ничего не боюсь, а ни в какой ус не дую и не собираюсь, – не унимался Петька.
- Вечно ты, Петька, ко всему и ко всем придираешься, – рассердилась Тоньша. – Тебе заняться больше нечем?
- Ага, – ответил Петька и захохотал громко и заливисто.
- А можно мне записать это стихотворение? – спросила первая леди дворца Олеся.
- Можно, – разрешила Тоньша. – Только я его ещё не всё прочитала. Там ещё про ёжика и ёлку.
- Подойди, пожалуйста, к моему столику и продиктуй мне Ванино стихотворение, – попросила Тоньшу первая леди дворца Олеся.

Девочка подошла к столику, за которым сидели королева Альфа Вит и первая леди. Петька попытался подслушать, о чём шептала Тоньша в ухо первой леди, но девочка говорила так тихо, что с расстояния в пять метров ничего нельзя было разобрать. Когда стихотворение было записано, Тоньша вернулась на своё место и приготовилась слушать стихотворение своего друга в исполнении первой леди дворца Олеси. А чтобы слушать было приятно, девочка положила в рот шоколадную конфету.

Первая леди дворца читала медленно и с выражением, не так, как Тоньша скороговоркой. В конце стихотворения она стала жестикулировать и последнюю строку – «Не дадим в обиду букву Ё», – прочитала дрожащим от волнения голосом.

- И вообще, я думаю, что борьба с безграмотностью это не для дошколят, – сказал Петька.
- Мы не дошколята, – возмутилась Тоньша, – в сентябре пойдём в школу. А до этого целый год в подготовительном классе обучались, читать и писать умеем.

– А как же ты будешь без своего любимого выражение «Ё-моЁ»? – обратился Васька к Тоньше, словно та была вершительницей судьбы несчастной буквы «Ё». Девочка пожалала плечами и ответила:

– Если этим «умникам» от литературы волю дать, то они утопят буквочку «Ё», как бедную Лизу. И ты тогда будешь говорить «Е-моЕ».

– Нет! Так не пойдёт! Что такое «Е-моЕ»? Это не по-русски. Как же надо не любить свой родной язык, чтобы позволять его так уродовать? – возмутился Васька.

– А причём здесь бедная Лиза? – задал Ваня вопрос Тоньше. – Речь-то идёт о букве «Ё».

– Темнота! Полное отсутствие логики. Я так сказала потому, что автор «Бедной Лизы», Николай Михайлович Карамзин, одним из первых стал применять букву «Ё». И всё для того, чтобы пара сложилась из «Ё» и «О». А то буква «О» была одна-одинёшенька, – Тоньша приписала себе информацию, подслушанную из разговора своих дедов. – На родине Карамзина букве «Ё» даже памятник поставили. Мне дед Василий рассказывал.

– Так бы и говорила, что от деда Василия услышала, – заметил Ваня, который сначала хотел обидеться на Тоньшу за «темноту», но потом передумал. Разве можно обижаться на снег или дождь? Подружку надо воспринимать как природное явление, от тебя не зависящее.

– А вот и неправда! Я уже столько книг прочитала, сколько вам даже и не снилось, – возмутилась Тоньша. – Можете придти и посмотреть, они у меня стоят отдельно на моём новом стеллаже.

– Ну так ты наверняка их из кабинета деда Михаила в свою комнату перетащила, чтобы потом нам хвастаться, какая ты начитанная, – заметил Васька и подмигнул Кольке. Дескать, смотри, как я её подковырнул.

Но друг намёка не понял и никак не прореагировал. Для него Тоньша была непререкаемым авторитетом. Воспользовавшись паузой, во время которой девочка лихорадочно подыскивала слова, чтобы ответить Ваське, Колька в недоумении сказал:

– А мне книги никогда не снятся. Мне корабли и машины снятся.

– И мне тоже, – сказал Петька и взглянул на Ваню. Но тот промолчал. Не будешь же всем рассказывать, что во сне видишь себя принцем на белом коне. Засмеют непременно. А первой начнёт Тоньша. С неё станется.

– У тебя, Васька, проблема со слухом. Сколько раз тебе говорить, что я – девочка честная. Да и зачем мне доказывать то, что очевидно, таким нечестным способом. Мы здесь собрались не для этого, – с этими словами Тоньша переключила внимание на первую леди дворца Олесю, которая подошла к её столику с чайником в руке.

– Хочешь ещё чаю? – спросила она. Девочка молча кивнула головой.

«Обиделась, наверное», – подумал Ваня. Ему стало жаль подружку, которую понапрасну обвинил Васька.

– Если ты, Васька, сам книжек не читаешь, так нечего других обижать. Мне Тоньша обо всех прочитанных книгах рассказывала. И я ей верю потому, что она правдолюбец, – сказал Ваня и посмотрел на Ваську с неодобрением.

– Что, уже и пошутить нельзя? – ответил тот.

– Ты в следующий раз предупреждай о том, что шутишь, – предложил Ваня, – а то мы не знаем, смеяться нам или плакать после твоих шуток.

– Ладно, ребята, замнём всё для ясности. Надо делом заняться, – сказала Тоньша. Она уже пила чаю с двумя шоколадными конфетами, и обида на Васькины слова улетучилась сама собой.

– Вот и хорошо, – обрадовалась первая леди дворца Олеся, которой очень не хотелось, чтобы ребята поссорились из-за пустяков. – Мы должны создать отряд защитников букв. Поэтому, для начала, я зачисляю вас в придворные Буквинского дворца, – сказала она и взглянула на Тоньшу. От мнения девочки будет зависеть: поддержат ребята игру или нет.

– А у нас уже есть отряд правдолюбцев, – ответила та.

– А мы объединим два отряда в один и назовём его отрядом буквандят, – предложила королева Алфа Вит.

– Это как октябрята? – спросил Колька. – Мне дедушка рассказывал, что он в детстве был октябрёнком.

– И мой тоже, – сказал Петька. Оказалось, что у всех детей дедушки и бабушки в детстве были октябрятами.

– А мы что, хуже? – спросила Тоньша.

– Нет! – в один голос крикнули мальчишки. Так у Буквинского дворца появилась стража. Командира переизбирать не стали.

Теперь Тоньша считалась главной буквандяткой, а мальчишки стали называть себя буквандятами.

– Молодцы! – похвалила ребят корлева Алфа Вит. – С чего начнём?

Ребята переглянулись. Первым вышел на середину зала Петька.

– Я буду читать детям сказки, – сказал он.

– А мы всей семьёй будем играть в слова, – выкрикнул с места Колька. Но королева Алфа Вит попросила его выйти из-за столика и встать рядом с Петькой, что он и сделал.

– С малышами буквы разучивать, – предложил Ваня.

– И я тоже, – присоединился Васька, – мы с Ваней соревноваться будем – кто больше детей грамоте обучит.

– А я научу соседского Лёньку выговаривать букву «Р», чтобы она не убежала из Лёнькиного русского языка! Пусть только поПробует не выговоРить – будет дРака! – шутливо заявила Тоньша.

– Да, драка нам предстоит, но виртуальная, – поддержала шутку первая леди дворца Олеся, – мы научим детей любить книги. И они станут гордиться не количеством сыгранных компьютерных игр, а количеством прочитанных книг.

– Победителей литературных викторин бабушка Настёна обещала угощать пирожками, – добавила королева Алфа Вит.

– Обожаю!.. – мечтательно произнёс любитель вкусненько поесть Петька. И тут же получил ошутимую затрещину от Тоньши.

– «Без труда не вынешь рыбку из пруда», – сказала она тоном, не терпящим возражений.

Королева Алфа Вит примирительно погладила их обоих по головам и подумала: «Побольше бы нам таких буквандят. Глядишь, и помаленьку очистится культура наша, и научимся мы снова говорить по-русски».

А Ваня решил, что сегодня уж точно прочтёт своей подружке стихотворение, ей одной посвященное:

Тоньша, ты всегда права.

Дали мы тебе права

нам команды отдавать.

Приходи поуправлять!

Борис КУДЕЛИН

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в №10-12(2012), №1(2013)

Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари

В фонде имени великого русского писателя нас встретила мадам Гринева Надежда Петровна. Куда-то позвонив, дала нам адрес ночлега, где нас должны были принять на трое суток. Эта, условно назовем, «ночлежка», хотя подобные места можно назвать и гостиницей, так как размещаются они в современных благоустроенных зданиях со всем комфортом, находилась на бульваре Нэй. Визит был назначен в этот же день на 18.00.

Мы с Геной прибыли без опоздания. Подошли к подъезду многоэтажного здания. В небольшом чистеньком холле уже стояло человек десять. Мы встали в очередь. Ровно в 18.00 открылись двери. Вышли двое аккуратно одетых энергичных молодых людей. Образцово вежливые, с профессиональными улыбками, они по списку стали запускать людей в уютное помещение. В списках были и наши с Геной фамилии. Внутри было еще что-то вроде регистратуры. Нас в ней отметили, дали места, т.е. комнату и кровати. Ознакомили с распорядком. Ужин с 19.00 до 20.30. Отбой в 23.00. Подъем в 7 часов, завтрак и до 9 часов утра все постояльцы обязаны покинуть помещение.

Ужин, по нашим на то время меркам, был просто шикарным. В спальнях помещениях чистота. В комнатах где 10, где 4 кровати. Души и туалеты в безупречной чистоте. Утром берешь станок для бритвы (конечно, новый!), моешься и идешь на завтрак.

После завтрака мы с Геной вывалились на бульвар Нэй. Иди куда хочешь, отдохнувший и сытый. Да и настроение у нас было уже даже далеко не такое, как, например, в те времена, когда мы жили еще с Батыром в подобных общежитиях в провинциальных городках Франции. Здесь, в Париже, жизнь проходит на каком-то праздничном фоне. Может, это нам как новичкам тогда казалось, что предчувствием счастья, как солнечными лучами, пронизан воздух широких проспектов и узеньких улочек, до сих пор покрытых булыжной мостовой.

Неоседлая походная жизнь неотвратимо, хотя и медленно, постепенно влияет на наше восприятие. Мы свыкаемся с непостоянством, с окружающей нас оглушающей действительностью. И поэтому то, что мы будем жить целых три дня в помещении, под крышей, спать в теплых постелях три ночи, не говоря уже о гарантированных ужинах и завтраках, – вселяет в нас непобедимую радость. Кочевая, бесприютная жизнь закалила наши сердца, научила ценить радости, не только простирающиеся на далеко идущие отрезки времени, но и искры, вспышки удачи сегодняшнего дня... «Картина привычного мира» озарилась для нас розовыми солнечными лучами...

Постепенно мы с Геной стали обрывать новыми знакомствами, полезными сведениями. Так, уже в гостинице на бульваре Нэй нам рассказали, что существует больница – «опиталь», а при ней отделение, предназначенное для приема иностранцев и даже людей без документов. Мы, конечно, нашли этот «опиталь». Прошли, как сказал Гена, «на всякий случай», серьезную медицинскую комиссию, с анализами и рентгеном. Тем более что это все – бесплатно. И другая польза, в этой больнице мы обрели новые знакомства с русскоязычными. Правда, мы все находились примерно в одинаковых, незавидных условиях. И все же!.. Мы обменивались информацией. Кто-то узнавал что-то новое – передавал другим. А в Париже существует такая сеть разнообразных услуг по линии «социала» – как, пожалуй, ни в каком другом городе. Владеть верными сведениями о тех или других «благах», предоставляемых государством малообеспеченным или почти совсем необеспеченным людям, таким, как, например, мы, было крайне желательно.

Там, в «опиталь», мы познакомилась с симпатичной молодой женщиной из России – Александрой, она была с дочерью, чернокожей, очень красивой девочкой, лет девяти. Как она попала во Францию, я уже не помню, но она говорила, что приехала в эту страну ради дочери. «Не каждый русский парень решится жениться на чернокожей девушке», – как-то сказала она нам. «Опиталь» был полезен еще и тем, что при нем находилась «социальная служба». Небольшая комнатка, а в ней сидела приятная, доброжелательная молодая женщина. Полномочная представительница «социала». Звали ее Изабель. Она помогала найти место для ночлега, давала ценную и уже точную информацию – адреса пунктов помощи всем неустроенным или пусть даже временно нуждающимся.

Александр с ребенком она во многом помогла. Устроила ее в гостиницу (в прямом смысле в гостиницу, за проживание платит «социал»). Она дала нам адреса бесплатных столовых. Так как я знаю язык и, вероятно, на фоне многих других, этим все же выделялся, то «ассистанка» обычно тепло меня встречала в своем кабинете. Она охотно беседовала со мной даже на отвлеченные темы. Нам с Геной она также обещала найти общежитие после того, как нас выдворят с бульвара Нэй. Дело в том, что на этом бульваре мы все же жили около месяца, так как нам продлевали сроки с 3 дней, потом еще раза три по 5 дней.

И в общежитии на бульваре Нэй мы обзавелись новыми знакомствами. Прежде всего познакомилась с русским парнем Юрой. В дальнейшем он стал одним из постоянных спутников нашей образовавшейся группы «свободных». Юра был закаленный «странствующий рыцарь». Как он нам рассказал, попал он в Западную Европу благодаря Советской армии. По призыву его направили на службу в ГДР, оттуда, во время развала Союза, он просто ушел в Германию, растворился в ней. Жил в Западной Германии около года, затем, кажется, примерно столько же в Испании или в Италии. Года два жил в Париже, потом опять возвратился в Германию. И вот сейчас дух странствий вновь привел его в Париж. Можно было бы подумать, что это какой-то авантюрист-«жиган», прошедший «Крым, Рим и медные трубы». Но Юра на самом деле – простой, как «сто тысяч других в России», парень лет двадцати шести. Среднего роста, но стройный, широкий в плечах с открытым лицом, блондин, с ясными серыми глазами. Позже, узнав Юру поближе, я подумал, что он живет не там и не в тех условиях, в которых ему полагалось бы жить. Живи он сейчас в России, думал я, он наверняка нашел бы себе достойное место, приобрел какую-нибудь специальность. А может, даже окупился в бизнес. Чем он хуже других? Уверен, не хуже! Что немало важно, нашел бы по душе русскую красавицу, женился бы... В общем, жил бы полноценной жизнью.

Первым с ним познакомился Гена в «опиталь». И, несмотря на то что Юра в то время также жил на бульваре Нэй, мы могли бы с ним так и не познакомиться. Людей в общежитии немало, общаются все на французском. А если и плохо говоришь на этом языке, то мало ли какой национальности ты можешь быть – тем же албанцем или сербом, перуанцем, поляком и т.д. Юра прилично говорил по-французски, и Гена сразу вцепился в него. А мы, то есть я и Гена, к этому времени уже как бы надоели друг другу. И, по всей видимости, на ту пору что еще удерживало моего временного товарища от разрыва со мной, – совершенное незнание языка. Теперь Гена с Юрием нередко ходили вдвоем по Парижу. У них появились и свои какие-то заботы, дела. Но в основном мы все же держались вместе – я, Гена, Юра и еще один парень-армянин. Последний, конечно, отлично говорил по-русски. И даже писал стихи, обычно назидательного характера и тоже на русском.

С Юрой нам стало как-то надежнее жить в Париже, проще ориентироваться. Нас приятно удивляли его обширные знания полезных, по сути, совершенно необходимых сведений. С ним (чуть позже к нам все же присоединились и Рошван с Колей, тоже далеко не новички) мы продолжали осваивать, а порою и открывать новые социальные услуги, предоставляемые так широко и бескорыстно нуждающимся и просто неустроенным. В этих соцпунктах, разбросанных по разным районам города, можно было и победать, и помыться под горячим душем (шампуни, мыло предоставляются, как и принадлежности для бритья). При некоторых пунктах были и стиральные машины. Бывало, в пасмурные, дождливые дни мы все вместе приходили в подобные пункты. Сдавали грязное белье в стирку женщинам, обслуживающим стиральные автоматы, а сами в это время отдыхали. Играли в шашки или же во французские карты «таро». А белье в это время стиралось и сушилось. Изредка к нашей группе присоединялись другие русскоязычные «путешественники», но обычно ненадолго. Без сомнения, в силу того что наша жизнь без отпуска, без пропуска протекала почти постоянно на улицах Парижа, без дома, без близких и родных – мы стали привыкать к непостоянству. И постепенно начали как бы сами себя осознавать в этом нестойком, вечно изменяющемся потоке жизни. Это непостоянство душа постепенно принимала за норму. Помнится, на втором месяце, когда я был за границей, еще до Парижа, в Ницце у меня на вокзале стащили прямо из-под рук сумку со всем, что у меня было. И тогда я, как говорится, не стал «убиваться». Уже в то время моя душа привыкла к потерям. Я приобрел навык без паники постоянно думать, беспокоиться о том, где буду сегодня ночью спать, где поужинаю, пообедаю. Несколько похоже на армейскую службу. Наш старшина говорил: «Где солдат сел – там его и дом!»

Отец Евгений назначил мне встречу. По телефону я говорил с его женой. Попросил разрешения прийти не одному, а с Геной. На другом конце телефонного провода произошло легкое замешательство. «Ну что ж, приходите с вашим другом». Я понимал, что получилось по анекдоту: «Можно, я приду к вам в гости – я и моя семья, и маленький цыганенок?»

В назначенный час и день мы пришли в гости к отцу Евгению и его жене матушке Ирине. «Ну что, хлопцы, – сказал отец Евгений, потирая ладони, когда мы с Геннадием уселись за стол, – по русскому

обычаю положено выпить водочки! Не откажетесь?» Я сказал, что ничего против не имею, а даже с радостью выпью. Гена по привычке промолчал. Мы выпили, закусили, чем Бог послал. Обед был вкусным. Пришли еще какие-то «калики» просто покалякать, пообедать. Пошел разговор о том, что мы с Геной умеем делать. Гена, оказывается, неплохо знал некоторые методы лечения из народной медицины. Матушка Ирина сразу же по мобильному телефону связалась с какой-то страждущей. И Гена около получаса беседовал, давал наставления. Но, кажется, ни дальнейших встреч, ни консультаций с болящими у Гены не было. Перед нашим уходом отец Евгений позвал нас в соседнюю комнату и вручил по 100 франков. В то время это были не маленькие деньги. А матушка Ирина сказала, чтоб я ей позвонил через пару дней, возможно, она к этому времени договорится насчет работы в лесу – пилить и колоть дрова.

Мы с Геной еще жили на бульваре Нэй. И вот в назначенное время я, позвонив матушке, узнал, что через день утром меня будут ждать на остановке метро. Свидание было назначено на 7 часов утра. Ночью я часто просыпался, спал беспокойно. И надо же: проспал, т.е. проснулся по подъему в 7 часов. Случай, конечно, редчайший в моей жизни. Обычно у меня срабатывают «внутренние часы». И если я даже ставил будильник, то просыпался минут за пять до звонка. Я все же позвонил вновь матушке Ирине и попросил ее передать работодателю, что по причине того, что плохо еще знаю Париж, заблудился в метро.

Мне назначили новое свидание, и я уже встретился с хозяином. Сразу же от станции метро мы поехали на его грузовике в лес. В машине уже сидел парень – поляк, он тоже ехал на заготовку дров. По дороге поляк и хозяин вели беседу, видно было, что они уже давно знакомы. Выехав за черту города, наш грузовик въехал в осенний красивый, может, даже Булонский лес. Я еще тогда плохо ориентировался. Ехали в глубь леса. Утро было пасмурным, но все же по-летнему теплым. Выехали на поляну, на которой темнели несколько штабелей кряжистых бревен, вероятно, давней, прежних лет кладки.

Мы с поляком выпрыгнули из высокой кабины грузовика на еще зеленую траву поляны. Хозяин дал нам по электропиле и лесничьи топоры-калуны с длинными ручками. Объяснение задачи до предела краткое: пилить и колоть стволы деревьев, вытаскивая их из штабелей. Мы с напарником взяли себе по штабелю стволов и стали эти бревна пилить электропилой и тут же напиленные чурбаны колоть. Мой напарник, парень лет 30-35, рассказывал мне позже, что он профессиональный пильщик и занимается этим ремеслом уже не менее 10 лет. Да, я явно отставал от него. Представьте огромного обхвата бревно, например, акации. Погода стояла обычно сырая. Изредка сеял мелкий дождь. Деревья чаще твердой породы. Бревна намокшие, скользкие. Бьешь топором (не просто – как бы ударить, а со всего размаха, яростно) по сучковатому и толстому чурбану. Чурбаны толщиной чуть ли не в два обхвата, топор отскакивает от них, как от резины. Я, конечно, пытался хоть как-то сравняться с напарником, гора наколотых дров которого росла на глазах. Пилит, колот без передышки даже в обед. Когда я вспоминаю эту работу в лесу, то просто даже слегка удивляюсь, что все прошло без травм. А у меня все же в руках была электропила, которая легко перепиливала толстые стволы деревьев. И я, без опыта работы, с таким опаснейшим орудием труда.

Дождь льет с небес, стою на скользких, шатких бревнах и пилю. И главное – все в постоянной спешке. Условий для неловкого, неточного движения пилой – хоть отбавляй... Но все же иногда, урывками, я поглядывал, не переставая пилить и колоть, на окружающий лесной мир. Это был настоящий французский лес, который я в былые времена лицезрел на полотнах великих французских художников. Например, Франсуа Буше, Никола Пуссена, да и многих других французских живописцев... Лес редковатый и поэтому видится глубоким. Но он все же был еще опушен листвою, хотя и тронутый багрянцем октября. И, несмотря на нудный дождь, на тяжелый и, главное, не совсем удачный для меня труд, лес все же представлял передо мною сказочно красивым, окутанным голубым дымчатым воздухом, напитанным веками нестареющей романтикой...

На следующий день всё та же работа, требующая не только предельного напряжения, но и отваги. Плохо было еще и то, что стояли пасмурные дни, и началось похолодание. Как правило, в течение дня несколько раз шли, хотя и короткие, но по-осеннему прохладные дожди. Не обращая внимания на сырость, слякоть и дожди, мы с напарником неустанно кололи и пилили. Да и в любом случае спрятаться от дождя в лесу было негде. Я проработал всего три или четыре дня. К моему напарнику приехали его товарищи – поляки. Такие же пильщики, как и он – молодые парни. Хозяин, особенно не церемонясь, сказал мне: «Я знаю, что ты постепенно вработаешься, но у меня нет времени ждать. Надо воспользоваться похолоданием».

Свою речь он подкрепил французской пословицей типа: «Куй железо, пока горячо!» и рассчитал меня. Но я был доволен и этим временным заработком.

Подходил к концу отпущенный нам срок пребывания в гостинице на бульваре Нэй. Мы зашли с Геней в социал при «опитале», к мадмуазель Изабель. Она как всегда встретила нас приветливо. Стала искать по Интернету свободные места в гостиницах или, можно сказать, по «общежитиям». Как всегда, точнее – как чаще, нам не везло. Фортуна нам не улыбалась, и Изабель безрезультатно напряженно всматривалась в экран. Но вдруг она улыбнулась: «Есть, – говорит, – свободное место в общежитии, на 15 дней, на улице Перерер. К сожалению, одно. Кто-то один из вас может пойти туда. Кто?» Не задумываясь, я сказал, что пойдет Гена, уж хотя бы потому, что он не знает языка. Изабель окинула меня теплым взглядом – она оценила мое скромное благородство. «Нет, – сказала она, – надо и вас куда-нибудь пристроить! Подождите, есть у меня запасной вариант. Попытаюсь, может, и повезет». И она вновь стала «вгрызаться» в Интернет. «Ура, – есть свободное место на пенише. Видите, – продолжала Изабель, – добрые поступки не остаются невознагражденными!»

И вот Гена направился к станции метро «Перер», а я к пенише, белоснежной плавучей барже. Стоит она в центре Парижа, на Сене. Между мостами Шарля де Голля и Берси. На ее борту и находится гостиница. Изабель мне объяснила, как туда добраться. Время приема на барже обычное – с 18 до 19 часов. Незадолго до 6 часов вечера я подошел к белому, слегка покачивающемуся на темно-синих упругих волнах Сены кораблю. От него на набережную протянут мостик. Два-три человека, таких же бездомных, как я, задумчиво ждали открытия врат пениша. И вот ровно в шесть открылась дверь.

Люди, как мне запомнилось, изредка спотыкаясь, устремились по трапу к входу. Я тоже подошел к открытым металлическим дверям. У входа стоял энергичный мужчина лет сорока. Я протянул ему письмо, выданное мне Изабель. Мельком взглянув на мой документ, он ощупал мою грудь и спину. Заглянул в рюкзак. «Алкогольных напитков – пива, вина, нет?» – спросил он. Я ответил отрицательно и вошел, окунулся в досель мне неизвестный, интересный мир пениша. В регистрационном окне мне сказали номер моей каюты и вручили ключ. Сказали, что на пенише есть «вестиэр», т.е. место, где тебе выдают принадлежности для бритья, зубную щетку, пасту, мыло. Можно и приодеться – рубахи, брюки, куртки. Эти вещи, хотя и не новые, но чистые, выглаженные, пуговицы все на месте. Дают и нижнее белье, носки – это обязательно новое, с этикетками.

С ключом в руках я спустился к себе в каюту. Чудо! Небольшая каюта с круглым окном (иллюминатором) почти над самой поверхностью Сены, по которой не спеша катились уже осенние, холодные волны. В каюте кровать, заправленная безукоризненно белыми проглаженными простынями, шкаф с пустыми вешалками и небольшой столик. Но главное – ты полновластный хозяин этого райка. Хочешь – хоть сейчас ложись на кровать и спи, отдыхай. Я развесил вещи в шкафу на вешалки и поднялся на палубу, на которой находился огромный зал-столовая. Рядом размещались «вестиэр», а также каюты по обе стороны коридора, идущего от столовой к носу корабля. До ужина еще оставалось немного времени, и я зашел в «вестиэр». Взял зубную пасту, щетку, носки. Выбрал теплую куртку (уже осень). И, кажется, джинсы. И вот к семи часам вежливые добровольцы накрыли ужин. Посреди зала-столовой два ряда длинных столов, вдоль них с обеих сторон такие же длинные деревянные, выкрашенные светло-коричневой краской скамьи. Рассаживаются кто где хочет, в общем, за каждым столом сидят по 10 человек, с двух сторон. Всего, кажется, 3 или 4 таких стола. Мест всем хватает. «Бениволи» (о которых я уже упоминал, это добровольно работающие люди, т.е. никто им ничего не платит) работают безупречно вежливо, предупредительно. И нет у них, я думаю, тайного презрения к клиентам, как, например, у официантов, работающих за зарплату. С улыбками, шутками девушки, пожилые женщины, мужчины обслуживают нас. Питание великолепное! Салаты, супы, второе – обязательно с мясом (куры, говядина, свинина). Сыры – обязательно. Что-нибудь на сладкое – гато (кондитерские изделия) или фрукты. Но что еще чудесно – так это огромные двери-окна, слева по борту. Сидишь за столом, ужинаешь, а мимо проплывают «бато-мушь» с туристами, небольшие кораблики, окруженные аурой света и музыки. Туристы за это удовольствие заплатили деньги, а мы без денег, многие и без документов – с ними на равных. Ужинаем не спеша, около часа. Бениволи, окончив разносить блюда, присаживаются за стол, ведут с нами непринужденные беседы. Смех, шутки... Вероятно, обходительность и вежливость в общении с людьми, скажем, без постоянного места жительства – основная обязанность работников социальной службы и тем более «бениволей». А в целом работа на добровольных началах широко распространена во Франции.

Нам весело. Играет музыка. После ужина подают чай, кофе. Сиди, беседуй или играй в шашки, французские карты «таро». Тут же на настенных полках книги. Меня обычно привлекал энциклопедический словарь «Larousse». Вот уж действительно великолепный словарь! Объяснение найдешь для любого, даже самого незначительного понятия. И что еще приводит меня в благоговейный трепет, так это лица

– фотографии или даже выполненные художниками портреты давно-давно живших на земле людей, чем-то прославившихся в веках. Здесь ты можешь увидеть всех, о ком когда-либо слышал. Королей и королев, философов и ученых, живших сто, двести, четыреста и более лет назад. Перелистывая страницы, взглянешь на какое-то лицо и хочется узнать, кто это, когда жил, чем знаменит? В каком времени, веке мучился или прекрасно провел жизнь этот мужчина или эта прекрасная дама?..

Кажется, в 10 часов вечера временно прописанные на этом уютном корабле должны расходиться по своим каютам. В каюте можно и почитать. В коридорах ночной приглушенный свет. Двери кают на ночь после отбоя остаются открытыми. По коридору дежурит уже не «бениволь», а кадровый работник «секюрите», т.е. человек, отвечающий за безопасность и порядок на корабле.

Утром подъем в 7 часов. Моешься (есть душевые) и идешь на завтрак. В зале-столовой уже разливают кофе, чай. Некоторые любители едят хлопья, заливая их молоком. На столах сливочное масло, варенье в вазочках, в пластмассовых тазах нарезанный хлеб, конфеты, шоколад. Все это на выбор, ешь без ограничения. Но до 9 часов нужно покинуть этот гостеприимный корабль.

На пенише я также познакомился с несколькими русскими парнями. Были встречи с уже знакомыми. Однажды, зайдя в зал-столовую, в то время когда еще не были накрыты для ужина столы, я стал просматривать книги на стеллажах. И вдруг увидел знакомое лицо. Это был парень - болгарин по имени Ильес. Склонившись над книгой, он что-то читал. Раньше у нас с ним были две-три мимолетные встречи. Но и этого было достаточно для меня, чтоб я понял, что это порядочный человек. Увидев его здесь, на корабле, я очень обрадовался. И это радостное чувство меня не обмануло. Нет, он не сыграл какую-то существенную роль в моей на то время совершенно неустроенной жизни. Да это и не было главным... Я тронул его за плечо. Ильес поднял голову, сразу же узнал меня. Мы обменялись рукопожатиями. Было видно, что он тоже рад нашей встрече. Ильес свободно, без малейшего акцента говорил по-русски. Меня это немало удивляло. До Франции он всю жизнь жил в Болгарии. Как-то я его спросил, откуда у него такое знание русского языка. «В школе учили», – ответил он. «Мало ли что учили мы в школе?!» – подумал я.

На ужин мы с ним сели рядом за один стол и все время болтали. Позже уже вместе с Ильесом я познакомился с Виталием. Виталий, как мне показалось, тоже был не совсем новичком в этом «путешествующем мире».

Кажется, на следующий день после завтрака я сошел с корабля на берег с Виталием. Да, в это же время на пенише жил и Саша из Кишинева, один из первых наших знакомых в Париже. Но Саша проживал на корабле уже предпоследний, четырнадцатый день. Он попросил нас с Виталием сфотографировать его на фоне высотных зданий. Как я уже упоминал, в этом месте на набережных Сены по обеим сторонам высятся многоэтажные здания. Создается впечатление, что ты не в древнем Париже, а где-то в Нью-Йорке на одной из главных «стрит». Потом Саша пошел по своим делам (дела здесь у всех). А мы пошли выполнять программу, которую наметил Виталий. Первым пунктом программы было записаться в городскую библиотеку.

Здание библиотеки находится на площади рядом с величавым, торжественным и огромным сооружением – Пантеоном. И обозрение этого колоссального сооружения с высоченными стройными колоннами, с серыми, мрачноватыми, огромными по высоте и ширине стенами, некоторые из которых даже глухие, без окон, – наводит на мысли о бессмертии... Но почему-то иногда - и наоборот... На фронте Пантеона высечена короткая, торжественная фраза: «Aux grands hommes la Patrie reconnaissante» «Великим Людям Благодарная Родина».

Я посещал Пантеон. Запомнились могила Виктора Гюго, Жан-Жака Руссо, многих других знаменитых писателей и военачальников. Еще в огромном, очень высоком зале – часы Гринвича. Могила Наполеона, как известно, в противоположной стороне Парижа, во Дворце инвалидов... Рядом, сзади Пантеона, чуть левее, древняя католическая церковь Сэн-Этиен-дю-Мон. Как говорится в исторической справке, первый камень был заложен в 1610 году Маргаритой де Валуа, супругой короля. В этом соборе, или церкви, могила святой Женевиевы, покровительницы города Парижа. Есть торжественное, огражденное железными ажурными решетками надгробие... Но нельзя, к сожалению, сказать: здесь покоятся мощи святой... Потому что во время революции народ, как это обычно бывает, имея свое особое мнение буквально на все, пересмотрел и само значение подвига святой Женевиевы и... Страшно сказать... В общем, мощей не стало. Но осталась каменная белая плита, на ней покоились мощи заступницы парижан еще с тех пор, когда Париж, его центр, носил имя – «Лютес» Я стоял у могилы, у ограды... И наплывали мысли о подвигах святых, о тех параллелях в истории, событиях, которые неуклонно свершаются в самых разных странах...

Виталий, немного странный молодой человек, постоянно чем-то озабоченный, убеждал меня записаться в библиотеку. Не для того, чтобы посещать читальный зал и знакомиться с древними манускриптами или с новинками художественной литературы, а только чтобы иметь документ для полиции. «Все же настоящий французский, не поддельный. Видишь, пластик», – сказал мне Виталий после того, как мы получили читательские билеты. На самом деле билеты были покрыты прозрачной пленкой, а не пластиком. Походив по залам библиотеки с серьезными лицами, мы вырвались на свободу. «Сейчас я покажу тебе русский книжный магазин», – сказал мне новоиспеченный читатель парижской библиотеки. Знакомство с книжным русским магазином в Париже меня не могло не обрадовать. Представьте себя на нашем месте – мы оказались далеко за морями, за многими странами и за довольно прочными границами, в сущности, всегда одинокие, вырванные из привычного грунта цветы. И, конечно, приятно соприкоснуться с тем, что с давних пор близко, родственно тебе... Поэтому мы не упускали случая встретиться с каким-то, пусть небольшим оазисом нашего привычного русского (пусть советского!) мира.

И вот мы спускаемся от Пантеона по узенькой и не совсем прямой улице. Среди магазинов и шикарных кафе – витрина, в ней книги на русском языке. Надо сказать, книги с интересными названиями. На обложках фотографии Николая II и Ленина, философов России недавних и давних времен. Мы врываемся в магазин. Как обычно, над дверью колокольчик. В глубине немного темноватого помещения за столом работник разговаривает с покупателями. А в передней части магазина на полках и на столах разложены книги. У меня они, конечно, вызвали живой интерес, может, даже значительно больший, чем можно представить. В основном русская классика – Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Гоголь, Бунин. Много стихов. Здесь впоследствии я купил и сборник Николая Рубцова. Большой отдел философии, религии, молитвенники. Все или многое о православной вере. В общем, магазин русской книги тоже являл собой какой-то праздничный мир. Денег у меня, как известно, было немного, но я все же выбрал уже старую, слегка потрепанную книгу.

Вероятно, русские, живущие в Париже, чистят свои библиотеки и сдают ненужные сюда. Книга называлась «Дни Турбиных» Михаила Афанасьевича Булгакова. Я положил ее в рюкзак. Виталий все куда-то стремился и ушел, а я оставался в магазине. Как я уже писал, слегка темноватое помещение магазина дышало старой, кажется, еще дореволюционной царской Россией. На полках много и советских книг, изданных в сороковых-пятидесятых годах.

В этот же день в магазине я познакомился с женщиной, русской, но давно живущей в Париже. Эта встреча в дальнейшем оказала значительное влияние на мою дальнейшую жизнь во Франции. Имя ее было Екатерина. В молодости, а сейчас ей на вид было за 45, она была, несомненно, красивой женщиной. Без всяких формальностей, просто как часто бывает у русских в Париже, мы познакомились и незаметно разговорились. Думаю, в целях, чтобы как-то мне помочь пристроиться, влиться в общий поток бурлящей жизни Парижа, она повела меня на набережную Сены, к «Нотр Дам». Екатерина была знакома с некоторыми русскоязычными художниками. Среди них двое были даже из Молдовы.

Несмотря на осень, конец октября, была ясная и теплая солнечная погода. Народ, как обычно, потоками вливался в открытые двери древнего собора «Нотр Дам», такой же поток вытекал из других дверей. Химеры, ощерившись, всматривались в вечно снующих, оживленных и обычно веселых туристов. Казалось, только вековая привычка удерживала их от взлета... Да, может, еще и то, что уже со временем они срослись и сравнялись даже по цвету с каменными, серыми плитами высоких стен собора.

Мы долго разговаривали с художниками-земляками. Екатерина договаривалась с одним из них – Ионом, чтоб он сделал ее портрет. «Но недорого, карандашом». Ион ничего, как мне показалось, не обещал. А вообще в те времена художников на мосту у самого храма Нотр Дам и прилегающей к нему набережной было предостаточно. Одни заглядывали в глаза прохожим и просили: «Плиз, портрет». Другие с гордо поднятой головой стояли у своих мольбертов, к которым были прикреплены уже готовые, рекламные портреты, выполненные карандашом и, надо полагать, ими самими. Иногда на набережную выкатывалась вместительная полицейская машина. А то и две-три. Из машин выскакивали полицейские и начинали вылавливать зазевавшихся художников. Дело в том, что за любую деятельность, приносящую какие-то, пусть даже незначительные доходы, нужно непременно платить налоги. Художников увозили в полицию, но на следующее же утро эти же портретисты, как стойкий оловянный солдатик Андерсена, стояли у своих мольбертов. Вблизи у этих древних стен «Нотр Дам», под этим же, чаще всего, нежно-голубым небом Парижа, на берегу все той же голубоструйной, полноводной красавицей Сенной. И не очень навязчивое: «Плиз, портрет...» – опять реяло над набережной, густо усыпанной туристами.

Глубоко в сознании у меня теплилась мысль войти в эти отважные ряды художников. Но, по правде говоря, я не очень завидовал портретистам. У них почти у всех не было приличных документов. И не так-

то приятно, чтоб тебя таскала полиция. Несмотря даже на то, что, по-моему, полиция Франции – самая гуманная и самая вежливая в мире. Уверен, что это обстоятельство не является фактором, снижающим ее профессионализм.

Моя новая знакомая предложила встретиться через неделю, кажется, на остановке метро «Авр-Комертэн», это в коммерческом центре Парижа, где находятся здания таких громадных магазинов, как «Прэнтам» и «Лафайет».

Вечером ужин на пенише. Как всегда, дружеская, почти праздничная атмосфера. Затем отдых в «личной» каюте. Я уже, пожалуй, поотвык от такого комфорта. И поэтому «солитюд», т.е. «одиночество», пусть даже на ночь в каюте, было для меня праздником. То есть отдых не «на людях», когда с тобой еще спят 10 человек в одной комнате. Как, например, в Италии. Перед сном я читал. И что бы вы думали?.. Литературу «свидетелей Иеговы» и притом на русском языке. Дошли и до Парижа! Но мне было все интересно читать на русском языке. Тем более что до сих пор в моей походной жизни времени да и места для чтения не было.

Однажды во время ужина ко мне подошел Ильес. Да, этот приятный парень-болгарин. Он мне сказал, что через три дня у него заканчивается срок пребывания на корабле. А у меня, напротив, впереди еще было около десяти дней. После ужина мы спустились с ним в мою каюту. И говорили-говорили. Ильес рассказал, как попал во Францию. Я сейчас уже не помню, какие именно обстоятельства вынудили его покинуть Родину и с дружеским визитом посетить Францию. Правда, визит затянулся на долгое и неопределенное время.

У всех тех людей, которые меня окружали, конечно, были свои истории, так или иначе заставившие их покинуть насиженные, привычные места. Но в целом у этих историй много общего. Запомнилось, что первые три месяца по приезде в Париж Ильес проводил ночи на улице. А месяцы были холодные, зимние. Как я понял, он нередко мерз, голодал... И еще меня удивило, что пребывал он в районе Шателе – в самом сердце Парижа.

Ильес создавал впечатление немного замкнутого человека, но уж во всяком случае, нытиком он не был. Главное, что он хотел мне сказать, так это то, что он знает в Париже заведение, где, помимо обычной помощи, к которой мы уже как-то привыкли, дают еще и наличные деньги. «Не может быть!» Э усомнился я. Ильес хитро улыбнулся: «Дают, я уже получил. Мне пока не дадут, т.к. только по истечении трех месяцев могут вторично выдать. Я хочу, чтобы и ты получил». На следующее утро, даже не позавтракав, около половины седьмого мы с Ильесом сошли с трапа пениша и устремились к метро. Как птицы, перелетели через турникет и очутились в чреве метро, уже заполненного спешащими на работу ранними пассажирами. Ехали долго, с пересадками. А ехали мы, как сказал мне Ильес, в «Секур католик».

Когда мы появились у здания благотворительного общества, было чуть больше семи часов. А ворота общество открывало для бедных, нуждающихся людей в 9 часов. Но уже и в это время человек 20-30, образовав очередь, стояли на подступах к воротам. В 9 часов запустили внутрь помещения, зарегистрировали. В зал ожидания начали выходить из своих кабинетов агенты-служащие и вызывать зарегистрированных к себе в кабинеты по одному человеку. Часа через полтора молодой человек вызвал и меня. В кабинете он меня внимательно выслушал, а затем и записал в карточку все мои «трудности» и, в результате, выдал мне 350 франков – сумма, как я узнал, в таких случаях – максимальная. При Секуре был, конечно, и «вестиэр», буквально забитый различными вещами. Агент, звали его Тери, дал мне направление и в этот «вестиэр». В богатом по сравнению с другими «вестиэре» можно было выбрать и джинсы, и куртки, и рубахи, вплоть до шубы. Кое-что даже новое. Были там и такие мелочи, как ремни, шарфы, носовые платки, носки – всего не перечислишь. И все в идеальном виде – чистое, тщательно выглаженное. Были и спальные мешки, в упаковках, новые, удобные для сна даже на улице, где-нибудь в затишье, да еще и под навесом.

Позже я узнал, что Тери ушел из «Секур католик» из-за того, что был не только добрым, но и мягко-сердечным человеком. А в подобных местах, где все дают даром, вероятно, нужно проявлять и твердость характера. А то, глядишь, и растащат, разнесут все содержимое складов. Но это, по правде говоря, маловероятно, так как французы нескончаемыми потоками подъезжают на своих частных машинах к приемным пунктам и сдают, и сдают ненужные им, но еще довольно прочные, чаще всего имеющие вид новых, вещи.

Оставшиеся дни до «списания» Ильеса с корабля мы провели с ним вместе. Живя в Париже уже более 3 месяцев, я ни разу не был на Монмартре. А Ильес, хорошо зная Париж, предложил свою помощь в ликвидации такого с моей стороны упущения.

Мы доехали на метро до станции Пигаль. Вдоль улиц стоят проститутки. Множество секс-шопов, кинозалов, показывающих порнофильмы. Но мы с Ильесом, краем глаза взглянув на эти «блага цивилизации», стали подниматься по широкой каменной лестнице к торжественно стоящему на высокой горе белокаменному двуглавному храму Сакре кэр, в переводе – Святое сердце.

В названии Монмартр есть слово «гора». Вот и поднимаешься по каменным лестницам к собору и вообще к этому пятаку, где в веселой тесноте расположены кафе и рестораны, где сидят художники у своих мольбертов. Здесь же множество лавок, продающих сувениры. Еще здесь нередко можно встретить «живые памятники» люди гримируют свое лицо так, как будто это асбестовая маска, натягивают на себя тематические наряды. Становятся на что-то невысокое, напоминающее постамент. Перед постаментом – шляпа для сбора монет. В костюме, например, мушкетера, человек застывает, не производя видимых движений. Какой-нибудь прохожий по доброте души бросает в шляпу евро и – о, чудо! памятник оживает и не спеша выполняет поклон. Многих, ранее не видевших такого «дива», подобное явление приводит в восторг, а иногда вызывает и испуг, который обычно тут же сменяется веселым безудержным смехом и самого испугавшегося, и окружающих.

Однажды под стенами храма я видел симпатичную чету – девушку и парня, изображавших невесту и жениха. Невеста была с фатой на голове и в прекрасном подвенечном платье. Вокруг них были рассыпаны белые розы и воздух казался нежно-розового цвета. Когда кто-то опускал монету в красный медный кувшинчик, скромно стоявший перед «изваянием» счастливой пары, молодожены размыкали доверчиво переплетенные руки и церемонно склонялись для поклона. Здорово! Красиво! Беззаботно, с радостным чувством поднимаемся по ступенькам. Есть, правда, фуникулер, но зачем он? Здесь же все гуляют! И вот уже мы видим: на лестничной площадке клоун, нацепив красный нос на резинке, кривляясь и дурачась, веселит публику. Люди смеются, глядя на кривляния. И пусть это не профессионал, но в дурачестве неподдельная искренность, свобода. Люди (и для меня это несколько даже странно) так же чувствуют себя раскованно, весело, наверное, как и этот беззаботный ветерок, который нередко здесь пролетает, шумя в еще густых и пестрых кронах каштанов-великанов и развивая красиво уложенные волосы веселых и не очень лукавых девушек, как правило, с сигаретой в руках. Ах, ветер, безудержный вольный ветер! Я еще не разобрался до конца почему, но я всегда любил ветер...

Так и на Монмартре. В какое бы время года я сюда ни пришел – меня охватывает радостное пьянящее чувство, как после нескольких глотков чистого, хорошего вина...

Мы зашли под своды огромного торжественно-красивого собора. Как обычно, люди заходят в двери, справа над которыми висит табличка «антре», т.е. вход. Слева двери для выхода. Справа налево оживленная толпа обходит центр, в котором наставлено множество стульев для прихожан, занимающих их во время месс. Тут же внутри собора с правой стороны магазинчики, в которых можно купить значки, крестики, иконы с ликами святых (даже наши, русские). Можно купить свечи, различные по форме и цвету. И мы с моим добрым товарищем поставили по маленькой красной свечке. Как-то и я, и Ильес забыли опустить в ящик со специальной прорезью по 2 франка за свечи. Думаю, грех простительный, если учесть наше финансовое положение. Нагулявшись под стенами «Сакрэ Кэр», мы с Ильесом уже под вечер вернулись на борт пениша.

Я был очень благодарен Ильесу за все хорошее, что он сделал для меня за эти три дня. Но, к сожалению, срок его пребывания на корабле подошел к концу. Мы расстались с чувством дружбы и уважения друг к другу. А в дальнейшем судьба нас не баловала встречами. Две-три мимолетные встречи на дорогах не столь огромного, но кипучего и, справедливо говорят, празднично-веселого города – Парижа.

Гена проживал свои пятнадцать дней в общежитии на «Перере». Да, я не случайно написал «общежитие», а не «ночлежка». Потому что и общежитие на «Перере» с современными удобствами, чистыми просторными спальнями, с залом для стиральных машин не назовешь ночлежкой. Так же, как и уютные теплые каюты, и зал-столовую пениша. Вот на Данюбе – да. Спишь в вагончиках, где стоят кровати в два яруса.

За эти пятнадцать дней мы с Геней почти и не виделись. Только как-то раз мы были вместе в воскресенье на знаменитом базаре на площади «Бастилия». На этот базар нас привели Коля и Рошван.

Вообще с Геней у нас отношения чем дальше, тем очевиднее портились. Я устал постоянно любой пустяк переводить. Это началось еще в Италии, когда мы жили в Мозараке и собирали помидоры. И тут, в Париже, идешь с ним по улице и, как часто, что-то или какое-то место ищешь. Он мне: «Вот идет на той стороне мужчина, догони его и спроси!» А я по своей натуре не люблю спрашивать, тем более любого встречного, лучше сам поплутаю. А к этому времени Гена, естественно, обзавелся новыми друзьями, которые и хорошо знали Париж, да и с языком у них проблем не было.

Быстро пролетели пятнадцать дней моего житья на пенише (счастливый срок!). Стоял ноябрь. Время дождливых, холодных дней. Наша добрая знакомая из социала Изабель устроила так, что я из пениша перешел (без перерыва) на «Перер», а Гена занял мое место на пенише. И я, и он – на все те же пятнадцать дней. Мне, в общем, не понравился «Перер» по сравнению с пенишем, а Геннадию, как ни удивительно, не понравилось житье на пенише. Мне на «Перере» казалось, что комнаты плохо освещены, еда не такая вкусная. Что хорошо, так это то, что на «Перере» был зал со стиральными машинами и до 11 часов вечера можно было постирать свое белье. В этих, как мне казалось, плохо освещенных комнатах «Перера» я познакомился с Идрисом.

Рядом с моей кроватью стояли две кровати, на которых спали парни. Скорее всего, они были друзья. По меньшей мере держались они обычно вместе. Один из них (конечно, не Идрис) обратил на себя мое внимание тем, что спал постоянно одетым. Не расстелив постели, он ложился прямо в куртке на одеяло. Меня это слегка коробило. Я не понимал, почему он так поступает. Постели чистые, простыни постоянно меняют, в помещении центральное отопление, такое же, как по всему Парижу. (А, кстати, вообще-то чего я только не нагляделся за время моих путешествий!). В нашей комнате был, совершенно очевидно, психически больной чернокожий парень. Свою кровать он огораживал натянутыми простынями. Скрывшись за ними, он иногда выглядывал из-за простыней. Взгляд его был хмурым и диковатым. Иногда его обижали, т.е. обзывали, дразнили – он болезненно реагировал на это. Я, естественно, старался даже не задерживать на нем взгляда, но он почему-то невзлюбил меня. По вечерам он высовывал голову из-за простыней и выливал на меня все «некрасивые» слова, которыми его ранее «награждали». Но мое полное равнодушие ко всем этим выпадам в скором времени погасило его болезненные вспышки.

Однажды вечером кучерявый и слишком чернокожий для араба (а это был араб) парень, спросил меня: «Вы говорите по-русски?» «Да, – ответил я, – я русский». И он заговорил со мной на хорошем русском языке. Это, конечно, было, мало сказать, удивительно, – как гром с небес в ясную, солнечную погоду. «Вот так, – подумал я, – поди догадайся по внешнему виду, что этот самый настоящий сын жаркой Африки прекрасно владеет русским языком, живя в Париже, где переплелось такое множество представителей различных национальностей». Мне было приятно встретить в таком окружении, в таком месте человека, говорящего на родном для меня языке. Этого симпатичного парня, как я уже упоминал, звали Идрис. И уже в последующие вечера мы при встрече говорили с ним только на русском, к его и моему удовольствию. Как поведал мне Идрис, он лет семь прожил в России, был женат на русской девушке и у него в России рос сын. Но, как было очевидно, с Ростовской областью (а жил он именно там) и ее обитателями он распростился навсегда.

«Перер» все же мне определенно не понравился. Только запомнился один неординарный эпизод во времена проживания в этом общежитии. Конец ноября. Целый день льет серый, холодный дождь. Я раньше положенного времени подошел к зданию общежития, вероятно, не было еще и 5 часов вечера. Двери общежития, как известно, открываются ровно в 6 часов. Даже не стоит и мечтать, что они откроются раньше. Я встал под стеною здания, стараясь спрятаться от льющегося дождя. И вдруг вижу под зонтом, пригнувшись, бежит дежурный. Заметив меня, он (удивительно!) кивнул, приглашая за собой. И я вместе с ним влетел под крышу общежития. Это был редчайший случай нарушения распорядка.

Прошли пятнадцать дней моего пребывания и на «Перере». А в общей сложности, учитывая наши пребывания с Геной и на пенише и на «Перере», – прошел месяц. Но мы не прервали связи с нашими ранее приобретенными спутниками, Юрой и неразлучной двойкой Колей и Рошваном. Потом, как выяснилось, у двойки был и третий товарищ – Михаил, русский парень. Но он был странноватым, то ли чересчур замкнутым, то ли не в меру скромным. С Идрисом мы сблизились, и, когда кончился срок нашего пребывания на «Перере», я с ним присоединился к нашим товарищам. Идрис легко и основательно влился в наш в какой-то мере уже стабильный «союз свободных» и, как время показало, надолго.

Коля и Рошван ходили ужинать, как они говорили, на «Шарон», где мы с Геной еще ни разу не были, хотя об этом месте не раз слышали от них.

Как-то раз, помнится еще на «Гар де Льоне», когда мы с Геной там только появились, я заметил, что на Коле слегка разорвана куртка. «А это на «Шароне» порвали, когда я проталкивался в дверь, чтобы успеть занять место за столом». На нас с Геной это сообщение произвело определенное впечатление о «Шароне». Но и сейчас, когда мы с Геной остались без мест в общежитиях, они нам предложили ходить вместе с ними на ужин на «Шарон». Тем более что после ужина на автобусе нас отвозили на ночлег на хорошо знакомое место – «Данюб». Конечно же, нас этот вариант устраивал. А вообще на «Шароне», по сравнению с «Гар де Льоном», условия оказались намного лучше – удобнее и надежнее. Мы обычно со-

бирались все вместе к шести часам к пропускным дверям. Мы – это Гена, Юра, Коля, Рошван, Идрис и я. Обычно у дверей к этому времени уже толпилось человек 10-20. В шесть открывались двери и, конечно, ожидающие, бывало и с толкотней (но все же в допустимых пределах), устремлялись в зал.

В двух-трех просторных залах стояли столы и вдоль них с обеих сторон стулья. Кто спешил занять место за столом (хотя мест всегда хватало), а кто занять очередь на запись в автобус, на котором после ужина около 10 часов тебя везли на ночлег, правда, не в шикарную гостиницу, но к чистой и теплой постели в приспособленных для этого вагончиках. Важнее было все же записаться на ночлег. Поужинать можно было всегда без проблем, не помню случая, чтобы кому-то из проходящих не хватило ужина. Поэтому кто-то из нас занимал очередь на автобус, а другие – места за столом. Наша «великолепная» шестерка была стойкой. Мы вместе и ужинали, и на ночлежке выбирали кровати рядом. Однажды на «Данюбе» у нас из-за этого даже произошло недоразумение с дежурным по ночлежке. Мы, как всегда, стремились занять кровати рядом и в одном вагончике, но чернокожий дежурный, который распределял по местам прибывших, препятствовал нам в этом. Почему-то нервничал и старался разместить нас по разным домикам. Наконец я понял причину: дежурному показалось, что мы избегаем чернокожих и не хотим попасть вместе с ними в спальный вагончик. Я объяснил дежурному, что мы просто друзья и ни в малейшей мере не страдаем расовыми предрассудками. Чернокожий дежурный понял, заулыбался и уже не препятствовал нам занять кровати рядом друг с другом.

«Шарон» все же неплохое место! Да и тем более, как я уже упоминал: с «Шарона» на ночлег увозили на тот же «Данюб», что и с «Гар де Льона». Иногда (не могу забыть этих минут!) я на «Данюбе» в поздние часы, около полуночи, выходил за домики, в неосвещаемую фонарями зону. И сразу же погружался в густую черноту. Вокруг нашего небольшого лагеря стояли высотные дома. Во многих окнах и в это позднее время еще горели огни. За окнами протекала обычная жизнь парижан. Такую же или почти такую же жизнь – так сложилась моя судьба, – оставил и я. И мне казалось, что расстался я со своим домом уже давным-давно и навсегда.

Но все же не окна больше притягивали мое внимание, а ночное парижское небо... Оно, можно сказать, было удивительно голубым всегда, ну пусть – почти всегда, несмотря на разлитую по земле вязкую, густую темноту. По этому голубому, как бы с внутренним подсветом небу (можно сравнить с бутылочным цветом) медленно плывут белые, легкие, как новогодний снежок, облака. Но что больше всего поражало, так это то, что они всегда, в большей или меньшей степени, были тронуты розовыми красками. Как в театре! Не могу сказать точно почему, но это меня не то что не радовало, а даже – наоборот, как бы сердило. Наверное, ревность своего рода. Чем, мол, хуже мое родное – кишиневское небо?.. Правда, на нем все больше серые цвета...

Днем мы не всегда ходили вместе, но к вечеру собирались на «Шароне». Тот, кто приходил раньше, занимал на всех очередь, и у нас уже была гарантия войти одними из первых в зал, а значит, не остаться без ночлега. Вообще это времечко как-то по-особенному врезалось в мою память... Собирались к 6-ти, как я уже упоминал, а это было конец ноября-начало декабря. Холодно, сыро и к этому часу уже темно. По-над улицами Парижа зажигались печально-жёлтым светом высокие фонари... Самая грустная пора в году...

Продолжение следует.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46